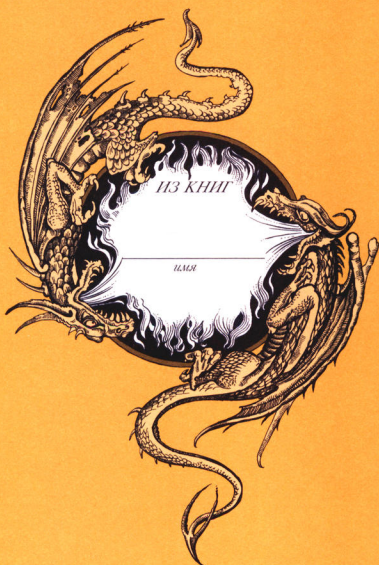

ЭНН ДОУНЕР

МАТИЯ В СКОРУПЕ

А З Б У К А - К Л А С С И К А

ЭНН ДОУНЕР

Магия в скорлупе

Санкт-Петербург
Издательство «Азбука-классика»
2007

УДК 82-93
ББК 84.7 США
Д 71

Ann Downer
Hatching Magic
Russian language copyright © 2007 by Azbooka
Copyright © 2003 by Ann Downer
Published by arrangement with Atheneum Books for Young Readers,
an imprint of Simon & Schuster Children's Publishing Division
All right reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted
in any form or by any means, electronic or mechanical,
including photocopying, recording or by any information storage
and retrieval system, without permission in writing from the Publisher.

Перевод с английского Ирины Лобода
Иллюстрация на обложке Антона Ломаева
Иллюстрации Елены Гозман

Доунер Э.
Д 71 Магия в скорлупе: Роман / Пер. с англ. И. Лобода. — СПб.: Азбука-классика, 2007. — 304 с.: ил. — (The Best. Children).

ISBN 978-5-352-02084-5

Хочешь улетных каникул? Заведи себе ручного дракона.

Бедняжка Теодора Оглторп! Ее отец-биолог отправился исследовать джунгли Лаоса без нее, оба лучших друга уехали на каникулы, и все, что ей теперь предстоит, — это долгое, жаркое, одинокое лето в Бостоне.

Бедный Гидеон! Его ручной дракон Уикка исчезла сквозь волшебную дыру во времени, когда искала место, где она могла бы отложить яйцо.

Несчастный Кобольд, соперник Гидеона в искусстве волшебства! Больше всего на свете хочет поймать Уикку и использовать ее против хозяина. В отчаянной попытке спасти Уикку от злобных посягательств Кобольда Гидеон следует за ней по коридору времени и переносится из замка в Англии тринадцатого века в такой непонятный современный мир Бостона, штат Массачусетс, в 2002 год...

ISBN 978-5-352-02084-5

© И. Лобода, перевод, 2007
© «Азбука-классика», 2007

Глава 1 КРОЛИЧЬЯ НОРА, ВЕДУЩАЯ СКВОЗЬ ВРЕМЯ

орошенькое, укромное местечко — вот что надо виверне, чтобы отложить яйцо. В этом они похожи на кошек — те предпочитают растить котят под амбаром, подальше от человеческих глаз.

Уикка уже осмотрела несколько комнат в замке, но ни одна из них не по-

дошла: эта чересчур душная, а в той, наоборот, гуляют сквозняки, третья — сырая, четвертая располагается слишком близко к туалету, а пятая — к спальне храпуна-кастеляна.

Уикка вздохнула. Слишком все это утомительно для драконихи, ожидающей малыша.

Она примостилась на выступе крепостной стены и, стараясь быть незаметной, наслаждалась теплом ласкового послеполуденного солнца. В саду у фонтана придворные слушали лютню и не замечали лишнюю горгулью у себя над головой.

Уикка расправила когти и начала неторопливо, по-кошачьи, вылизываться. Маленькая четырехлапая дракониха с небольшой изящной головкой и орлиным клювом была примерно такого же размера, как и каменные горгульи над водосточными трубами. Что бы ни говорилось в старых зоологических справочниках и современных словарях, у таких драконов действительно есть и передние, и задние лапы, а также мощные перепончатые крылья, как у летучих мышей. Крылатые драконы, их еще называют вивернами, очень похожи на кошек своей живостью, умом, повадками и тщеславием. У них

узкие кошачьи глаза, втягивающиеся когти, и мурлыкают они совсем по-кошачьи.

А ведь как хорошо начиналось утро! У дальней стены заброшенной королевской часовни за гобеленом Уикка нашла небольшой сундук. В нем лежали наполовину изъеденные книжными червями молитвенники. Из их страниц можно было сделать чудесное мягкое гнездо, а в маленькой часовне было тепло, сухо, тихо и безлюдно. Там давно обитали только полевки да летучие мыши.

Она удовлетворенно мечтала, какую подстилку сделает в гнезде: свежая паутина, пух молодых сов, возможно, несколько длинных золотистых волосков с гребня принцессы, — когда в церковь вошли люди.

Старый король недавно женился на молодой благочестивой француженке. Кто-то вспомнил о часовне: ее решили вычистить, побелить и проветрить, а старую мебель сжечь, и в первую очередь — сундук, так приглянувшийся Уикке. Она спряталась на хорах и наблюдала, как красивые резные скамьи монахов превращались в дым. Надо было начинать все сначала.

Существовал, конечно, и более легкий способ. В комнате ее хозяина Гидеона, Королевского Чародея, было тепло, сухо и тихо. Ги-

деон знал, что Уикка скоро отложит яйцо, поэтому отгородил ее любимую лежанку и стал давать ей после обеда немного масла из лебяжьей печени. Можно было бы просто разодрать одну-две подушки, положить сверху мышинные усики и крылышки мотыльков — и дело с концом.

Но чувство собственного достоинства не позволяло Уикке принять помощь. Нельзя получить гнездо просто так. Его надо найти самостоятельно и держать втайне от всех, особенно от волшебников. Даже от своего хозяина.

Солнце скрылось за тучей, и сразу похолодало. Дракониha пошевелилась. Яйцо делало ее неловкой, она почувствовала его движение, когда с трудом поднялась. Ее переполняло непреодолимое желание копать и рвать что-либо — надо было устраивать гнездо. Но где?

Она побежала, если можно так сказать о быстрой ходьбе вперевалку, в дальний конец сада к осыпающейся стене, которая только и осталась от древнего замка, давным-давно разрушенного во время осады. Уикка утоляла свое желание устроить гнездо тем, что рыла глубокую яму среди дынь. И вдруг она наткнулась на *это*.

Сначала ей показалось, что она дорыла до стены, но то был не камень. И не земля, и не огонь, и не лед, и не воздух, и вообще ничего из того, что она знала. Кроме одного. Уикка села на задние лапы и удивленно фыркнула.

Оно пахло волшебством.

Волшебство ее хозяина хранилось в плотно закрытых бутылках и банках. Его выпускали, когда луна была на ущербе, а ветер дул в нужном направлении. И только тогда его щепотку растирали в ступке с ячменным вином и золой до тех пор, пока оно не приобретало силу, достаточную, чтобы отгонять демонов или притягивать крылатых драконов.

А это волшебство никогда не знало, что такое сосуд. Оно было диким, сильным и необузданным. Внезапно оно обратилось в огромное зияющее отверстие, большее, чем самая крупная дыня, большее, чем сама Уикка. От него, как от окон, покрытых ледяным узором, веяло чем-то прохладным, серебристым, слышалось тихое жужжание. Оно призывало ее к себе, как волны притягиваются луной, неумолимо и жадно.

Вдруг дракониha поняла, где она построит гнездо.

Виверна медленно вытягивала шею, пока кончик ее клюва не прорвал мерцающую поверхность. Появилась рябь, послышался звук, как будто кто-то тронул струну арфы, и в мгновение ока Уикка исчезла. На грядке не осталось ничего, кроме спутанных дынных плетей и темной раскопанной земли.

Когда виверна не явилась к обеду, Гидеон не обратил на это внимания. Уикка обычно не сразу являлась на его зов. Она предпочитала делать вид, будто пришла по собственной воле. Сворачиваясь клубком на коврике перед камином, Уикка всем своим видом говорила, что только собаки и другие неразумные создания прибегают на свист.

Но когда стало темнеть, а она все еще не вернулась, Гидеон встревожился. Он надеялся, что глупышка не застряла в склепе или того хуже — в темнице. Волшебник особенно боялся, что ее могут похитить. Даже привороженная виверна — та, которая была вызвана заклинанием и получила золотой ошейник и имя, — все-таки магическое существо. Уикка могла быть сильным оружием против своего хозяина, если бы попала в руки его врагов.

Например, кого-нибудь вроде Кобольда.

Гидеон и Кобольд выросли вместе и, когда им исполнилось шестнадцать лет, были отданы в учение Королевскому Чародею. Оба молодых человека понравились при дворе. Поэтому, когда старый маг удалился на покой разводить пчел, юноши держали испытание, кто из них более достоин высокого положения Королевского Чародея. Звание и волшебную палочку получил Гидеон, а Кобольд отправился странствовать, добывая себе хлеб насущный колдовством у провинциальных графов и престарелых военачальников. К сожалению, у него оставалось много свободного времени, чтобы лелеять свою обиду и оттачивать мастерство в заклинании младших демонов. Кобольд посылал их в замок шпионить за Гидеоном. Королевский Чародей подумал, что если виверна пропала, то Кобольд скоро об этом узнает. А уж он придумает, как воспользоваться ситуацией.

Гидеон набросил плащ и пошел искать Уикку. Он начал с проверки ее любимых местечек. Она не пила сливки в маслодельне, не дремала у огня в сушильне при прачечной, не охотилась на лягушек в зарослях лилий. Не дразнила нервных соколов, сидящих в клетках, и не принимала песчаные ванны на поле для турниров.

Волшебник лег на живот, чтобы заглянуть под голубятню, и в этот момент услышал сладкий голос:

— Ты что-то потерял, Гидеон?

Он вылез, отряхивая перья и пыль. Рядом с голубятней в платье из серебристо-голубой парчи стояла Фебрис, фрейлина королевы и одна из шпионок Кобольда. Ее можно было назвать красавицей, если бы не мертвенная бледность кожи. Волосы, выбившиеся из-под головного убора, были скорее белыми, чем золотистыми, а глаза водянисто поблескивали. В сумерках ее силуэт казался сотканным из холодного лунного света и пыли. Гидеон подумал, что, возможно, так и было.

— Мне показалось, что лиса проскользнула под голубиную клетку, — сказал он.

Она хищно глянула на него, как сова на мышь.

— Лиса? А почему бы не послать за ней виверну? Зачем пачкаться, когда она могла бы тебе помочь? — Слова капали с языка, как мед с ложки, но это напомнило магу вкус протухшего мяса, покрытого сахарной пудрой. Он засмеялся, и Фебрис испуганно отступила назад. Смех — сильное оружие против демонов.

— Послать виверну за лисой? Шум вышел бы жуткий, а нашей новой королеве

не понравится, если ее вечерние молитвы прервутся таким образом. В любом случае, возможно, и не было никакой лисы — мне это просто почудилось. Но ты можешь проверить сама. — Он махнул рукой в сторону голубятни.

Фебрис наморщила нос:

— Конечно, я верю тебе на слово, Гидеон.

Она повернулась и ушла со двора.

Гидеон посмотрел ей вслед, понимая, что обмануть ее не удалось. Она сообщит все Кобольду. Нельзя терять времени.

Волшебник бросился в свою комнату. Аппарат для привлечения виверн чрезвычайно сложный. Придется работать почти всю ночь. Но если он станет упорно трудиться, все будет готово за час до зари, когда привораживающие чары сильнее всего.

Он пошел коротким путем через огород и именно там увидел загадочное сияние, исходящее от дынных грядок. У Гидеона екнуло сердце.

Нельзя было перепутать: следы от когтей точно принадлежали Уикке. И нельзя было ошибиться, увидев расплывчатое кольцо света, маслянисто мерцающее и тихо жужжащее, подобно прялке. Гидеон со стоном опустился на землю. Дракониша прошла через это коль-

цо света, бывшее чем-то вроде входа в волшебную кроличью нору, ведущую сквозь пространство и, что гораздо хуже, — время.

Он начал просовывать руку в эту дыру, но остановился. Бесполезно было бросаться за Уиккой, не подготовившись. Маг вернулся к себе и в течение часа убирал реторты с зельем и волшебные книги под замок, для пущей уверенности налагая на него защитные чары.

Уикка не могла выбрать для побега более неподходящий момент. На носу были ежегодные экзамены по полетам у молодых драконов, нужно наконец разрешить спор между людьми и троллями о правах на разработку копей и устроить пышный пир в честь гномов-посланников. И кто будет вместо него председательствовать на очередном заседании Верховного Суда Гильдии? У него едва ли оставалось время на собственные занятия генеалогией демонов или усовершенствование универсального противоядия. Последняя партия этого снабдья сделала придворного дегустатора невосомым на целую неделю. Теперь-то Ги-деон понимал, почему его предшественник бросил все и удалился в провинцию разводить пчел.

На верхней полке свернулась двухголовая змея, а рядом с ней сиял под стеклянным колпаком холодный голубой огонь, горевший без воздуха и топлива. Это были его близкие друзья: змейка Оуроборос, старая, как само время, и Игнус — разумный огонь.

Гидеон отложил дорожный мешок, подошел к волшебному огню, поднял стеклянный колпак и протянул пустой кошель. Игнус слетел с полки в него. Чародей защелкнул кошель и положил в карман. Затем потянулся за Оуроборос. Змейка скользнула в рукав и обвила руку хозяина. В шве была маленькая дырочка, сквозь которую она могла выглядывать.

Осталось придумать, как объяснить королю свое внезапное исчезновение. Маг испортил два листа бумаги, прежде чем нашел подходящий предлог: вызов на чрезвычайное собрание Гильдии Мастеров Волшебных Искусств. Гидеон знал, что Кобольд быстро распознает ложь, но надеялся к тому времени вернуться вместе с Уиккой и успеть помешать любым попыткам лишить его положения Королевского Чародея. Он искусно сложил записку в виде голубя, произнес несколько слов на волшебном языке

и проследил, как бумажная птичка полетела прямо в окно королевской опочивальни.

Он выпустил на волю тритонов и налил в блюдо сливки на тот случай, если Уикка все-таки скрывается где-то в замке.

— Замкнись! — приказал он двери и, когда засов послушно задвинулся, закинул мешок на спину и отправился к кроличьей норе.

Глава 2 ТЕОДОРА, ИЗВЕСТНАЯ КАК ДОДО

Ночему мне нельзя поехать с тобой? — спросила Теодора Оглторп, сидя на отцовской кровати. Она старалась, чтобы голос прозвучал сердито, но оказалось, что трудно одновременно ворчать и любоваться пластмассовыми вампирскими зубами в зеркале над комодом.

Мистер Оглторп складывал гавайские рубашки и спортивные носки в выдавший виды чемодан, покрытый таким слоем скотча и старых дорожных наклеек, что под ними едва можно было разглядеть потертую кожу. Ярко-оранжевый ярлык со словом «КАРАНТИН» был не до конца содран.

Большинство отцов сказала бы: «Додо, это слишком опасно», или: «Ты еще мала», или: «Ты будешь мешать», но мистер Оглторп подошел к комоду и, вытащив стопку маек и трусов, спросил дочь:

— Ну, если ты хочешь устроиться на работу в экспедиции, скажи мне, что ты умеешь. Вы говорите по-лаосски, мисс Оглторп?

Теодора отрицательно покачала головой.

— Ты можешь поставить палатку ровно за десять минут? А если палатку снесет, сделать бамбуковый шалаш?

Теодора сняла пластмассовые клыки и, держа их в руках, притворилась, что кусает ими покрывало на кровати, как терьер-вампир.

— Нет.

— Ты можешь приготовить обед на двадцать человек из угря и полкило риса, причем угря надо поймать самой?

Теодора почувствовала, что краснеет.

— Нет, но я могла бы делать пластмассовые слепки со следов, как ты учил меня прошлым летом, и помогать проверять ловушки для насекомых и упаковывать образцы.

Энди Оглторп сел на кровать рядом с дочкой. Он был высоким, с длинными сильными руками и ногами бывшего бейсболиста. Взяв у Додо вампирские зубы, он, не вставая, положил их на комод.

Теодора перевела взгляд с отца на свое отражение в зеркале. Она знала, что ничуть не похожа на него. В раннем детстве она была почти рыжая, как и отец, но, став старше, потемнела, так что все пожилые тетуски со стороны Оглторпов сказали, что она пошла в Гринвудов — родню с материнской стороны. Это означало, что у нее были мамины темные волосы и карие глаза, но она далеко не такая хорошенькая, как мама. Теодора невольно нахмурилась и откинула назад густые волнистые волосы.

— Видишь ли, дело вот в чем, — сказал отец, взяв ее за руки, — на эту экспедицию отпущено очень мало денег, поэтому каждый, кто едет, должен уметь делать все или почти все: ремонтировать джип, пользоваться коротковолновым передатчиком, лечить

змеиные укусы, играть в покер. Ты можешь быть очень полезна, Додо, но ты еще многого не умеешь.

Девочка почувствовала, как в ней поднимается волна протеста, и подавила готовый сорваться отчаянный крик: «Это несправедливо!» В доме Оглторпов можно сердиться и даже повышать голос, но ни при каких обстоятельствах нельзя хныкать.

— А Мадлен Силверферн папа берет с собой, — тихо сказала она.

Как только у нее вылетели эти слова, лицо мистера Оглторпа стало непроницаемым. Он выпустил ее руки и встал.

— Ну, мы же знаем, кто ее отец, да? Иди надоедай Микко и дай мне собраться.

Теодора медленно пошла по холлу в кухню, где Микко готовила обед.

Микко появилась в их доме четыре года назад, когда Додо было семь лет и мистер Оглторп поместил в газете объявление, что требуется няня. Девушка жила в комнате рядом с кухней со своим голубоглазым котом Фрэнки. У Микко были длинные прямые светлые волосы и темные миндалевидные глаза. И она вовсе не была японкой. В действительности ее звали Мишель Ко-

лодни. Теодора знала это, потому что нашла нянины водительские права в сушилке для белья, но та просила называть ее Микко.

Все это было очень таинственно, но пытаться проникнуть в эту тайну оказалось бесполезно, она либо меняла тему разговора, либо рассказывала какую-нибудь фантастическую историю, которая едва ли была правдой. Не могла же она на самом деле сбежать из школы и поплыть на грузовом судне на Таити. Девочка была почти уверена, что Микко выдумывала, когда говорила, что ее мама — цирковая акробатка, а папа — врач и они познакомились, когда ее мама упала с трапеции, а папа склонился над ней, как раз когда мама открыла глаза, придя в сознание. Впрочем, экономка Оглторпов *действительно могла* сделать простой кувырок назад.

Однажды Вэл, подруга Теодоры, спросила, не думает ли она, что ее папа и Микко влюбятся друг в друга и поженятся. Додо размышляла целую минуту и сказала, что нет. Она просто не могла себе представить, как Микко пьет кофе в старом зеленом махровом халате, вместо того чтобы наслаждаться чаем в кимоно, разрисованном белыми журавлями.

Няня была доброй и умела делать по крайней мере сотню полезных вещей. Теодора часто думала, что, если бы Микко не устроилась к ним, то могла бы быть хорошей шпионкой. А сейчас она стояла у стола в их солнечной кухне и готовила суши. На ней была черная шелковая свободная блуза, легкие брюки и белые сандалии. На руке болтался браслет из светло-зеленого нефрита, который время от времени звякал о стол или кухонный кран. Додо наблюдала, как Микко заворачивает полоски крабового мяса, авокадо и рис в лист из водорослей, затем разрезает его и укладывает на деревянное блюдо.

Приготовление суши было одной из тех полезных вещей, которые умела делать Микко. Она также могла слышать сквозь стены. Няня сказала, не оборачиваясь:

— Вероятно, это не лучшая стратегия, Додо. Упоминать о Силверфернах.

Теодора взяла лист из сушеных водорослей и посмотрела сквозь него на свет.

— Не растравляй рану.

Малколм Силверферн, отец Мадлен, был заведующим кафедрой зоологии в университете и, что даже более важно для семьи Оглторп, возглавлял комиссию по аттеста-

ции научных сотрудников. Микко считала, он виноват в том, что отец Теодоры еще не получил должность профессора. Хотя никто не говорил об этом, все знали, что если мистера Оглторпа вскоре не назначат профессором, то ему придется искать работу в другом университете, а возможно, и в другом штате.

Теодора сложила лист из водоросли в виде рупора и сказала в него, направив широкий конец конуса к няне:

— Что если папа найдет в Лаосе новый вид животного, о котором никто ничего не знает?

Микко отобрала у нее лист и начала делать еще один суши.

— Он мог бы назвать его в честь тебя, — сказала она. — Трам-бам-бамс теодоренсис.

— А что если он найдет что-то сногшибательное, а не просто новый вид жука? Это было бы здорово! Силверферну пришлось бы сделать его профессором.

— Вероятно. — Микко открыла банку, достала палочками для еды мягкий розовый ломтик маринованного имбиря и искусно сделала из него розочку.

— Это вполне возможно, — сказала Теодора. — Ведь не думали же, что еще оста-

лись не известные науке млекопитающие, а потом нашли новый вид оленя во Вьетнаме и новый вид обезьяны в Южной Америке.

— Даже если твой отец и откроет что-то, это может и не помочь, Додо.

— Будем надеяться на лучшее, — сказал мистер Оглторп, появившись в дверях. — Микко, вам не стоило так беспокоиться. Нас вполне устроила бы и жареная рыба.

Микко склонила голову набок, рассматривая деревянное блюдо с тщательно продуманной композицией из суши. Выражение ее лица оставалось непроницаемым. Обычно трудно было догадаться, о чем она думает.

— Я отдыхаю за этим занятием, — сказала девушка. — Похоже на оригами, только это можно есть.

После обеда Теодора с отцом пошла в Инман-сквер поесть мороженого в кафе Кунхедов. Керри, его владелица, похоже, удивилась, увидев их, но, наполняя мороженым вафельные трубочки, болтала с ними как ни в чем не бывало. Пока мама девочки была жива, Оглторпы часто заходили в это кафе. Но после того, как она умерла, отец и дочь долго здесь не появлялись.

Старые деревянные стулья в уголке, где они обычно сидели, были отполированы до блеска спинами бесчисленных посетителей. Теодора и ее отец молча ели мороженое. Странно сидеть здесь, где все так знакомо, только вдвоем. Девочка грустно улыбнулась, и отец улыбнулся ей в ответ.

В тот же вечер мистер Оглторп пришел поцеловать дочь на ночь. Чтобы присесть на краешек кровати, ему сначала пришлось освободить место от видеодисков, компьютерных игр, голографических картинок. Когда он переносил их на письменный стол, что-то соскользнуло на пол.

— Что это? — спросил он, подняв маленькую квадратную картинку из пластика. Свет от ночной лампы просвечивал сквозь нее.

— Это тату Гильдии Хранителей драконов, — сказала Теодора. — Оно смывается.

Отец покачал головой:

— Додо, я думал, ты больше не будешь тратить свои карманные деньги на эту драконью чепуху.

— Это не обычные драконы, а крылатые. Теодора вылезла из постели, взяла тату и аккуратно положила ее в постоянно по-

полняемую и свято хранимую коллекцию виверн под окном.

— Я и не тратила на нее деньги, а получила бесплатно в пакете с мюсли.

Мистер Оглторп закатил глаза:

— Лучше бы я никогда не брал тебя на тот фильм. Надеюсь, ты не забыла, что сейчас летние каникулы.

К восторгу Теодоры, он сказал это под распростертыми крыльями виверны из папьемаше, которую она сделала на уроке изобразительных искусств. На нее полностью ушли два воскресных выпуска «Бостон Глоб»: размах крыльев виверны достигал шести футов. Ее открытый клюв оказался всего в нескольких дюймах над головой мистера Оглторпа.

— Я не хочу, вернувшись, обнаружить, что ты превратилась в одну из тех слепых саламандр, которые живут в пещерах. Тебе следует отказаться от мюсли с мармеладками в форме виверны и стать серьезнее.

Теодора скользнула под одеяло.

— Если ты возьмешь меня в Лаос, я оставлю дома всю свою коллекцию, даже карточки с картинками.

Мистер Оглторп поцеловал ее и остановился на пороге, положив руку на выключатель.

— Радуйся, что я не принял предложение тети Мэрайи и не послал тебя во французский лагерь. А теперь засыпай.

На следующее утро они вместе с багажом погрузились в машину и поехали в аэропорт. Мистер Оглторп летел в Нью-Йорк, где должен был присоединиться к другим участникам экспедиции и отправиться в далекий Лаос. У выхода на посадку Микко стояла поодаль, пока Теодора прощалась с отцом.

— Задушу тебя в объятиях, — сказал мистер Оглторп и крепко обнял дочь, оторвав ее от пола.

— И я тебя тоже! — воскликнула Додо, обнимая папу, когда он снова поставил ее на ноги.

Затем ученый помахал Микко, сказал: «До августа!» — и исчез в проходе металлоискателя.

На обратном пути Теодора все время молчала, только иногда глубоко вздыхала. Все шло к тому, что лето будет отвратительным. Двое ее лучших друзей — а других-то и не было — вернутся в город только за неделю до окончания каникул. Мило уехал

с матерью и отчимом на два с половиной месяца в Калгари, штат Альберта, а Вэлери томила в оркестровом лагере в Адирондаках.

Когда еще один глубокий вздох послышался с заднего сиденья, Микко взглянула в зеркало заднего вида. Додо настолько съехала вниз, что виднелась только макушка.

— Я захватила куски старой булки, — сказала Микко, прерывая следующий вздох. — Пойдем кормить уток?

Они повернули к Маунт-Оберн, большому викторианскому кладбищу недалеко от Харвард-сквер. Микко припарковала машину, и они пошли по дорожке к их любимому утиному пруду вдоль могил с мраморными урнами, обелисками, увитыми розами крестами, меланхоличными ангелами и даже миниатюрными греческими храмами. Кладбище Маунт-Оберн не было таким уж печальным благодаря пронизанным солнцем огромным старым каштанам и дубам и малиновкам, прыгающим по блестящей зеленой траве между могилами.

Микко и Теодора сняли туфли и сели, свесив ноги в воду. Они брызгались водой, поросшей ряской, и бросали крошки диким уткам. Няня любила вздремнуть, совершен-

но как кошка, и через несколько минут она уже посапывала на поросшем травой берегу. Ее темные очки съехали набок. Додо вскоре совсем забыла, что отец уехал без нее в лаосские джунгли открывать удивительные неизвестные существа. Она воображала, что она — ученица Хранителя виверн и сидит сейчас на подъемном мосту, болтает ногами во рву с водой и бросает хлеб живущему там дракону.

По всему поэтому ни Микко, ни Теодора не заметили небольшого переполоха неподалеку. Вороны слетались на ближайший дуб, прыгая и каркая, пока не заполнили все его ветви. Они привыкли нападать стаями на хищных птиц и прогонять всех рыжехвостых ястребов, которые пытались обосноваться на кладбище. Но на этот раз, когда они хотели испугнуть незваного гостя, притаившегося в самой гуще ветвей, раздался предостерегающий звук, одновременно похожий и на шипение змеи и на рев льва. Струя пламени брызнула из зелени, как вода из брандспойта. Одна ворона упала на землю, испуганная, с опаленными перьями, но в целом невредимая, а остальные с криками улетели.

Спрятавшись на дубе, Уикка размышляла над своим положением. Это место вы-

глядело вполне привлекательно: вода, много высоких деревьев, а также животных и птиц, которых можно дразнить. Но оно было недостаточно уединенным. Как только стемнеет, ей придется двинуться дальше и найти более подходящее убежище для тайнства появления на свет нового дракона.

Глава 3 ВОЛШЕБНИК С ХАРВАРА-СКВЕР

утешествие сквозь коридор времени прошло в мгновение ока. Только что он был на дынном поле позади замка, а сейчас его толкают со всех сторон на прокуренном, озаряемом ослепительно яркими мелькающими вспышками света танцзале клуба «Голгофа», что на Сент-

рал-сквер в городе Кембридж штата Массачусетс. Для волшебника из тринадцатого века темный, похожий на пещеру клуб и его дьявольского вида посетители выглядели как двор короля демонов.

Гидеона окружало море мечущихся тел. Несмотря на внешность окружающих — пестро разрисованные и украшенные всевозможными колечками лица, волосы серебристого, зеленого и синего цвета, — он все же не думал, что это бесы. Но только по одной причине: эти извивающиеся тела не источали запаха гнилой капусты и серы, свойственного демонам.

Он не стал раздумывать, одержимы ли они или просто корчатся от боли. Удостоверившись, что Оуроборос благополучно сидит на его руке, и крепко держа мешок, волшебник стал пробиваться сквозь толпу. На полпути к двери он почувствовал, как кто-то лезет к нему в карман. Маг протестующе вскрикнул, но его крик утонул в шуме, а вор уже исчез в давке.

Гидеон понял, что, торопясь догнать Уикку, он забыл принять меры предосторожности против мошенников, и произнес заклинание, защищающее содержимое своих карманов. Ругая себя за беспечность, он ти-

хонько свистнул, и кошелек прыгнул обратно к нему в руку. Поплотнее запахнув плащ и сделав последнее усилие, волшебник протиснулся к двери и оказался на залитой дождем улице.

— Оуроборос, — сказал Гидеон, глядя на уличные фонари, протянувшиеся высоко над головой, — что это за странные факелы?

Та вылезла из рукава туники мага и свободно обернулась вокруг его шеи. Змейка порылась в своей обширной памяти, которая охватывала и прошлое, и будущее.

— Что-то вроде укрощенной молнии. Они называют это электричеством, — сказала она. — Впервые его научились использовать для освещения лет сто тому назад, но с тех пор с его помощью передают голоса по проводам и рисуют движущиеся гобелены на стекле.

Гидеон приподнял бровь:

— Оно послушное, как Игнус?

— Да, но боюсь, что оно не живое и не разумное. С ним надо обращаться осторожно.

— Ясно.

К этому новому понятию — *электричество* скоро добавились *автомобиль*, *автобус*, *эскалатор* и *метро*. Пройти через тур-

никет метро без жетона можно было с помощью простых чар, и волшебник с облегчением понял, что его одежда: плащ, туника, чулки — все из черной шерсти, кажется, не слишком привлекала внимание. Он даже заметил в клубе несколько человек в подобном наряде. В метро какая-то молодая женщина, по-видимому, была очарована его алыми туфлями с загнутыми вверх носками.

Они вышли на Харвард-сквер, потому что карта на станции «Сентрал-сквер» показывала, что там был университет. А где университет, там и книги, и вполне возможно — главный волшебник этой реальности. Гидеону потребуется его разрешение, а может быть, и защита для того, чтобы выполнить свою задачу в этом странном будущем.

С движущейся лестницы волшебник сошел недалеко от уличного киоска, в котором продавались все новости дня, написанные на больших тонких листах бумаги таким мелким и ровным почерком, как будто приложили руку сами ангелы небесные. Киоск был закрыт, но продавец выгружал из машины аккуратно связанные пачки. Гидеон всмотрелся в ближайшую.

— «„Бостон Глоб“, — прочитал он вслух, — семнадцатое июня две тысячи второго го-

да». — Внезапно у него так закружилась голова, что пришлось сесть прямо на брусчатку большой площади. В висках пульсировало, Гидеон ощутил легкую тошноту.

Он услышал голос Оуроборос.

— У тебя головокружение, — прошипела змейка, — вполне вероятно, из-за того, что ты прошел сквозь время.

Гидеон сжал голову руками. Ему следовало прочесть о возможных последствиях путешествия по коридору времени, прежде чем входить в ту нору. Он смутно помнил об этих симптомах. Кажется, что одним из них было уменьшение магических способностей. Волшебник застонал от досады.

Укрошенная молния — электричество — ослепительно сверкала вокруг него: в дорожных знаках, в странных горящих глазах металлических повозок, называемых автомобилями, с опасной скоростью мчащихся по улицам. Волшебник съежился возле пачки газет, не в силах шевельнуться.

Послышался звук приближающихся шагов, и перед магом остановились прекрасно отполированные ботинки. Он медленно поднял глаза.

Перед ним предстал маленький лысеющий человечек, одетый во все коричневое.

Он держал прямоугольный кожаный портфель. На другой руке у него за изогнутую ручку висел длинный заостренный черный предмет, сделанный, по-видимому, из плиссированного шелка. Светло-голубые глаза, сильно увеличенные очень толстыми стеклами очков, с большим интересом изучали чародея.

Это симпатичное видение сняло шляпу и низко поклонилось.

— Разрешите представиться, Айен Мерлин О’Ши, почетный профессор Гарвардского университета, доктор средневековой истории и фольклора. Коридоры времени — мое увлечение, — объяснил он. — Я как раз собирался в метро, чтобы посмотреть, кто это перешел к нам. И не только нахожу вас практически у моего дома, но также вижу, что вы собрат по Гильдии. Как я рад! В прошлый раз, когда я обнаружил, что кто-то проник сквозь кольцо времени, — это оказался перерезанный арбуз. Он появился на табуретке в баре, и один из постоянных посетителей пытался вежливо беседовать с ним.

Гидеон увидел, что к лацкану коричневого костюма из твида, который профессор О’Ши носил даже в самые теплые летние вечера, приколотая маленькая эмблема, украшенная

драгоценными камнями. Она представляла собой сову, держащую в лапах хрустальный шар, — знак принадлежности к Гильдии Мастеров Волшебных Искусств. По счастливой случайности на Харвард-сквер он встретил волшебника.

— Вы, наверное, не отказались бы от чашки чая, — сказал Мерлин, помогая Гидеону подняться.

— Чая? — недоуменно переспросил путешественник, глядя на своего спасителя.

— Простите, — сказал профессор О'Ши, когда они быстро пошли вперед. — Вы примерно из тысяча двести семьдесят девятого года? Англия и остальная Европа узнали о чае приблизительно в тысяча шестьсот сорок четвертом. Это — напиток. Я думаю, вы найдете его необычайно освежающим.

Он взмахнул зонтиком — а черный предмет с изогнутой ручкой был, несомненно, им — и крикнул: «Такси!»

Гидеон отскочил, когда одна из механических повозок подъехала и остановилась у обочины. Профессор повернул серебряную ручку с одной стороны повозки, и дверца широко распахнулась.

— Садитесь же, — сказал Мерлин, видя, что волшебник колеблется. — Мое жилье со-

всем недалеко отсюда, но в вашем состоянии не стоит идти пешком.

Поездка по улицам Кембриджа оказалась более страшным испытанием, чем мгновенное перемещение сквозь время, и Гидеон вышел из такси на Агассид-стрит, удивляясь, что остался цел. По дороге он узнал, что это королевство вовсе и не королевство и называется оно Америка, а водитель такси приехал из далекой страны Гаити.

Мерлин повел его к высокому кирпичному зданию и попросил мага войти в маленькую комнатку. В ней едва хватало места для двоих и совершенно не было мебели. Гидеону все это показалось очень странным, но тут профессор нажал кнопку на стене. Внезапно двери закрылись сами собой и комната начала подниматься.

Оуроборос выглянула из-за воротника хозяина и объяснила:

— Эта комната что-то вроде движущейся лестницы. Она называется лифт.

— Вижу, у вас есть собственный толкователь времени. Очень удобно.

Они вышли в длинный коридор, по обеим сторонам которого были двери. Мерлин достал из кармана ключ и открыл одну из них, самую дальнюю от лифта.

Как путник, нашедший оазис в пустыне, Гидеон переступил порог комнаты, наполненной такими знакомыми вещами. Ему радостно было видеть великолепную английскую и французскую дубовую мебель тринадцатого века, прекрасные гобелены и полки, прогибающиеся под тяжестью книг в кожаных переплетах. Он подумал, что они вновь перенеслись в его время, но затем заметил, что мерцающий факел, прикрепленный к стене, был, несомненно, электрическим.

— Я сделал несколько уступок нашему веку, — пояснил Мерлин. — А теперь садитесь и рассказывайте, что привело вас на семь столетий вперед.

Сначала волшебник позаботился о своих спутниках. Игнус был выпущен из кошелька и помещен на каминную полку под перевернутый бокал для бренди. Оуроборос соскользнула с шеи мага и устроилась на вешалке. Гидеон взял чашку чая, сел на скамью с мягкими подушками и рассказал волшебнику с Харвард-сквер, как он решил про себя называть нового знакомого, что с ним приключилось.

Мерлин задумчиво постукивал кончиками пальцев друг о друга.

— Я должен доложить о вашем прибытии в центральное бюро Северо-восточного отделения Гильдии.

Гидеон покачал головой:

— Боюсь, это может навлечь на меня опасность, возможно, меня преследуют. Вы можете уведомить о моем посещении после того, как я вернусь?

— Я сделаю даже лучше. Я просто сообщу о вас, как о случае отклонения от времени седьмого класса, что, попросту говоря, означает, что в коридоре времени, находящемся под моим наблюдением, было какое-то движение, но никто и ничто не появилось. Если повезет, это помешает вашему врагу догнать вас, а меня избавит от бесконечной бумажной волокиты.

— А вдруг в Гильдии узнают о вашей лжи? Это вам не навредит?

— К сожалению, Гильдия сейчас потеряла почти все свое бывшее влияние. Маги, избранные на высокие посты, таковы, что вы не взяли бы их даже подмастерьями в свою лабораторию. Создают комиссии, чтобы спорить о значении одного только слова в заклинании, которым больше никто не пользуется, в то время как совершенно необходимо обучать волшебников более прак-

тичным аспектам колдовства. Большинство действительно хороших чародеев разуверились в пользе такой Гильдии и в конце концов вышли из нее.

— Почему же тогда вы остались?

— Часть из нас пытается реформировать Гильдию изнутри, восстановить некоторые забытые способности, такие как превращения. Если все волшебники станут свободными и больше не будет Советов, мы не сможем по-настоящему следить за коридорами времени, не говоря уже о других видах Дикой Магии. Раньше, когда что-то проникало сквозь время, оно не допускалось к людям, можно было задержать его ненадолго, чтобы не причинить большого вреда. Но сейчас новости распространяются по земному шару в мгновение ока. Нас недостаточно, поэтому основная задача Гильдии, как мы считаем, — это обучение новых волшебников. Но довольно о наших проблемах. Мы должны найти вашу сбежавшую виверну.

Гидеон кивнул:

— Приворожить дракона должно быть просто и в вашем времени, хотя мне не хватает пера василиска и свежего глаза тритона. Придется позаимствовать у вас.

Мерлин О'Ши печально покачал головой:

— Боюсь, найти их здесь почти невозможно.

— Но почему?

— Василисков больше нет. Они были истреблены в семнадцатом веке. Что касается тритонов, они еще есть, но внесены в список исчезающих видов. Нельзя убить тритона, не получив разрешения, в котором будет сказано, что нужно одного из них принести в жертву науке. Ну, не расстраивайтесь так. Старина Мерлин найдет выход. В конце концов, нельзя оставлять виверну одну в этом времени.

Гидеон подумал, что не может допустить, чтобы такой враг, как Кобольд, настиг Уикку даже через семь столетий.

Стояла дивная теплая летняя ночь. Редкие облака рассеялись и открыли глубокую синеву неба с бриллиантами звезд. Уикка вдохнула соленый воздух, чувствуя счастливую усталость от трудов по обустройству гнезда. Пусть в нем и жил кто-то раньше, все же оно нуждалось в кое-какой переделке: его следовало расширить и выстлать заново. Место, выбранное ею для гнезда, было высоко над городом, далеко от хищных

глаз, в башне, с которой открывался великолепный вид на гавань.

Пара соколов-сапсанов, которых она выгнала из гнезда, пыталась было отстаивать свои права на это место, но одной-единственной струи извержения огня, лизнувшей их перья, хватило, чтобы они образумились. Птицы улетели, оставив Уикке много замечательного соколиного пуха, чтобы выстлать гнездо, — и как раз вовремя.

Виверна пошевелилась в гнезде, стараясь устроиться поудобнее. Это было весьма затруднительно, так как она сидела на предмете, который был чуть крупнее дыни среднего размера, немного заостренным с одного конца, светло-серебристо-зеленого цвета с крапинками цвета лаванды. Это было самое красивое и самое драгоценное яйцо в мире.

Виверна закрыла глаза, широко зевнула и начала издавать низкое урчание, которое и было драконьим мурлыканьем.

Глава 4 ПОЛЬЗА ВИВЕРН

менно ее отцу следовало бы сейчас бодрствовать. Но в то время, как Энди Оггторп видел десятый сон, вытянувшись на трех сиденьях большого реактивного самолета, летящего высоко над темным океаном, Теодора не думала даже и дремать. В полночь она сидела на

кровати, скрестив ноги, а перед ней на стеганом одеяле, как магический пасьянс, лежали карты *«Волшебники и виверны»*. Всего их было двадцать восемь. Это, конечно, мало по сравнению с обычной колодой, состоящей из пятидесяти двух. Но надо иметь в виду, что каждая карта была из двухфунтового пакета мюсли с мармеладками.

Девочка выложила ряд из семи карт, которые составляли масть виверны: красная, зеленая, фиолетовая, серебряная, золотая, черная и белая. Под ними находились карты, представляющие свойства каждой масти: силу, слабость, волшебную палочку для ее укрощения. Для серебряной виверны нужна серебряная волшебная палочка, для зеленой — изумрудная и так далее. Необходимо было иметь все три карты свойств для каждой масти, чтобы приручить эту виверну.

Если бы Теодора собрала свойства для семи мастей, она могла бы вступить в Клуб Хранителей виверн. Этот клуб находился в «Рассказах путешественника», магазине игр на основе комиксов и фэнтези, расположенном над химчисткой на Дейвис-сквер. Поскольку две из этих карт почти невозможно достать, вступить в клуб трудно. Она

понимала, что, вероятно, испытала бы глубокое разочарование, если бы когда-нибудь смогла туда проникнуть. В школе учились двое ребят, носивших на рюкзаках нашивки Клуба Хранителей виверн. У них были бледно-зеленые лица, как будто они редко бывали на воздухе. Неужели интересно сидеть и разговаривать с *ними*? Но Додо просто не могла устоять: она хотела знать, что может вступить, если пожелает.

Ей не хватало только карты силы для черной виверны. Это была ее любимая карта из масти виверны. Она изображала дракона, сидящего высоко на стене замка, под полумесяцем. Волшебная палочка для этой виверны была из оникса, а опасность для нее представлял солнечный свет, от которого мог спасти только лунный. Несколько недель назад Теодора безуспешно попыталась подделать нужную карту. Сначала она сканировала карту силы для серебряной виверны и попробовала изменить ее с помощью специальной программы на папином компьютере. Затем воспользовалась старомодным способом: нарисовала дорогими акварельными красками, взятыми у Микко. Додо осталась недовольна результатом и в раздражении бросилась в свою комнату,

а отец прочитал ей лекцию о том, что копирование может привести к потере воображения, точно так же, как пища из «Макдоналдса» испортила ее вкус.

— Но я не хотела, чтобы она выглядела как другие карты, — сказала она Микко. — Я хотела, чтобы она была *лучше*.

Это случилось после того, как ее неудачные рисунки вытащили из мусора, а девочка с няней стояли у кухонной раковины и мыли тонюсенькие собольи кисточки Микко.

— Как, по-твоему, она должна выглядеть?

Теодора только пожала плечами, вдруг застеснявшись сказать, что ей хотелось, чтобы карта выглядела как одна из маленьких картин, украшенных драгоценными камнями, в галерее средневековых рукописей Музея изящных искусств.

Она подавила зевок и стала собирать карты, и тут дверь открылась и заглянула Микко. На ней была ее обычная одежда, только белого цвета, красные, с вышитыми драконами тапочки, а в руках она держала большого белого кота.

— Ты все еще не спишь? — спросила она, глядя на карты, лежащие на постели. — Не можешь заснуть?

Девочка покачала головой.

Микко села на край кровати, а кот осторожно прыгнул с ее рук и вскоре уже уютно лежал на мягком одеяле среди карт, не спуская с Додо своих загадочных голубых глаз.

— Ну, Фрэнки, похоже, готов остаться здесь на ночь. Ты не против?

Теодора радостно закивала. Коту не запрещали свободно расхаживать по квартире, но он редко покидал свое любимое место на стуле у окна спальни Микко.

Додо собрала карты и положила их в мешочек из фиолетового бархата. Няня вернула его в святилище виверн под окном, затем остановилась у двери:

— Спокойной ночи, Додо.

Силуэт Микко был освещен светом из холла и немного напоминал маму. Тоска сжала сердце Додо. Она быстро повернулась лицом к стене и пробормотала в одеяло: «Спокойной ночи».

У Гидеона была своя колода с виверной, сильно отличавшаяся от карт Теодоры. Их изготовили из тонких пластин слоновой кости, а рисунки нанесли красками, блестящими, как драгоценные камни. В колоде было тридцать три карты. Кроме четырех обычных мастей: земли, воздуха, огня и воды, каждая

из которых имела собственных короля, даму, рыцаря, пажа, шута и волшебника, — существовали семь драконьих козырей: грифон, василиск, виверна, огнедышащий дракон, змей, химера и горгона. Имелись также две самостоятельные карты, но не джокеры, а демоны, красный и черный.

Гидеон не знал бы, что делать с колодой Теодоры, где были сила, слабость и волшебные палочки. Все существа, конечно, имеют свои уязвимые места, например василиски боятся кошек. Что касается качества, которое Додо назвала силой, то маг считал его талантом. Грифоны могут находить золотые жилы в земле, почти так же, как свиньи — трюфели, а у химер такое музыкальное мурлыканье, что им можно убаюкивать капризных детей.

Но из всех драконов виверны — самые приспособленные для волшебства. Хорошая виверна быстрее самого быстрого сокола и неумоима, как охотничья собака. Но они гонялись не за кроликами, их обучали ловить младших демонов, а также отыскивать освобожденные чары. Эти существа были незаменимы для волшебников в их работе. Обученная виверна являлась на зов только того волшебника, который надел на нее ошейник. Но был способ обратить дракона против

своего хозяина, запрещенный Дублинским соглашением 1420 года. Он назывался Поворотом. Если виверна выходила за пределы магии своего владельца и ее захватывали, то с этого момента он превращался в преследуемого. Начиналась погоня со смертельным исходом, как правило, для обоих.

Подобные мысли не давали Гидеону спать. Они с Мерлином проговорили за полночь, затем профессор пожелал ему доброй ночи и с неизменными какао и кроссвордом удалился в свою комнату. Волшебник пробудился от тревожного сна за час до рассвета. Он попытался вспомнить, что же так напугало его. Однако то ли сам сон был чарами, то ли его магическая сила ослабла от путешествия во времени, но удалось вернуть лишь небольшой отрывок. Кобольд, прыщавый худенький шестнадцатилетний ученик волшебника, одетый в костюм шута, давал представление с деревянными марионетками, изображающими демонов. За его спиной виднелись другие фигурки — волшебник, виверна, девица, — подвешенные за веревки на крючки и ждущие своей очереди. Но для кого разыгрывался этот спектакль? Густая тень окутала места для публики, и не было видно, присутствовал ли хоть один зритель на этом странном действе.

Гидеон сел и потер виски, прислушиваясь к шуму проходящих машин и мерному гудению холодильника. Наконец он сбросил одеяло и позвал Огонь. Игнус сорвался с каминной полки и подлетел к хозяину.

— Свет! — приказал чародей, и Игнус послушно вытянулся в факел холодного голубого пламени.

Волшебное сияние, исходящее от Игнуса, не очень-то подходило для работы. Свет лампы Мерлина был гораздо теплее и приятнее для глаз, но Гидеон еще не доверял электричеству.

— Ярче и меньше голубого, — сказал он, и как будто чтобы подразнить его, Игнус потускнел и заискрился кобальтовым светом, прежде чем сформировал шар серебряного огня, мерцавший подобно луне. Он поднялся и стал парить над плечом мага.

— Не двигайся. — Гидеон разложил карты в виде буквы Т: сначала одну, затем по три карты слева и справа от нее и, наконец, шесть сверху, всего получилось тринадцать. То, что он увидел, не обрадовало его. Маг смешал карты и заснул.

Обычно Гидеон хранил колоду аккуратно завернутой в голубой бархат и перевязанной

серебряной веревочкой, но, торопясь попасть в коридор времени, он схватил ее и засунул в карман, надежно не упаковав. Раскладывая карты, маг и не заметил, что одной не хватает. В своем собственном времени он бы этого не пропустил. Но сейчас волшебник списал неприятное чувство, охватившее его, на последствия путешествия в будущее. А когда карты сами попытались привлечь внимание хозяина и слетели со стола, как от внезапного порыва ветра, маг поднял их, побранил, но так и не заметил, что *козыря виверны* среди них не было.

На следующий день Теодора спала до поздна, и только аппетитный аромат завтрака заставил ее встать с постели. Вытянув вперед руки, она пошла на кухню.

— Я чую запах плоти, — монотонно сказала Додо, подражая зомби.

— Ты чуешь французский тост, — ответила Микко, кладя его на тарелку и подавая ей.

Тост был намазан сладким сливочным сыром с голубикой. Когда девочка начала его есть, няня поставила перед ней большой стакан грейпфрутового сока.

— Когда поешь, быстренько одевайся.

— Купальник, шорты, босоножки? — спросила Додо. Так они говорили о купании в Уолденском пруду.

— Подойдет любая одежда без дырок.

Сама Микко переоделась в зеленый льняной сарафан и матерчатые босоножки, разрисованные вишенками. Волосы она собрала в конский хвост и завязала его зеленым шифоновым шарфом.

— Ты раньше никогда так не одевалась, — сказала Теодора. Ее собственные джинсы и футболка показались безнадежно скучными.

Микко пожала плечами:

— Ну, ты видишь меня главным образом в повседневной одежде. Но когда я не на работе, то люблю немного принарядиться.

— Ты же сейчас на работе.

— Ну, тогда считай это моей рабочей одеждой для загородных прогулок.

— А мы едем за город?

Микко выудила из сумочки очки от солнца со стеклами в форме кошачьих глаз, надела их и повернула ключ зажигания.

— Увидишь.

Стоял чудесный день. Большие рыхлые облака быстро бежали по небу, как корабли

по океану. Теодора, уютно устроившись на заднем сиденье, смотрела в окно и время от времени украдкой поглядывала на Микко. Увидев ее в непривычной одежде, девочка вдруг подумала, что на самом деле она ведь совсем не знает свою няню. Это словно увидеть учительницу в супермаркете или в кино. Конечно, Додо знала, что у Микко есть прошлое: в нем существовали какой-то жених и почти полученная степень доктора искусств, но девочку вдруг заинтересовала обычная повседневная жизнь Микко.

Кто ее мама и папа? Есть ли другие Колонни, братья и сестры? Если Микко и ходила в выходные на свидания, то она никогда не рассказывала об этом. Теодора внезапно поняла, что она не знает даже, взяла ли няня Фрэнки котенком или забрала его уже взрослым из приюта. Микко старалась сохранить в тайне свою личную жизнь и делала это так успешно, что создавалось чувство, будто ее и вовсе нет.

Они ехали на север вдоль побережья до Салема, где провели несколько часов в музее, осматривая выставку миниатюр из Индии. Миниатюры были не больше игровой карты. Изображения дышали жизнью и ослепляли красками: яркие шелковые са-

ри, пестрые павлины, голубые фонтаны, мощенные изразцами нарядные дворы, си-некожие боги и тигры с золотыми полосками. Потом Додо и Микко купили открытки в магазине подарков и прогулялись по центру города, мимо сувенирных лавок, продающих футболки с изображением сале-мской ведьмы и прочей устрашающей чепухи.

Наконец они пришли в квартал с узкими кирпичными домами под развесистыми старыми дубами. Микко остановилась у дома с розовой и белой геранью на подоконнике и бронзовым дельфином на зеленой двери. Она взялась за тяжелое дверное кольцо и громко постучала. Тотчас послышался громкий стук когтей по кафелю, высокий залиvistый лай и ворчливый голос.

Дверь открыла невысокая индианка с блестящими черными волосами. На ней было сари из шелка цвета фуксии с серебряной каймой, а на ногах — самые современные кроссовки. Из-за юбки выглядывали две маленькие собачки, черная и белая, с острыми мордочками и огромными ушами. Они рычали на непрощенных гостей и так дрожали от возмущения, что Теодора громко рассмеялась.

— Кип, Руди, успокойтесь! — сказала женщина. — Микко, как приятно вас видеть!

Микко сложила руки в традиционном индийском жесте приветствия и поклонилась. Потом она представила их друг другу:

— Доктор Нага, это Теодора Огглторп. Додо, это доктор Нага. Она была одним из моих преподавателей в художественной школе.

— Здравствуйте, — застенчиво сказала Теодора.

— Рада познакомиться с тобой, дорогая, — сказала доктор Нага. — Микко столько рассказывала мне о тебе, что мне кажется, будто я уже давно тебя знаю. Проходите, пожалуйста.

Она провела их через анфиладу маленьких комнат, наполненных книгами, картинами, компакт-дисками и музыкальными инструментами, в солнечный двор, где среди кадок с тропическими вьющимися растениями и жасмином стояли плетеные стол и стулья.

Микко и доктору Нага было о чем поговорить, и, пока они сидели и обменивались новостями о людях, неизвестных Додо, она возилась с Кипом и Руди, которые совсем с ней освоились и теперь пытались вылизать ее с головы до ног.

— Я совсем забыла об обязанностях хозяйки, — сказала доктор Нага. — В такой теп-

лый день вы же не откажетесь от чего-нибудь прохладительного.

Она пошла в дом, а собачки побежали за ней. Вскоре индианка появилась с кувшином шипучего напитка из лайма. Он был не очень холодным и чуть солоноватым, но Теодоре это показалось вкусным.

— Ну, Теодора, скажи, тебе понравились миниатюры в музее? — спросила доктор Нага.

Додо горячо закивала:

— Да, особенно та, на которой девушки обманывают демонов.

— Ах да, да, — сказала доктор Нага, улыбаясь. — Умение перехитрить демонов очень полезно для молодой девушки.

По тому, как она это сказала и как при этом блеснули ее глаза, можно было предположить, что доктор Нага сама перехитрила нескольких демонов.

— Микко сказала, что ты, может быть, захочешь посмотреть студию. Пойдем со мной.

Студия находилась на самом верху, в восьмиугольной башне с окнами на все стороны. В комнате имелись только чертежный стол, стул на колесиках и магнитофон, установленный прямо на полу. В маленьком

углублении на столе, предназначенном для чернильницы, стояла крошечная фарфоровая чашечка, до половины наполненная чаем. К столу была приколота незаконченная миниатюра. Она изображала бога Кришну, сражающегося с водяным драконом.

Сначала Теодора ничего не могла сказать. Нужна была лупа, чтобы разглядеть все детали: сам Кришна был размером всего лишь с монету в десять центов, а отдельные чешуйки на водяном драконе походили на мельчайшие бисеринки в галантерейном магазине на Харвард-сквер.

— Это чудесно! И это сделали вы?

Доктор Нага кивнула:

— Мне потребовались годы учебы. Я ушла из художественной школы, чтобы научиться писать в старом стиле. В то время это было совершенно немодно. Все думали, что я сошла с ума. Хочешь посмотреть, как я работаю?

Додо придвинула табуретку и стала наблюдать, как художница самыми тоненькими кисточками, которые девочка когда-либо видела, рисует чешуйки на хвосте дракона, пользуясь вращающимся и опускающимся увеличительным стеклом. Вдруг доктор Нага протянула кисть Додо:

— Хочешь попробовать?

— О нет. Я не могу. У меня всегда дрожит рука и никогда не выходит хорошо.

Но художница мягко настояла, и вскоре Теодора уже сидела за чертежным столом, а доктор Нага показывала, сколько краски брать на кисточку и как поддерживать рисующую руку свободной рукой. Додо очень осторожно добавила три чешуйки водяному дракону. Они не были так же хороши, как другие, но и ужасными тоже не были.

— Талант на самом деле не так уж важен для этого, — сказала доктор Нага. — Все дело в тренировке, терпении и самых лучших инструментах. И ты не должна унывать, даже если сначала совсем ничего не получается. Самая жесткая дисциплина и требовательность к себе ничего не значат, если ты не разрешишь себе делать ошибки. — Она взглянула на Микко и засмеялась. — Я говорю совсем как магистр Йода? Ну, пожалуй, хватит нотаций на сегодня.

Глава 5 ЗАБЫТОЕ ИСКУССТВО ПРИВОРАЖИВАНИЯ

ернувшись домой, Мерлин и Гидеон сели за поздний завтрак.

— Поймите, — сказал Мерлин, намазывая толстый слой джема на тост, — что в двадцать первом веке искусством привораживания пренебрегают.

Они сидели в чистенькой, облицованной кафелем кухне. Здесь ничего не напоминало о тринадцатом веке: ни тебе закопченных стен, ни очага с бараньей ногой на вертеле. Она вся сверкала хромом, на столиках выстроился ряд механических устройств для алхимии превращения исходных продуктов в аппетитные блюда.

Гидеон только рассеянно поддакивал. Он пристально смотрел на тостер, ожидая, что сейчас, по звонку невидимого колокольчика, выпрыгнет третий кусок поджаренной булки. Мерлин сам обычно завтракал кукурузными хлопьями, бананом и черным кофе, но так как кукуруза и кофе были еще двумя растениями Нового Света, неизвестными в Европе тринадцатого века, то он предложил гостю тост с клубничным джемом и чай. Это было полезнее для средневекового человека, с трудом оправляющегося от тяжелой тошноты, вызванной скачком во времени.

— Часть проблемы состоит в том, что сейчас практически нет виверн и других драконов. Когда охота на ведьм была в разгаре, Гильдия неодобрительно относилась к привораживанию, слишком уж легко было принять его за вызывание демонов и чер-

ную магию. К тому времени, когда они снова это разрешили, все крупные драконы уже исчезли. А большинство людей не станет утруждаться привораживанием такой мелочи, как василиски.

Оуроборос и Игнус находились на соседнем столе. Змейка тоже завтракала. Ей дали взбитое яйцо с несколькими каплями соуса чили и блюдец чая с молоком. А Игнус, будучи волшебным, горел без всякого топлива. Пока его подруга ела, он исследовал плиту. Сначала Игнус решил, что голубое пламя, которое так послушно выпрыгивало, тоже разумно. Игнуса поразило, что его использовали для такой простой работы, как кипячение воды. Но когда Мерлин объяснил, что это неразумный огонь, хранящийся в специальном сосуда в виде газа, Игнус заинтересовался и все плясал вокруг горелок, пытаясь вызвать глупый огонь.

— Поэтому, — продолжал Мерлин, — после того как некого стало привораживать, лучшие мастера по приборам для приманивания драконов совсем забросили свое ремесло.

Когда Гидеон доел четвертый тост, Мерлин поставил кружки и запачканные джемом тарелки в волшебный ящик для мытья

посуды. Правда, ему пришлось несколько раз открыть и закрыть посудомоечную машину, чтобы показать Гидеону, как она работает.

Они перешли в украшенный гобеленами кабинет, и Мерлин взял с полки небольшую книгу в переплете из овечьей кожи. Гидеон узнал официальное руководство по привораживанию, изданное Гильдией. Оно называлось «Привораживание, вызывание и связывающие чары», сокращенно ПВСЧ.

— Конечно, это ПВСЧ издано в Эдинбурге в тысяча семьсот сорок девятом году, — сказал Мерлин, — но я уверен, что бóльшая его часть будет вам знакома. Одно соглашение что-то исключает, а следующее вновь возвращает.

Он сел за широкую дубовую столешницу, которую поддерживали резные грифоны. Она служила и письменным, и лабораторным столом. Профессор стал осторожно перелистывать хрупкие страницы.

— Гм... гм... да, я так и думал.

Он закрыл книгу.

— Если мы хотим выполнить привораживание полностью, включая и те пункты, что были сокращены в Толедском согла-

шении тысяча пятьсот двадцатого года, то должны найти, чем заменить недостающие глаз тритона и перо василиска. А что у вас с собой?

Гидеон взял свою сумку со стула у камина и вытряхнул ее содержимое на ковер.

Он не отправился в будущее неподготовленным. Чего там только не было: кошелек, набитый немного вытянутыми монетами, какие в наше время встречаются только в музеях, оловянная коробочка, в которой хранились трут и кремь для добывания огня, средневековый набор первой помощи, состоящий из льняных бинтов и травяных мазей, странное приспособление из кожи и золотых колец, напоминающее уздечку, соединенную с намордником, моток легкой и прочной серебряной проволоки и последнее, но не менее важное — коробка странных коричневых комочков, которые выглядели как жеваный табак.

Мерлин осторожно взял один и понюхал.

— Драконье лакомство?

— Да, мой рецепт: вяленая крольчатина, сушеная шелковица и немного драконьей мяты.

— Ах да. Кошачья мята для виверн.

Мерлин поднял серебряный моток, оказавшийся лассо, сильно дернул его и одобритительно кивнул.

— Волос русалки?

— Да, с небольшой добавкой шелка из паутины.

— Русалки всегда заламывают непомерную цену за унцию волоса, вычесанного в полнолуние, — сказал Мерлин. — Если не будешь осторожным, они попытаются продать тебе волос более низкого качества, вычесанный в новолуние или даже средь бела дня, а он никогда не бывает таким же сильным.

— Никогда, — согласился Гидеон.

Затем старший волшебник взял золотую уздечку.

— Вижу, что это не позолота, а настоящее золото. Вам, наверно, интересно узнать об усовершенствованиях, сделанных позже, вот хотя бы спички и бинты. Но с вашей стороны было мудро взять с собой лассо и золотую уздечку. Их весьма трудно найти здесь. Что касается остального, — он поднял мешочек со средневековыми монетами, — нам с вами предстоит покупки. Да и боюсь, вам придется переодеться — на Харвардсквер можно увидеть все, что угодно: от чалмы сикха до кожаной одежды байкеров,

но никак не мантию средневекового волшебника.

Даже заклятия не могли превратить коричневый шерстяной костюм довольно упитанного Мерлина во что-нибудь подходящее для Гидеона. Вместо этого Мерлин помог более молодому волшебнику выбрать наряд из каталога готовой одежды, а затем вырезал его ножницами. Фотографии рубашки с короткими рукавами из батика, разрисованной изображениями рыбы-молота, шорт цвета хаки со множеством удобных карманов, черных теннисных туфель с кожаными шнурками разложили на столе. Мерлин произнес над ними волшебное слово: «Престо-чанго», и появилась настоящая одежда, аккуратно сложенная, только немного помятая от магии.

Все сидело на Гидеоне отлично. Он посмотрелся в большое зеркало на дверце шкафа и подумал, что выглядит очень необычно, но Мерлин одобрительно кивнул:

— Ваши волосы немного длиннее, чем сейчас носят, но сойдет и так. Кстати, я бы не особенно привыкал к этой одежде. Она исчезнет завтра в это же время.

Оуроборос пролезла в петли на шортах и стала похожа на ремень из змеиной кожи.

Игнус разместился в отделении для чернил перьевой авторучки, любезно предложенной Мерлином.

— У меня раньше тоже был свой огонь, — объяснил Мерлин, — пока он не переселился в неоновый фламинго в витрине туристического агентства. Когда он жил со мной, мы считали, что лучше всего ему путешествовать в этой ручке.

Гидеон поклонился и сказал:

— Вы оказали нам честь.

Мерлин ответил на поклон.

— Ну а теперь осталось еще одно дело, прежде чем мы выйдем на улицу. Вы должны решить, будете ли вы застегивать ворот на рубашке. Если нет, ваша сова будет видна и любой встречный волшебник поймет, что вы член Гильдии.

У Гидеона на шее на цепочке висела такая же сова с хрустальным шаром, как и та, что украшала лацкан Мерлина. Маг колебался:

— А сколько волшебников здесь, в Бостауне?

Он все еще не мог произнести «Бостон».

— Бог его знает сколько, но не так много, как раньше. Прошли годы с тех пор, как быть членом Гильдии считалось весьма по-

четным, сейчас уже не те времена, однако все же нас больше, чем вы могли бы подумывать. Но дело даже не в том, *сколько* нас, а в том, *кто* мы. Я не скрываю свою сову, это правда, но меня никто не ищет.

Гидеону пришло в голову, что Кобольд, возможно, уже спешит за ним по коридору времени. Он мог воспользоваться заклинанием для преследования и идти за волшебником по пятам, но существовала и вероятность того, что его враг не выйдет из коридора в том же месте. Но наверняка Кобольд попадет именно в это время, если уже не попал.

— Я пока оставляю ее застегнутой.

Мерлин кивнул и, подхватив длинный предмет из черного шелка — складную переносную крышу, называемую зонтиком, направился к выходу.

— Ну, тогда пойдемте.

— Говорю же тебе, что мы ошиблись, — капризно протянула Фебрис.

На ней был тесно облегающий фигуру костюм и туфли на толстой пробковой подошве, модные лет этак шестьдесят назад, совершенно не подходящие для прогулки по мокрому песку. Используя заклинание,

Кобольд сделал из мешковины и золы одежду, а хрустальный шар показал, какие фасоны носили в том периоде, который был на другом конце коридора времени. Очевидно, у его шара была легкая близорукость, так как одежда здорово отстала от моды.

Кобольд жалел, что взял с собой демона, но не хотел и думать о том, что случится, если он вернется без виверны или без Гидеона. Колдун никогда не видел своего хозяина, только слышал его голос, сильно измененный чарами, но и так ясно, какова будет расплата за неудачу.

Демон мог бы оказаться полезным, хотя лучше было взять чертенка, с ним намного легче иметь дело и от него гораздо лучше пахло. Кобольд мечтал, что, когда задание будет выполнено, он сможет иметь не одного чертенка, а пару, или карманный складной котелок, который превращается из железного в хрустальный, или одну-две унции слез единорога, чтобы усладить свой сон.

Но, конечно, самой сладкой наградой будет месть Гидеону.

Кобольд брел вперед, не обращая внимания на нытье Фебрис и удивленные взгляды подростков в плавках и бикини, пересек

круг ребят, играющих в волейбол, перешагнул через заснувшего загорающего и прошел по песочному замку. Его строитель, девчушка лет шести, вскочила, сердито крикнув: «Эй!» — но мать остановила ее, тихо сказав что-то и заинтересованно глядя вслед странно одетой паре.

Как и у демона-слуги, наряд Кобольда соответствовал последней моде середины двадцатого века. На нем была мягкая фетровая шляпа, синий костюм из гладкого блестящего искусственного шелка, короткий и широкий галстук с рисунком из гавайских танцовщиц и сандалеты. Внезапно набежавшая пенистая волна лизнула ноги и намочила носки. Забыв о главном требовании Гильдии — не показывать свою магическую силу среди обычных людей, если нет острой необходимости, — Кобольд произнес заклинание. Следующая волна замерла на полпути. Молодежь прекратила играть в волейбол, все изумленно притихли.

Спасатель, сидевший на высокой бело-голубой наблюдательной вышке, резко зашвистел:

— Эй, вы! Это государственный пляж. Нельзя вытворять такое с водой. Сейчас же это прекратите!

Раздалось магическое шипение, затем хлопок — спасатель был превращен в лающего тюленя со свистком на шее.

— Тяв, тяв, тяв!

Малышка усердно трудилась, восстанавливая песочный замок. Она прокапывала ракушкой новый ров, не обращая внимания на ругающегося тюленя. Случайно, а может, и не совсем, она была ребенком необычных родителей, и поэтому странные события ее не удивили.

Мать девочки оторвалась от журнала, прищурив глаза, посмотрела поверх затемненных очков и закусила нижнюю губу.

— Пойдем, Кэйти, нам пора.

Девочка неохотно оставила замок с незаконченным ровом. пляжные полотенца, тент, коробки с соком и кукла-русалка с волосами цвета лаванды полетели в полотняную сумку на колесиках. пойманный краб, сидевший под ракушкой в игрушечном ведерке, возвратился в море. Мать с ребенком пробирались сквозь поросшие травой дюны к парковке, охая и ахая, когда наступали на горячий от солнца песок.

Они остановились у серебристо-белого мини-автобуса с номерами Нью-Джерси. Женщина достала из кармана ключи от ма-

шины. Они крепились к брелку — маленькой сове, сжимающей хрустальный шар.

Кэйти уже устроилась на заднем сиденье, когда ее мама кое-что вспомнила. Она обернулась и указательным пальцем начертила в воздухе сложный знак в направлении башни спасателя, добавив короткое заклинание на волшебном английском языке (одобренном Майамским соглашением 1973 года).

Когда их машина отъехала с места парковки, волна, остановленная Кобольдом, завершила свой бег, а спасатель, вновь принявший человеческое обличье, смотрел на пляж, потряхивая головой, как будто вода попала ему в ухо.

Ближе к вечеру Микко и Теодора вернулись в Кембридж. Они сделали остановку на Сентрал-сквер.

— Мне нужно купить кое-что, — сказала няня. — Почему бы тебе не пойти в магазин искусств и ремесел и не посмотреть, что там интересного? Я встречу тебя в отделе красок.

Теодора согласилась, но подумала, что оставлять ее вот так не очень-то хорошо со стороны Микко. В отделе красок продава-

лось увеличительное стекло, которое можно было крепить к столу, поднимать, опускать и даже поворачивать. Оно было очень дорогое. Додо подсчитала, сколько ей придется копить, чтобы купить его, и решила, что может воспользоваться деньгами, которые тетя Джейн и тетя Мэрайя подарили ей на день рождения. А пока она удовлетворилась покупкой очень тонкой собольей кисточки и двух крошечных горшочков с краской: синей, как Кришна на миниа-тюре, и розовой, как сари. Когда девочка расплачивалась за них, подросла Микко с пластиковыми сумками из бакалеи в каждой руке.

— Готова?

Теодора кивнула. Они вышли на улицу и влились в людской поток. Додо уже хотела взять одну из сумок, чтобы донести до машины, когда Микко вдруг сказала:

— Подожди минутку, Додо. У тебя что-то прилипло к подошве. Подними-ка ногу.

Девушка потянулась, чтобы отодрать нечто тонкое с босоножки Додо. Но вместо того, чтобы выбросить его, она изумленно застыла.

— Додо, — сказала она потрясенно, — что это?

Определенно, это был не лотерейный билет. И даже не кусок картона. Это была игральная карта, нарисованная красками, сиявшими, как драгоценные камни. На ней была изображена черная виверна со спиной, выгнутой дугой, нападающая на маленького фиолетового чертенка, сжавшегося в углу. Едва взглянув на эту карту, можно было понять, что она очень-очень старая. Теодора почувствовала, как мурашки пробежали по спине.

— Это недостающая карта виверны, — сказала она.

Глава 8 ОТЛИЧНЫЙ ЗАМЕНТЕЛЬ ГЛАЗА ТРИТОНА

Мерлин О'Ши стоял посреди двора Гарвардского университета. Коричневый твидовый пиджак висел на руке, красные подтяжки натянулись, как струны, на солидном брюшке. Рукава рубашки были закатаны до локтя, а сама рубашка намокла от пота. Лицо профессора

стало почти такого же цвета, как подтяжки, а глаза диковато блестели. Он тыкал зонтиком в направлении дерева, вокруг которого лежала густая тень.

— Вон там! Оазис!

Он бросился туда, спотыкаясь на ходу. И Гидеон, чья рубашка чудесным образом осталась совершенно сухой, последовал за ним.

Они устроились на газоне под деревом, Мерлин тяжело дышал.

— Ну, где же вода?

Гидеон передал ему пластиковую бутылку. Профессор сделал лишь несколько глотков, он все-таки предпочитал чай, смочил носовой платок и со вздохом положил его на лицо. Приподняв уголок платка, Мерлин сердито глянул из-под него.

— Мы делали покупки, и я совсем выбился из сил, — сказал он мрачно. — В прежние дни, до того, как парни из больших компаний оккупировали Харвард-сквер, здесь можно было найти приличный заменитель глаза тритона, не говоря уже о настоящих галошах и мужских носовых платках.

Убедившись, что проходящие мимо студенты не обращают на них внимания, Гидеон выпустил Оуроборос в прохладную траву.

С помощью магии он медленно и осторожно усилил тень под деревом, как будто кто-то пролил большое ведро черной краски как раз там, где они сидели. Любой, кто присмотрелся бы к этой тени, подумал, что она какая-то странная, но чары еще и отводили любопытные взгляды. Маг наконец вытащил из сумки плоды их утренних поисков: банку крупных фаршированных оливок, фальшивое глазное яблоко, заключенное в прозрачный пластмассовый куб из магазина шуточных сувениров, и несколько бусин, слегка напоминающих глаза. Но ничто из этого не было по-настоящему похоже на глаз тритона.

Гидеон покачал головой:

— Не думаю, что это сработает, Мерлин.

— Да уж, — сказал другой волшебник из-под носового платка, — и я тоже. Это, как говорится, возможно лишь с большой натяжкой.

С пером василиска дела обстояли не лучше. Они нашли только крашенные куриные перья в магазине ремесел и блестящее черное воронье перо, которое острые глаза Оуроборос (все четыре) разглядели перед памятником Джону Харварду.

Со средневековыми монетами им повезло больше. Они зашли в маленькую кон-

торку над кинотеатром, в которую вела узкая лестница. Сидевший там человек разволновался, увидев три монеты, протянутые ему Гидеоном, и хорошо заплатил за них. Теперь у мага в его новом нейлоновом бумажнике на липучке лежала пачка хрустящих зеленых банкнот с портретом Бенджамина Франклина. Франклин был также запечатлен и на волшебных серебряных монетах, размером гораздо меньше пенни, лежащих у Мерлина в кошельке. «Выдающийся американский патриот и изобретатель, — пояснил Мерлин, — а волшебник-то он был так себе. Больше всего он известен своей работой по естественной истории послушного огня». Но за все доллары в мире нельзя купить то, чего не существует в две тысячи втором году.

— А что если мы все-таки попробуем совершить привораживание? — спросил Гидеон.

Мерлин снял носовой платок. Его лицо уже не походило на помидор, но не казалось веселее.

— Мы рискуем приворожить кого-нибудь другого: дракона с острова Комодо или чью-нибудь домашнюю игуану. Может быть еще хуже: мы получим только часть Уикки, например клюв, кончик хвоста.

Гидеон содрогнулся.

— Но не печальтесь, мой друг. Попробуем заглянуть в еще одно место. Забирайте Робби (так он называл Оуроборос) и достаньте жетон для метро, который я вам дал, а то парень в будке может заметить, если вы опять заколдуете турникет.

Уикка провела утро охотясь. Перемещение во времени и устройство гнезда утомили ее, а она ничего не ела с тех пор, как прошла сквозь кольцо. Спрятав яйцо под соколиным пухом, дракониха отправилась на поиски чего-нибудь съестного. Она летела так высоко, что если бы кто-то увидел ее в небе, то подумал, что это хищная птица или большая чайка, случись это близ воды. Когда ей надо было снизиться, она принимала оттенок в тон неба, взъерошивая свои чешуйки, нижняя сторона которых блестела, как зеркало. Это умение называлось «ловить на блесну», и Уикка владела им превосходно. Она провела много летних дней, забавляясь так и сводя с ума королевских ястребов.

Она отвергла многолюдный рыбный рынок Хэймаркет — воровать там было легко, но слишком привлекло бы к ней внимание.

Ей также не хотелось драться с чайками за рыбу, которую бросали с кораблей на пристани. У виверн острое обоняние, и Уикка, следуя своему чутью, полетела за реку к большому замку, башни которого выбрасывали облака удивительно ароматного дыма.

На кондитерской фабрике «НЕККО» началась вторая смена. Главный кондитер проверил огромные чаны с карамелью, нугой и половинками шоколадных оболочек и одобритительно кивнул дежурному мастеру. Тот включил большой станок, который принялся штамповать сотни и сотни конфет с тягучей начинкой. Густой шоколадный аромат полился из высоких труб и разнесся над окрестностями Кембриджа.

Уикка опустилась на большой купол главного здания Массачусетского технологического института, глубоко вдыхая восхитительный, изумительный запах. Дракониша понятия не имела, что это такое, но, несомненно, оно съедобно.

Замок, из которого исходил аромат, не имел никакой защиты: ни рва, ни бойниц, ни амбразур, с которых воины могут лить кипящее масло на осаждающую армию. Однако, несмотря на отсутствие даже крепостной стены, Уикка не понимала, как туда проник-

нуть. Она видела довольно маленькую дверь, в которую входили и выходили люди, обмениваясь приветствиями. С другой стороны замка был вход побольше. Возле него люди грузили коробки в большой амбар на колесах с надписью «НЕККО» на боку.

Уикка подумала, что это, должно быть, волшебное слово, как *абракадабра*. Она научилась узнавать некоторые написанные слова, но не могла их произнести. Очень жаль. Возможно, волшебное слово открыло бы доступ к дразнящему аромату.

Оказалось, что на крыше имелось отверстие, которое она искала. Виверна воспрянула духом. Она пролезала и в более узкие лазейки в своем замке. Она расправила крылья, проплыла по воздуху и приземлилась на фабричную крышу рядом с трубой, на которой тоже было написано огромными буквами «НЕККО».

Выхлопное отверстие было достаточно широким, но когда она вылезала с другого конца, у нее не хватало нескольких чешуек. (К счастью, ни одна из них не попала в пачки с вафлями.) Запах здесь стал еще сильнее, но она все еще не понимала, откуда он идет. Оглушительный шум оборудования испугал ее, и она клюнула пару

покачивающихся шлангов, зашипевших и пустивших в нее пар. Выгнув спину, как испуганная кошка, Уикка зашипела в ответ, а потом ринулась вперед и перекусила толстый моток разноцветных проводов.

Замигали огни, зазвучали тревожные сигналы, и автоматизированное кондитерское оборудование, установленное всего лишь год назад, заскрежетало и остановилось. Включилась система безопасности, и, чтобы предотвратить перегруз дорогой техники, на конвейере открылся люк, и все конфеты, выходящие из секции формовки, падали во временный контейнер.

Здесь-то и очутилась Уикка. Она вскрикнула от удивления, так как на нее посыпались тысячи шоколадно-кремовых конфет с начинкой из вишневой карамели. Ее окутал нежный запах теплого шоколада, даже более чудесный, чем кошачья мята.

Так виверна и открыла для себя, что она очень любит — нет, обожает — божественное вещество, которому поклонялись ацтеки и называли его *чокоатль*, известное нам как шоколад.

Мерлин, Гидеон со змейкой и Игнусом исходили Чайна-таун в Бостоне вдоль и по-

перек. Они заходили и в крошечные бакалейные лавки, и в огромные супермаркеты, и в семейные китайские аптеки, где сушеный корень женьшеня соседствовал с записями гонконгских боевиков.

В последней аптеке Гидеон осмотрелся и впервые за тот день почувствовал себя как дома. Она напоминала большие аптекарские лавки его времени. Одна стена была полностью занята стеллажами с сотнями деревянных выдвижных ящиков размером с обувную коробку и надписями на китайском языке. Молодая помощница аптекаря в фартуке подкатила низенькую скамеечку к травнице и передала ей ящички, наполненные корнем лотоса и корой кассии. Таблица на стене сообщала, что в продаже имеются традиционные лекарства из коконов шелкопряда, оболочек цикад, морских раковин и даже сушеных скорпионов. Травница, китаянка средних лет, работала за металлическим прилавком, взвешивая снадобья на весах с медными гирьками и заворачивая их в бумажные пакетики.

Мерлину и Гидеону пришлось ждать, пока она объясняла, как принимать лекарство, молодой матери с капризным ребенком в коляске. Наконец подошла их очередь.

Мерлин владел китайским языком. Он долго разговаривал с травницей на мандаринском диалекте, сильно жестикулируя и утвердительно кивая, а китаянка отрицательно качала головой. Потом она заглянула в несколько больших книг и исчезла за занавеской.

Пока она отсутствовала, помощница принесла им блюдо с кисло-сладкими консервированными сливами и маленькие чашечки зеленого чая. Когда травница вернулась, в руках у нее был небольшой сосуд с темной жидкостью. В ней плавало нечто похожее на тысячелетнее яйцо-пашот, слегка овальное и покрытое зелеными и черными пятнами. Она протянула банку Мерлину, все еще покачивая головой и быстро лопоча что-то по-китайски. Каждый раз, когда профессор хотел взять у нее банку, китаянка отводила ее в сторону, и следовало еще одно бурное высказывание, Гидеону казалось, что она ругает его друга.

Наконец Мерлин с кислой миной повернулся к волшебнику, прижимая к себе сосуд.

— Это глаз дракона. Она говорит, что это самое подходящее из того, что у нее есть. Он очень старый и сильный, мы должны быть крайне осторожны с ним.

Травница подала бумагу, на которой были нарисованы какие-то иероглифы. Профессор быстро проглядел и подписал ее.

— Я только что освободил ее от всякой ответственности и пообещал не преследовать, если что-то пойдет не так.

— Освободил от ответственности? — недоуменно повторил Гидеон.

Оуроборос обратилась к своей памяти будущего.

— После твоего времени. Юридическое нововведение семнадцатого века, — шепнула она.

Несколько портретов Бенджамина Франклина сменили хозяина, и китаянка теперь сияла улыбкой. Она радостно крикнула им вслед:

— Спасибо! Заходите еще, пожалуйста.

Кухня превратилась в мастерскую. Обеденный стол накрыли старой простыней. Из кабинета мистера Оглторпа позаимствовали вращающуюся настольную лампу. На посудном полотенце лежало множество крошечных губок, кисточек, металлических шпателей, рядом разместились маленькие бутылочки. Микко склонилась над предметом, соседствующим с увеличительным стеклом,

а Теодора время от времени подавала ей какой-либо инструмент или малюсенькую бутылочку чистого спирта. Наконец Микко откинулась назад и перевела дух.

— Я всегда знала, что изучение художественной реставрации когда-нибудь пригодится, — сказала она. — А теперь, Додо, взгляни и скажи, что ты думаешь.

Теодора низко наклонилась, чтобы посмотреть. Иногда она задавала себе вопрос: есть ли что-нибудь, чему Микко не училась? Видимо, бóльшая часть ее знаний связана с искусством или редкими книгами — девочка знала, что Микко чуть не стала доктором искусств.

Теперь, когда тонкую пластинку слоновой кости тщательно очистили от грязи с Сентрал-сквер, она засияла красками. Фиолетовый чертенок с красными глазами отшатнулся от нападающей виверны. Защищаясь, он вскинул когтистые лапы, а в зеленых глазах застыл страх. Сине-черная спина виверны блестела, а чешуйки, плотно прилегающие друг к другу, придавали ей сходство с лоснящейся шкурой тюленя. Перепончатые, как у летучей мыши, крылья, сложенные на спине, местами были такими тонкими, что просвечивали. Хищно изогнутый

черный клюв отливал серебром, как дуло ружья, глаза блестели яркими изумрудами. Ярко-алый раздвоенный язык тянулся к загнанному в угол чертенку. (Вообще-то у настоящей виверны язык не алый и не раздвоенный, но сейчас это не важно.)

Под слоем грязи на полях обнаружили некоторые детали карты, которые раньше были не видны: во-первых, на виверне блестел золотой ошейник с серебряной веревкой, туго натянутой чьей-то рукой, во-вторых, хотя сам владелец руки был неизвестен, виднелся край его черной туники и загнутый вверх нос алой туфли.

Теодора оторвалась от картинки, ее глаза сияли.

— О, Микко, разве это не волшебство?

Глава 7 НЕВЕЗУЧЕСТЬ

икка сидела на куполе Мас-сачусетского технологического института, слизывая остатки вишневой карамели, застрявшей между пальцами. Ее живот был так набит шоколадом, что создавалось впечатление, будто она проглотила арбуз целиком. При каждом выдохе от нее

исходило горячее облако паров жженого сахара. По ее жилам текла опасная смесь, состоящая из четверти драконьей крови и трех четвертей сахара и кофеина. Виверна ощутила прилив сил, ее обычная проказливость достигла критического уровня. Она чувствовала необходимость дать ей выход.

Уикка летела над городским садом, собираясь напугать туристов, катающихся на лодках, и погонять плещущихся в тростнике лебедей. Не успела она найти укромное место под раскидистым деревом, откуда удобно будет озорничать, как ее отвлекло какое-то движение теней поблизости.

Дракониha распласталась на земле и прижала уши, мысли ее смешались. Это и не кольцо времени, и не какая-то известная ей магия, дикая, укрощенная или иная. Однажды, когда она была еще совсем юной виверной, Гидеон попросил ее посидеть у огня, а сам открыл сундук и достал пузатую железную бутылку, опутанную семью струнами волшебной арфы. Размотав последнюю из них, волшебник вынул пробку и поводил бутылкой перед носом Уикки, затем вновь быстро заткнул горлышко сосуда, обвязал его и вернул в сундук. Виверна закашлялась и закрыла лапой морду,

тряся головой, как будто хотела избавиться даже о памяти об этом запахе.

— Я не могу назвать его вслух, — сказал Гидеон. — Это магия, обращенная против самой себя, — магия, ставшая бешеной и мерзкой. Теперь ты знаешь ее запах. Если ты когда-нибудь почувствуешь его, то не приближайся. Возвращайся ко мне немедленно.

Пока Уикка наблюдала, сумятица в ее мозгу улеглась, тени успокоились, а колеблющаяся темнота сползла в дренажную канаву. Когда все закончилось, виверна больше не хотела гонять лебедей. У нее не было возможности вернуться к Гидеону, но она могла поспешить к своему гнезду и яйцу. Так она и сделала.

Микко и Теодора спорили. Няня стояла спиной к кухонной раковине. Она выглядела крайне усталой. Карта таро все еще лежала на столе.

— Послушай, Додо, ты же знаешь, что, если бы твой отец был здесь, он не позволил бы тебе оставить ее у себя. Очевидно, что она старинная, редкая и ценная. Вероятно, кто-то ее ищет. И даже если мы не сможем разыскать законного владельца кар-

ты, ее следует отнести в музей, где о ней будут как следует заботиться и ее увидят люди.

Теодора сидела на табуретке, скрестив руки на груди, ее лицо было мрачнее тучи. В душе девочки бушевало ужасное тяжелое чувство, ей казалось, что она вот-вот взорвется. Время от времени она бросала злобные взгляды в сторону Микко.

— Но его здесь нет. Я нашла ее, она прилепилась к моей подошве. Ты не можешь заставить меня отдать ее. И не называй меня Додо! Я терпеть не могу, когда ты меня так называешь. Только папе можно звать меня так, а тебе нельзя.

Будь это даже и правдой, сказать такое было невероятно глупо, и Теодора покраснела.

Теперь Микко выглядела не только усталой, но и печальной.

— Я думала, ты еще больше не любишь, когда тебя называют Теодорой. Извини. Я не могу делать вид, будто все в порядке. И мне жаль, если ты не понимаешь, что не обязательно владеть чем-то, чтобы наслаждаться им.

Теодора бросилась в свою комнату, чтобы дуться там в одиночестве. Она просмотр-

рела грудю голографических комиксов о ви-
вернах, но не могла сосредоточиться на чте-
нии, перебрала остальную часть коллекции,
поиграла в новую игру «Орки и предзнаме-
новения» на игровой приставке. Наконец
она осознала, что уже восемь часов, а Мик-
ко еще не звала ее к ужину. Из-под двери
няниной комнаты пробивался свет и доно-
сился звук старого фильма, шедшего по те-
левизору. На кухне было темно, и не замет-
но никаких признаков ужина. Простыню со
стола убрали, реставрационные инструмен-
ты и маленькие коричневые бутылочки ис-
чезли, но карта таро все еще была там, по-
среди стола, с запиской от Микко.

Вот, что в ней говорилось:

«Теодора!

Что бы ты ни решила делать с ней за-
втра, сегодня ей еще надо сохнуть. Пожа-
луйста, не трогай ее.

Микко».

Рядом с запиской лежали две открытки.
На первой был изображен ковбой со зна-
менем «ДИКИЙ КАЛГАРИ» в руках, вер-
хом на брыкающейся полудикой лошади.
На второй — цепь фиолетовых гор в ту-
манной дымке под надписью «ПРИВЕТ ИЗ

АДИРОНДАКОВ». Из Лаоса ничего не было, да и рано еще.

Сначала она прочитала открытку от Вэлери. Как всегда, Вэл извлекла максимальную пользу из имеющегося пространства: вся обратная сторона открытки, вплоть до самого края марки, была покрыта микроскопическими буквами. Вэл обладала бисерным почерком. В четвертом классе она писала маленькие книжечки, которые, когда складывались, помещались в скорлупке грецкого ореха. Все ее новости были вроде: «Помогите, меня держат в музыкальном лагере», с подробностями о начальнике «тюрьмы», «стражниках», так называемой «пище» и «сокамерниках». Из открытки Мило стало ясно, что он отлично проводит время в Калгари: ищет окаменелости, живет в палатке и рыбачит со своим новым отчимом.

Ни одна открытка не улучшила ее настроения, даже наоборот, от послания Мило ей стало еще грустнее. Теодора съела трехслойный сэндвич с арахисовым маслом, фруктовой пастилой и бананом и запила все это шоколадным молоком.

Покончив с бутербродом, Додо стояла на кухне, пила второй стакан молока и размышляла. Свет от лампы падал на карту

таро, как луч прожектора, и под ним фиолетовый чертенок засиял еще ярче.

Агент по недвижимости отперла дверь пентхауса в Изумрудных Башнях напротив городского сада. Плата за квартиру составляла больше десяти тысяч долларов в месяц, и у женщины голова кружилась при мысли о комиссионных. Но она вынуждена была признать, что ей не нравились будущие арендаторы.

После случая на пляже в Нью-Джерси Кобольд и Фебрис сменили наряды сороковых годов на более подходящие: итальянский костюм для мистера Лэмбтона (как он называл себя здесь) и модельное платье для мисс Уорм. Она сделала модную короткую стрижку и надела зеленые контактные линзы, чтобы придать демоническим глазам более человеческий вид.

Каждый раз при виде этих субъектов агентше становилось страшно, но она напоминала себе, что это даст ей возможность бороться за звание лучшего агента месяца или даже года. Она взяла со стола гладкий белый пульт дистанционного управления.

— Как видите, все управляется центральным компьютером.

Женщина нажала несколько кнопок, и свет зажегся, затем потускнел, а потом стал ярче. Еще несколько кнопок — и шелковые занавеси открылись и закрылись, заскользила панель в стене, и за ней обнаружился ряд бутылок и стаканов, донеслись крики болельщиков — это включился телевизор, показывающий соревнования.

— Совершенно эксклюзивный экземпляр, — пояснила она. — Даже еще не запущен в производство.

Мистер Лэмбтон взял пульт и осторожно нажал на кнопку, с большим интересом наблюдая, как болельщики сменились молодыми людьми, с жаром поглощающими какой-то шипучий напиток. Он вновь переключил канал, и вместо прежней картинки появилась группа детей, увлеченно танцующих вокруг большого изображения дракона. Мисс Уорм пристально смотрела на экран и так улыбалась, что агентше стало не по себе.

— Мы согласны, — сказал мистер Лэмбтон.

Он достал из внутреннего кармана пиджака ручку и чековую книжку в красивой кожаной обложке и быстро выписал чек. Потом вручил его агентше, которая удив-

ленно подняла брови, увидев выписанную сумму, и попыталась объяснить, что существуют некоторые формальности. Сначала надо проверить его платежеспособность и составить договор об аренде. Но чары колдуна вскоре сбили ее с толку, и, нахмутив лоб, она бросила ключи от пентхауса на столик в холле и побрела к двери.

Кобольд помахал ей вслед рукой, и дверь закрылась. Маг осмотрел мебель. Все было из мягкой блестящей кожи, дерева, стали и стекла. И вспомнил свою комнату: побитый молью полог над кроватью, холодный каменный пол, блохи в матрасе, мышинные норы в стенах. Когда он завершит свое дело, трудно будет уехать, хотя на другом конце коридора времени, в его собственном мире, его ждет награда. Однако Кобольд знал, что, если он не вернется с Уиккой, за ним могут послать нечто более страшное, чем еще один волшебник. Колдуна одолевали, и не в первый раз, болезненные дурные предчувствия относительно его хозяина, чье лицо он никогда не видел, а имя — не знал. Он весь ушел в свои мысли, когда вдруг заметил Фебрис.

На какое-то время колдун забыл о ней. Он нахмурился.

Фебрис сбросила туфли на высоких каблуках и сейчас растирала большие раздвоенные ступни. Вся она — просто дешевая копия обыкновенной женщины, а уж ноги и вовсе дрянная подделка. (Чтобы сделать пальцы на ногах, нужен очень хороший колдун.)

— Я не хочу быть женщиной здесь, и мне не нравятся контактные линзы.

— И не нужно, чтобы они тебе нравились. А теперь иди и поучись улыбаться, пока я буду работать.

Когда Фебрис ушла, Кобольд еще долго стоял и смотрел на коричневые камни залива, видневшиеся за садом.

Гидеон и его виверна были где-то там. Кобольд прошептал только одно слово:

— Скоро.

Глава 8 НЕУДАЧНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

Высоко над гаванью Уикка сидела на гнезде и стонала. Чешуйки на животе были содраны при падении сквозь фабричную трубу, живот неприятно раздуло от обжорства. Теперь, когда запас сахара и кофеина в организме истощался, у нее начала ужасно болеть голова.

Однако, несмотря на туман в голове от переедания, материнский инстинкт виверны был силен. Каждый час она поднимала раскалывающуюся голову и проверяла состояние яйца. Проведя чувствительным кончиком клюва по скорлупе, она убедилась, что трещин нет. Она внимательно прислушивалась, не слышно ли слабых звуков «*роу-роу*», чем-то похожих на писк проклевывающегося цыпленка. Яйцо оставалось совершенно целым, а внутри было тихо. Довольная Уикка поглубже зарыла яйцо в пух, а сама как можно плотнее уселась на нем.

Вскоре она задремала, и ей снился шоколад.

Когда Мерлин проснулся, было десять часов вечера. Он разбудил Гидеона, и они решили поесть. Еду им доставили из китайского ресторана. Мерлин взял коробку с закусками, заплатил посыльному и закрыл дверь. Гидеон решил, что Мерлин очень сильный волшебник, если ему принесли еду с другого конца света. Он не знал, что китайский ресторан расположен в пяти минутах от них, на Харвард-сквер.

Из белых бумажных коробок с металлическими ручками Мерлин достал горячую

птицу, тушенную со специями и рисом. Они ели ее палочками. Потом они попробовали маленькие пирожки, которые сначала нужно было разломить и посмотреть, какое предсказание находится внутри. По мнению Гидеона, это было гораздо приятнее, чем прятать предсказания в огромных пирогах для развлечения двора, по старому королевскому обычаю.

Мерлин вытер рот бумажной салфеткой.

— Ну, нам лучше бы приступить к работе. Уже почти полночь.

Перед рассветом — лучшее время для призраживания. Работая вместе, они подготовят все для колдовства примерно за три часа.

Из-под кровати с пологом Мерлин вытащил длинную плоскую коробку. Ее всю покрывали магические руны и надпись: «Категорически запрещается открывать без особого разрешения или присутствия Айена Мерлина О’Ши, доктора истории, мастера волшебных искусств».

В коробке лежала веревка из стекляннотого волокна, покрытая серебром. Через каждые семь дюймов по всей ее длине висели короткие стеклянные трубочки, один конец которых был открыт, а другой — заострен,

а также десятки серебряных зажимов, похожих на крючки для занавесей. Вернувшись в кабинет, Мерлин разложил все на ковре и вздохнул.

— Вы, должно быть, думаете, что возможно привлечь виверну более простым способом. Увы, комиссия по привораживанию заседала триста лет, но так ни к чему и не пришла.

Мерлину пришлось проверить каждую из сто одной трубочки, чтобы ни в одной из них не оказалось трещин. Поврежденные трубочки надо было заменять новыми из деревянного ящика с эдинбургским почтовым штемпелем.

Потом Мерлин ударил по каждой трубочке крохотным серебряным же молоточком и прислушался. Если она не звенела, требовалось отполировать край трубочки наждаком. Затем осмотрел всю веревку, чтобы убедиться, что серебряное покрытие нигде не стерлось, и натер его шелком, смоченным маслом из маленькой баночки. Проработав целый час на четвереньках, Мерлин со стоном разогнулся и проковылял на кухню, чтобы сварить кофе.

У Гидеона оказалось такое же скучное задание. На сто одном крошечном кусочке

пергамента, размером не больше чем предсказания из пирожков, он делал надпись самым мелким почерком, на какой только был способен. Волшебник использовал алые чернила, в которые добавил несколько капель своей крови, пота и слез. Повторить написанные слова нельзя, это нарушение свода магических законов. Даже на волшебном английском утомительно писать что-то столько раз на невероятно маленьких клочках бумаги. Когда чернила высохли, Гидеон скатал в трубочку каждое заклинание и перевязал серебряной нитью.

Гидеон сделал глоток кофе и сморщился от странного горького вкуса. Но Мерлин уговорил его выпить это, и он послушался.

Было уже почти три часа ночи. С помощью серебряных крючков веревку со звенящими трубочками натянули в виде круга под потолком. Гидеон открыл сумку и вытащил золотую уздечку и серебряное лассо из волоса русалки.

Посреди комнаты, в центре круга, образованного веревкой, Мерлин установил электроплитку и медный котел. Согласно традиции, котел подвешивали над костром из ольховых дров, но в долгом процессе привораживания допускалось использовать

некоторые современные приспособления. Мерлин делал все возможное, чтобы не привлекать внимания любопытной соседки из квартиры «3 В». Для этого он выключил устройство пожарной тревоги.

В котел налили по чашке меда и вина, а также бутылку лосьона из орешника, купленную в аптеке (именно орешник предпочитают лозоходцы, которые ищут воду). Мерлин всыпал щепотку ресниц жабы из маленькой металлической баночки, в которой когда-то была итальянская лакрица, а Гидеон добавил одну чешуйку Уикки.

Мерлин подошел к музыкальному центру и поставил запись песнопения на волшебном языке.

— Здесь, в Северном Кембридже, есть маленькая компания звукозаписи, которая выпускает аудиокассеты и диски под маркой Гильдии, — объяснил он. — Эти песнопения бывают так утомительны.

Глаз дракона вместе с дурно пахнущей жидкостью, в которой он плавал, влили в кипящий котел, оба волшебника сразу закашлялись и заткнули нос от ужасного зловония.

— Скунс и селитра! Какая гадость! — воскликнул Мерлин. — У вас есть перо василиска?

Гидеон вынул из кармана разноцветное перо китайского фазана, тоже найденное в Чайна-тауне. Он положил его не в котел, а прямо на плиту. И вновь отвратительный запах наполнил комнату.

— Все хуже и хуже, — запричитал Мерлин, зажимая нос. — Но послушайте, здесь что-то не так. Стекло не звенит.

Предполагается, что, когда добавлено перо василиска, стеклянные трубочки с заклипаниями должны зазвенеть в лад с песнопением. Мерлин быстро проверил и обнаружил, что одно заклинание выпало.

— Вон оно, на полу у стула, — указал он.

Фазанье перо уже почти сгорело. Гидеон схватил бумажку и быстро обвязал ее серебряной нитью.

Как только сто первое заклинание благополучно вернулось на свое место, из стеклянного круга тут же раздался визг, похожий на тот, который получается, когда проводят мокрым пальцем по краю стакана. Мерлин надел специальную красную шапочку и достал сборник песнопений в красном кожаном переплете с золотым тиснением, и они с Гидеоном тоже запели. Густой черный дым начал подниматься от котла. Он был волшебным и больше походил на

холодный пар, чем на дым, поэтому не ел глаза и не вызывал кашля.

Дым начал сгущаться, постепенно принимая все более отчетливые очертания. Вскоре уже стали различимы лапы, крылья, морда и хвост. Гидеон перестал петь. Что-то было не так. Существо казалось совсем не похожим на виверну. Маг никогда не видел такого дракона: у него чересчур большая голова и чрезмерно длинное тело.

Мерлин оторвался от книги и спросил Гидеона, почему тот не поет. Увидев, что у них получилось, профессор только открыл рот от удивления.

Несомненно, появился дракон. Вероятно, и вы видели такого, если были в Китае на традиционном праздновании Нового года — с хлопушками и танцорами в костюме дракона.

Они вызвали Йинг-лонга, китайского пятипалого императорского дракона, но живого, без танцоров в его длинном чешуйчатом теле. У него была голова верблюда, украшенная оленьими рогами, тигриные лапы с орлиными когтями и длинное змееобразное тело, покрытое блестящей чешуей, которая сияла, как красная и золотая эмаль. Он с фырканьем выпустил пар через огром-

ные ноздри и уставился на волшебников глазами размером с автомобильные фары.

Гидеон дрожащими пальцами взял трубочку со сто первым заклинанием, вытащил бумажку и развернул ее. Застонав от огорчения, он передал ее Мерлину.

Оказалось, что это не заклинание на волшебном английском, написанное Гидеоном, а предсказание из китайского пирожка. Напечатанное выцветшим красным шрифтом, оно гласило:

«То, что вы потеряли, вернется к вам.

Ваши счастливые числа 8, 38, 40, 42 и 75».

Мерлин криво улыбнулся.

— Неудивительно, что мы вызвали китайского дракона.

Кто-то начал колотить во входную дверь. Приглушенный голос дошел до них сквозь сталь и дерево:

— Профессор О'Ши! Это ответственный за состояние дома мистер Муфти. Нам сообщили о ядовитом дыме, идущем из вашей квартиры. Со мной пожарный.

— Откройте, пожалуйста, дверь, профессор О'Ши, — сказал более низкий голос. — Иначе мы ее ломаем.

— У меня есть отмычка, — сказал мистер Муфти.

— Я сейчас приду! — крикнул Мерлин и тихо шепнул Гидеону: — Быстро! Упритесь руками в это создание сзади и *толкайте!*

— Куда толкать? — спросил Гидеон, ища глазами, где спрятать дракона.

— В ванную! Мы должны запихнуть его в ванну. Ну, давайте!

Глава 9 ДРАКОН В ВАННЕ

счастью, китайские драконы на самом деле довольно приятные создания, — покашливая, сказал Мерлин.

Мерлин и Гидеон пытались запихнуть дракона в ванную: чешуя у него скользкая, и он обожал почесывания. Они толкали его со всей силы, а громадина пе-

ревернула на спину, подставив живот для ласки.

— Нет, нет, нет! — воскликнул Мерлин. — Йинг, старина, не время для баловства. Гидеон, перелезайте через него и попытайтесь тащить с другого конца.

Маг перелез через чешуйчатое тело и стал прикидывать, как половчее ухватиться за дракона. Наконец он схватил его за рога.

— Я держу его.

— Ну, теперь на счет: раз, два... три — и-и!

Со звуком пробки, выскочившей из бутылки, дракон влетел через узкую дверь в ванную, при этом его когти дико заскрежетали по кафелю. Он ударился о стенку ванны, да так, что с потолка посыпалась штукатурка.

Мерлин пустил воду. Йинг-лонг сразу же перелез через край ванны, чтобы попасть под струи. Он был водяным драконом и любил влагу. Свернувшись кольцами, он заполнил всю ванну, но не поместился полностью. Его голова возвышалась над перекладной занавески для душа. В огромных глазах читалось удовольствие.

— Оставайтесь здесь, — сказал Мерлин Гидеону, — и пойте как можно громче.

— Петь?

— Да! Танцевальные хиты тысяча двести семьдесят третьего года. Любые песенки, которые трубадуры исполняли в ваше время. Нужно скрыть, что здесь наш китайский друг.

Мерлин закрыл дверь.

Гидеон откашлялся и тонким дрожащим голосом затянул:

*«Когда хладееет нежный ветерок
И листья падают с ветвей...»*

Мерлин вышел из ванной, как раз когда мистер Муфти открывал дверь отмычкой. Профессор видел, как чрезвычайно заинтригованная соседка из квартиры «3 В», миссис Уиглсуорт, вертится в коридоре. Дверь распахнулась, и облако дыма с резким запахом тухлых яиц и пороха вырвалось наружу. Женщина взвизгнула и убралась от греха подальше.

Пожарный и ответственный по дому застыли, глаза на магическое оборудование, установленное в кабинете. Запись волшебного песнопения еще звучала. Мерлин торопливо махнул рукой в направлении ступеней, и пение прекратилось.

Пожарный тщательно осмотрел электроплитку, затем стеклянную веревку, натянутую под потолком.

— Она не электрическая, для чего это?

— Это часть синтоистской религиозной церемонии. Дань памяти моим предкам, — сказал Мерлин, забрасывая ногой золотую уздечку и веревку из лунного света под диван.

— А для чего все остальное? — Пожарный показал на медный котел и плиту.

— Часть экспозиции для занятий по сравнительному фольклору, которые я веду. Это воссоздание, с использованием современных средств, средневековых предметов для вызывания дракона.

— В самом деле? — сказал пожарный, доставая блокнот и открывая чистую страницу. — Расскажите еще.

— Ну, люди в тринадцатом веке верили во множество странных вещей. Например, они считали, что мудрецы — волшебники, если хотите, — могут готовить снадобья и воздействовать чарами, чтобы вызывать драконов и других магических существ из эфира.

— Потрясающе! — Пожарный быстро записывал. — А скажите, что именно содержится в вашем средстве?

— О, хорошее бургундское, мед из клевера и орешник, — перечислил Мерлин. — По древним рукописям мы должны еще до-

бавить глаз тритона, но мы же не можем пойти в аптеку и купить там его, не так ли?

Мистер Муфти и пожарный засмеялись. Мерлин присоединился к ним, но его смех звучал уж очень громко.

— Профессор О'Ши, вы сказали МЫ, «мы должны еще добавить глаз тритона». Вы проводили эту ночную церемонию не один? — спросил пожарный.

— Да, с моим бывшим выпускником, иностранцем. Он остановился у меня. Сейчас он принимает душ.

Как будто в подтверждение его слов еще один припев из «Когда хладеет нежный ветерок» донесся из ванной. Теперь и Йинглонг вступил, подвывая, как собака, на высоких нотах.

— Угу, — пробормотал пожарный, продолжая записывать. — В следующий раз, когда вы захотите вызвать дракона, сделайте это в помещении с хорошей вентиляцией.

— Следующего раза не будет, — сказал мистер Муфти, строго глядя на Мерлина.

После дальнейших заверений, что церемония с драконом не повторится, и рассуждений, стало ли это нарушением требо-

вания не держать дома животных, Мерлин решительно закрыл за ними дверь.

Гидеон вышел из ванной, его волосы и одежда прилипли от пара.

— Еще немного, и все бы пропало. Я не знаю больше песен, а Йинг-лонг уже такой мокрый, хоть выжимай.

Мерлин слишком устал от их приключений, чтобы, как обычно, выпить на ночь чашку какао и разгадать кроссворд. Вместо этого он принял две таблетки снотворного и включил на ночном столике электронное устройство, имитирующее шум океана. Через открытую дверь Гидеон видел голову профессора на подушке, его глаза защищала от света плотная атласная маска.

Маг сбросил одежду (все равно она исчезнет через несколько часов) и облачился в очень большую ночную рубашку, купленную на Харвард-сквер. Вытянувшись под одеялом и засыпая, он сделал знак в воздухе, чтобы отогнать сны, и плохие, и хорошие. Если бы только его волшебные глазные капли для сладкого сна, сделанные из усиков мыши-со-ни, были с ним здесь, а не остались дома.

Теодора проснулась посреди ночи. Может быть, из-за трехслойного сэндвича, а мо-

жет — второго стакана шоколадного молока или уколов совести. Но девочка недолго думала об этом.

Она взяла одеяло и подушку и пошла в гостиную. Диск с фильмом «Волшебники и виверны» уже стоял в магнитофоне, поэтому Додо устроила себе уютное гнездышко на диване и приготовилась смотреть.

Однако прямо во время ее любимой сцены, где Джура, юная хранительница виверны, спасает раненого детеныша, Теодора поняла, что ей скучно. Она стала переключать каналы, промелькнули два матча по рестлингу, мыльная опера, реклама службы знакомств для домашних животных, старый фильм про Годзиллу. Додо выключила телевизор, когда часы показывали четверть пятого утра.

Она встала, чтобы проверить карту таро. Она все еще лежала на кухонном столе рядом с запиской Микко. Теодора осторожно потрогала карту. Поскольку она была нарисована на слоновой кости, а не на картоне, краска уже высохла.

Фактически Додо *оставила* ее на прежнем месте до «завтра». Ведь уже завтра. Уже четыре часа пятнадцать минут, как оно наступило. Она не собиралась *брать* карту,

а только хотела позаимствовать ее на десять минут, а потом вернуть.

Протянув руку, Теодора вдруг вспомнила Рождество, когда она пошла в гостиную посмотреть подарки, пока родители спали. Миссис Оглторп, услышав шум, спустилась и увидела пятилетнюю Додо, стоявшую посреди открытых свертков и разбросанной бумаги. Мама не закричала, а только взяла с нее обещание молчать обо всем и отправила спать. Когда утром они все спустились в гостиную, подарки снова лежали под елкой, аккуратно завернутые в бумагу и перевязанные ленточками, как будто ничего не случилось. Теодора очень старалась изобразить удивление, когда открывала подарки второй раз.

Но это не похоже на тот случай. Девочка подавила чувство вины.

Она пошла в отцовский кабинет и включила стабилизатор напряжения, к которому все было подсоединено. Сразу ожили компьютер, принтер и сканер, и их звук в тихом доме оказался гораздо громче, чем она ожидала. Додо насторожилась, не открывается ли дверь Микко, но ничего не услышала, кроме гудения компьютера.

Теодора положила карту лицом вниз и включила программу сканирования. В прин-

тере была только простая белая бумага, но на дне ящика письменного стола нашлась плотная бумага цвета слоновой кости, обработанная под средневековый пергамент.

Почему-то у нее сильно забилося сердце, может, от страха перед неизвестным. Дело не только в том, что она взяла карту и воспользовалась папиным компьютером без разрешения. Додо испытывала волнение, и у нее возникло предчувствие. Она знала, что если все получится, то ее ждет что-то чудесное, а не просто вступление в Клуб Хранителей виверн.

— О, если бы это была настоящая виверна, — едва слышно прошептала Теодора и нажала на «сканировать».

Голубой свет сканера включился и продвинулся от верхнего края карты к нижнему. Идеальная копия постепенно появилась на мониторе. Засветившись на экране, краски обрели новую жизнь. Казалось, что испуганный чертенок вот-вот выскочит из монитора и побежит по коридору.

Девочка вошла в меню на верху экрана и нашла команду «печать». Она щелкнула мышью, и через несколько секунд лист выскользнул из принтера. Копия выглядела великолепно, хотя бумага и была немного

тонковата. Но Теодору вдруг осенила блестящая идея. Она побежала в свою комнату и, порывшись в письменном столе, нашла коробку специальной переводной бумаги для изготовления рисунков при помощи утюга и кусок тонкого белого картона.

Додо никогда раньше не ставила гладильную доску сама, поэтому, когда раздался резкий металлический звук, в ужасе замерла, ожидая, что дверь няниной комнаты распахнется и в холле послышатся торопливые шаги.

Однако только бормотание: «М-ммм... Что такое?» — раздалось из спальни Микко.

— Ничего, — ответила девочка.

— У-гу, — донеслось приглушенно.

Пока утюг нагревался, Теодора снова отпечатала изображение на переводной бумаге. На этот раз вышло еще лучше. Но при проглаживании появился отвратительный запах плавящегося пластика. Когда картинка охладилась и можно было снять основу, как будто бы послышался тихий писк: «И-и!» Похоже, что это протестовал чертенок. Додо взяла ножницы Микко из корзинки для рукоделия и осторожно вырезала карту.

Она выглядела почти как настоящая. Полюбовавшись ею несколько минут, Теодора

увидела, что уже без семи минут шесть. Микко всегда вставала в шесть и делала утренний комплекс гимнастики тайши во дворе.

Додо засуветилась, убирая уют и гладильную доску, подметая обрезки бумаги и включая компьютер, принтер и сканер. Через три минуты она уже лежала в постели, приотворяясь спящей. Теодора выглянула поверх одеяла, восхищаясь новой картой таро, лежащей на ночном столике. Она выглядела потрясающе. Ее почти невозможно отличить от настоящей.

Додо села в постели. Да она же и есть *настоящая*. Теодора принесла в свою комнату настоящую карту, а на кухонном столе оставила *копию*. Она выглядела хорошо, но не настолько, чтобы провести Микко.

Ровно в шесть дверь комнаты няни открылась, и Додо услышала голодное мяуканье Фрэнки, бежавшего по холлу впереди Микко. Было слышно, как она открывает дверцу холодильника и звенит столовым серебром, доставая чистую вилку из сушилки. Затем донеслось взволнованное мяуканье Фрэнки, когда Микко положила еду в кошачью миску. Потом няня сняла засов на боковой двери.

Подкравшись к окну, Теодора увидела, как Микко медленно делает упражнения.

Девочка на цыпочках прошла на кухню. Кухонное окно выходило во двор, и Микко, двигаясь, поворачивалась к окну то лицом, то спиной. Додо дождалась, пока няня повернется спиной. Тогда она бросилась к столу, поменяла карты и убежала.

На этот раз она тщательно спрятала копию среди коллекции у окна.

Глава 10 ДРУГОЙ СПОСОБ ВЫЗВАТЬ ВИВЕРНУ

уществует не один способ привораживания виверны. Мерлин и Гидеон использовали тот, что официально принят Гильдией, предусматривающий сложную аппаратуру, песнопение и глаз тритона. Но есть и другой, непризнанный. Им воспользовался Кобольд.

Волшебник, не желающий использовать заклинания, одобренные Гильдией Мастеров Волшебных Искусств, мог начать с поисков книги, запрещенной Константинопольским соглашением 1100 года. «Книга молодого волшебника, или Секреты Гильдии Мастеров» написана мошенником, исключенным из Гильдии в десятом веке. Он собрал в ней сокращенные магические обряды, ненадежные и опасные. В книгу вошли также десятки заклинаний для вызывания того, что лучше было не трогать.

Один из сокращенных обрядов, записанных колдуном десятого века, предлагал более легкий способ привораживания виверны, особенно если требовалось направить ее против нынешнего хозяина. Можно произнести заклинание и вызвать тень настоящей виверны, ее обратную копию, подобную отражению в зеркале. Тень станет искать своего зеркального двойника, копия притянется к оригиналу, как металл к магниту.

Проблема заключалась в том, что Гильдия разыскала и уничтожила все экземпляры «Книги молодого волшебника» (именно в этой работе мастера преуспели). Кобольд не смог достать эту книгу в своем времени.

Но он очень надеялся, что найдет ее в двадцать первом веке.

На экране в гостиной пентхауса он вызвал электронные «Желтые страницы» и отыскал раздел «Книги старые и редкие». Колдун написал имена десяти книготорговцев, которые специализировались на книгах, созданных до изобретения книгопечатания, и литературе по оккультизму.

Кобольд размышлял над списком, поджав губы.

— Эбенизер Абернати, букинист, Джойстрит, — прочитал он вслух. Потом позвал своего демона.

Фебрис зашипела от отвращения:

— Я не хочу надевать женские туфли.

Но Кобольд только глянул на нее, и Фебрис со стоном потянулась за туфлями на высоких каблуках.

— Вы выглядите ужасно, — сказал Мерлин.

— Я и чувствую себя так же, — согласился Гидеон.

Старший волшебник вернулся из утреннего похода за продуктами и обнаружил Гидеона на кухне. Тот уже нашел банку молотого кофе в шкафчике и с помощью Оуроборос сообразил, как работает кофеварка.

Когда Мерлин наполнил свою кружку, Гидеон объяснил:

— Я видел очень тревожные сны, хотя и сделал обычный знак, чтобы отогнать их. Чувствую, что мой враг близко.

— Кстати, я хотел поговорить с вами об этом.

Мерлин вытащил из сумки молоко. На первый взгляд, это был заурядный пакет молока, но если всмотреться в фирменный знак изготовителя, то видна крылатая ко-рова, а под информацией о питательных качествах — крохотная сова, держащая в лапах хрустальный шар.

Гидеон уже знал о традиции печатать на молочных коробках фотографии разыскиваемых людей. Но у него сердце оборвалось, когда он разглядел, кто изображен на пакете молока, изготовленного на заводе «Волшебное время».

На боковой стороне, под жирным заголовком «РАЗЫСКИВАЮТСЯ», оказались напечатаны фотороботы Кобольда в шляпе и Фебрис с прической сороковых годов прошлого века. Надпись гласила:

«Последний раз были замечены в окрестностях Уайлдвуда, Нью-Джерси. Подозреваемый продемонстрировал способности седь-

мого уровня магии; внешность и поведение подозреваемой соответствуют Демону Первого Класса. Соблюдайте осторожность. При встрече немедленно сообщите вашему местному должностному лицу Гильдии».

— К сожалению, — сказал Мерлин, — в этом году состоятся выборы в Гильдии. Наш местный представитель либо ведет предвыборную кампанию, либо наоборот — из всех сил пытается избежать этого и не привлекать внимания. Последний раз, когда меня выдвигали, созыв длился семь лет. Боюсь, что бесполезно ожидать какой-либо практической помощи от Гильдии.

— Как далеко находится Уайлдвуд, Нью-Джерси?

— Недостаточно далеко. Судя по дате на пакете, они уже вполне могли добраться сюда.

— Это разъясняет мои сны. — Гидеон повернул коробку так, чтобы не видеть морщинистого и злобного лица Кобольда. — Ча-ры рассеивают только естественные сновидения, а не те, что вызваны колдовством. Кобольд посылал их, чтобы найти меня.

Мерлин разрезал булочку с кунжутом пополам и положил в тостер.

— Гидеон, простите меня за эти слова, но мне кажется, что Кобольд не только пы-

тается отомстить вам за то, что вы обошли его в получении должности Королевского Чародея. Не обижайтесь, если я скажу, что за этим должно быть нечто более личное, чем профессиональное соперничество, то, что вы не хотите поведать вашему другу Мерлину.

Гидеон заерзал на стуле, как мальчишка, пойманный на вранье.

— Да, Кобольд — мой сводный брат.

— Ага! — тихо пробормотал Мерлин в кружку с кофе.

— Когда мы учились у Королевского Чародея, то оба влюбились в одну девушку...

— Я так и знал! — Мерлин резко поставил кружку на стол, расплескав кофе. — Я чувствовал, что здесь замешана девушка.

Против ожидания Гидеон не покраснел, а сильно побледнел.

— Я не хочу говорить об этом, даже сейчас. — Он нервно вертел в руках крышку от банки с джемом. — Гвинлин — дочь чародея. Красавица, разумеется. Необыкновенная красавица. Но это не главное ее достоинство. Она обладала редким умом, чувством юмора и добрым сердцем. И у нее имелся особый дар обращения с молодыми драконами.

— И она предпочла вас Кобольду?

— Если бы! Нам тогда было по шестнадцать лет. Мы были молоды и неопытны, а ревность приводила нас в ярость. И однажды ревность заслонила собой любовь и привела к соперничеству из-за Гвинлин. В конце концов Гвинлин надоела наша вражда, и она заявила, что ей никто из нас не нужен.

— Кто же может осуждать ее за это? Но история ведь на этом не кончилась?

— Нет. Кобольд понял, что теряет ее, а он не мог смириться с поражением. Он уже достаточно овладел колдовством, чтобы наслать очень опасные чары. Вовсе не невинные любовные заклятия, которые подкладывают под подушку. Он пробрался в лабораторию нашего учителя и выкрал из запертого шкафа вещества, необходимые, чтобы сварить приворотное зелье. Это мощное заклинание, которое привязывает человека, как бы он ни сопротивлялся, к тому, кто накладывает чары. Такое колдовство часто приводит к сумасшествию. Оно противоречит Своду Законов волшебников и запрещено Гильдией очень давно.

Теперь и Мерлин побледнел.

— Она... она не...?

— Она осталась жива, но лишилась рассудка. Отец смог облегчить ее состояние

и отправил выздоравливать на далекий остров. Кобольд предстал перед судом и лишился права быть волшебником.

Мерлин только покачал головой:

— Как же он мог зарабатывать на жизнь даже в качестве странствующего колдуна после такого преступления?

— Семь столетий тому назад, как и сейчас, запрет, наложенный Гильдией, не являлся таким уж препятствием для того, кто хочет его обойти, а уж для мелкого баронета, находящегося в опале, беспринципный колдун становился удачной находкой.

— Я так понимаю, что, будучи сам виновен в несчастной судьбе Гвинлин, Кобольд считает, что вся ответственность лежит на вас.

Лицо Гидеона немного порозовело, но его глаза все еще оставались глубоко печальными.

— Да. Некоторое время я и сам страдал от этого заблуждения.

Только они покончили с едой, как из ванной донеслось низкое урчащее зевание. Сразу затем они слышали, как все элегантно принадлежностей для ухода за собой, которые Мерлин держал на краю раковины, с грохотом посыпались на кафельный пол.

— Кажется, наш китайский гость проснулся, — сказал Мерлин, стряхивая зерна

кунжута с жилета. — Ну, мой друг, давайте совместными усилиями придумаем, как избавиться от Йинг-лонга.

Уикка пробудилась от прерывистого сна, но не из-за жары, а от жгучего желания. Оно было такое же неистовое, как то, что заставляло ее искать гнездо, защищать свое яйцо. Но теперь все ее помыслы были сосредоточены на шоколаде. Будучи виверной, она станет преследовать эту цель так же упорно, как кошка мышь.

Однако, как только дракониха приземлилась на здание Массачусетского технологического института, она увидела неприятную картину: на крыше кондитерской фабрики сустились какие-то люди в касках. Некоторые из них осматривали выхлопные отверстия и другие устройства, а остальные прикрепляли тяжелую проволочную сеть над отверстием, через которое накануне пробралась Уикка. Но еще больше ее разочаровало отсутствие аппетитного шоколадного аромата. Даже если бы нашелся новый способ проникнуть внутрь, не было уверенности, что там ожидает награда. На погрузочном участке стояли два грузовика. Один — белый, обтекаемой формы с темными окнами

и серебряной надписью «Ниппон роботикс», а другой — серый, довольно потрепанный, со зловещего вида цистернами и изображением большого таракана на крыше, сбоку виднелась надпись красного цвета «Уничтожение ползающих насекомых».

Привлекательный запах струился из булочной «У Розы» на Инман-сквер, но при ближайшем рассмотрении обнаружилось, что печи слишком горячие, а кексы и шоколадное печенье почти сразу отправляются в холодильные камеры, чтобы не растаяли. Виверне пришлось удовлетвориться шоколадной глазурью, которую она слизала с обертки и коробок от кексов, найденных в мусорном баке. При этом ей надо было отбиваться от разъяренного терьера, выскочившего из соседнего двора и злобно хватавшего ее за задние лапы.

Но что такое для драконихи пара граммов шоколада! Уикка крадучись пошла по переулку, находящемуся позади Кембридж-стрит, обследуя задние дворы магазинов, кафе и ресторанов. Ее ноздри впитывали всевозможные запахи: кислую вонь лежалого мусора и старого пива, смешанную с восхитительным ароматом свежесваренного кофе и медленно коптящегося мяса, дух чис-

тых полотенец, долетающий из вентиляционной вытяжки прачечных. Но главного среди них не было. Дракониха шумно втягивала воздух. И вдруг...

— Это не?.. Неужели?.. Да-а-а!

Он казался другим, не тягучим, мягким, липким и сладким от начинки из вишневой карамели, а холодным, резким и в то же время более тонким. Но это был он — без сомнения он.

Шоколад.

Задняя дверь кафе оказалась открытой. Керри, владелица кафе, и двое ее работниц стояли за прилавком и отпускали мороженое, стараясь как можно быстрее обслужить очередь томящихся от жары покупателей, тянувшуюся с улицы.

Керри сама обожала мороженое. Ее любимые сорта — «Шоколадное безумие», «За пределами безумия» и вариация на тему «Каменистой дороги», названная «Геологическая экспедиция», — выигрывали призы на кулинарных конкурсах в Новой Англии. Новая партия шоколадного мороженого, разработанного специально для грядущего фестиваля «Шоколадное состязание», находилась в большой промышленной взбивалке, готовая к упаковке в круглые картон-

ные коробки. Керри соединила насыщенное темное горьковато-сладкое шоколадное мороженое с цельным жареным бразильским орехом и кофейными зернами в шоколадной глазури и назвала получившуюся смесь «Шоколадное пристрастие тукана».

Уикка погрузила свой клюв в чашу из нержавеющей стали и осторожно попробовала. Она удивленно подняла голову, катая хрустящие кусочки в клюве черным мускулистым языком. Холодный шоколад оказался ничуть не хуже, чем тот, с фабрики, и виверна, радостно взвизгнув, с жадностью набросилась на него.

Вскоре Уикка с головой залезла в чашу взбивалки и ее довольное урчание сливалось с громким гудением ресторанных холодильников.

Когда наплыв покупателей прекратился, Керри вспомнила об оставленной новинке. Она поспешила на кухню, чтобы упаковать мороженое и убрать в холодильник. Но оказалось, что чаша взбивалки вылизана дотиха, а к двери идет цепочка странных следов.

Теодора остановилась, войдя в магазин «Рассказы путешественника», чтобы дать глазам привыкнуть к сумрачному интерье-

ру. Она разглядела во мраке знакомые полки с новыми комиксами, большие корзины старых комиксов, высокие вращающиеся стеллажи с листами наклеек для коллекционирования и длинные запертые стеклянные витрины с торговыми картами. Казалось, что все освещение в комнате исходило от шкафа, в котором были выставлены предметы из серии «Волшебники и виверны»: торговые карты, подарки из призовых игр, смыывающиеся татуировки, невидимые чернила и тому подобное. В глубине магазина висел тяжелый темно-синий бархатный занавес, усыпанный серебряными звездами и планетами. За ним находилась комната, где проходили встречи Клуба Хранителей виверн.

Песня, звучавшая в магазине, закончилась, и на мгновение Теодора могла услышать, как в той комнате покатались кости, последовал разочарованный стон и торжествующее гоготанье, когда горстки фишек перешли из рук в руки.

Зазвучала новая песня, и девушка за прилавком взглянула на Додо. Ее волосы, окрашенные в цвет воронова крыла, были заплетены в десятки блестящих, как змеиная кожа, косичек. У нее были светящие-

ся оранжевые тени на веках и черная помада, а на ключицах — татуировка из египетских иероглифов.

— Привет, Теодора. Ты редко заходишь.

— Привет, Джина.

Стараясь не потревожить игуану, дремавшую на кассе, девочка поставила рюкзак на прилавок и достала колоду карт «Волшебники и виверны», перетянутую резинкой, причем каждая карта находилась в пластиковом футляре. Она разложила их в обычном порядке: сначала виверны, а под ними карты с их свойствами. Джина наклонилась вперед.

— Весь набор, — одобрила она. — Так ты нашла наконец последнюю карту виверны?

Теодора кивнула, передавая Джине карту виверны с чертенком. Сердце у нее сильно билось, и она почувствовала, что краснеет. Но неожиданно она успокоилась и услышала, как ее голос произносит слова, тщательно отрепетированные перед зеркалом в ванной.

— Ну, я не уверена. Она выглядит немного забавно, да? Интересно, не может ли она быть подделкой из Гонконга?

Джина включила свет и взглянула на карту через увеличительное стекло.

— Да, ясно, что ты имеешь в виду, — сказала она, возвращая карту. — Где ты ее взяла?

— Это поразительный случай. Она прилипла к моей туфле на Сентрал-сквер, вся покрытая грязью. Мы принесли ее домой, очистили и высушили.

Теодора наморщила лоб и посмотрела на Джину с самым озадаченным видом, какой только могла изобразить.

— Но я не знаю, будет ли это считаться. Я имею в виду, будет ли это правильным учитывать ее при вступлении в Клуб, если она не установленного образца.

— Подожди здесь.

Джина встала, взяла карту и пошла в дальнюю часть магазина. Отодвинув занавес, она сказала что-то, но слишком тихо, чтобы можно было разобрать. Стук костей и фишек прекратился, голоса стали громче, слышалось бурное обсуждение. Через минуту-другую девушка вернулась к прилавку.

— Это потрясающая карта, — сказала Джина, возвращая ее Додо. — Но поскольку она нестандартная, им кажется, что несправедливо предлагать тебе полное членство. Они говорят, что ты могла бы посещать встречи в Клубе как кандидат в члены, с ограниченными правами.

— Ограниченными? Насколько ограниченными?

— Ну, можешь наблюдать, но тебе нельзя играть, голосовать и говорить, если к тебе не обратятся. И придется бегать за кока-колой и бутербродами.

— Понятно.

Теодора почувствовала, что ее лицо вспыхнуло. Она собрала карты, стянула их резинкой. Бросив колоду в рюкзак, затянула на нем шнурок.

— Значит, я не достаточно хороша для того, чтобы стать действительным членом, но вполне гожусь быть на побегушках.

— Послушай, — сказала Джина, понизив голос и приняв вид взрослой и мудрой женщины. — Между нами, твоя карта гораздо круче, чем все их, вместе взятые. Организуй свой собственный клуб. И вообще, тебе вряд ли захочется тусоваться с ними. Поверь мне.

Но девочка уже вышла и спускалась по лестнице.

Организовать свой клуб?

— Да, я и кто еще? — пробормотала она, выходя на улицу.

Даже когда Мило и Вэлери были здесь, они не очень-то интересовались виверна-

ми. Додо ясно представила себе: вот она сидит совершенно одна-одинешенька в своем тайном клубе, говорит самой себе секретный пароль, накладывает шину на сло-манное крыло игрушечной виверны.

Это уж слишком!

Однако к тому времени, когда Теодора дошла до своей улицы, ее фантазия разы-гралась вовсю. Она воображала, как прихо-дит в «Рассказы путешественника» с на-стоящей живой виверной на поводке.

— Конечно, вы сможете ее погладить, — сказала она едва слышно, — когда полгода пробудете кандидатами и наберете тысячу шестьсот очков в тесте на способность быть хранителем виверны.

Глава 11 МОЛОКО ВИВЕРНЫ

тот летний день выдался по-особенному жарким, и кондиционеры в доме профессора тут же отказались работать. В его квартире сразу стало душно и нечем дышать. Гидеон развалился в кресле в кабинете, лениво перекидывая Огонь с одной руки в другую. Мерлин

сидел за письменным столом, склонившись над экземпляром ПВСЧ-4, и, читая, задумчиво постукивал авторучкой по зубам. Единственный электрический вентилятор гонял по комнате теплый воздух. Оуроборос обвилась вокруг стакана чая со льдом, потягивая его через две соломинки, и просматривала «Харвард газетт».

Гидеон заговорил:

— Не проще ли будет вызвать китайца, который приносил нам еду в белых коробках, и велеть ему забрать Йинг-лонга с собой в Китай.

Мерлин оторвался от книги «Привораживание, вызывание и связывающие чары», которую он открыл на главе «Освобождение от чар».

— Мне льстит, что вы думаете, будто я могу заказать обед из другой части света, но, боюсь, у вас преувеличенное представление о моих способностях. Я действительно вызвал китайца, как вы говорите, но только из ресторана «Золотая панда», что на Харвардсквер. Он прибыл сюда не на крыльях заклинания, а на моторизованной угрозе, называемой мопедом.

Гидеон позволил Игнусу вернуться на камин.

— Что говорится в книге об избавлении от китайского дракона?

— Ну, водяных драконов можно отправлять по бегущей воде, но только если она имеет выход в море. Бросить их в колодец или озеро нельзя, если только вы не хотите проблем. Но, увы, наш Йинг-лонг слишком уж заметен, чтобы тащить его к берегам реки Чарльз. А тем временем, боюсь, он нас разорит.

Оба волшебника не знали, чем кормить нежданного гостя. Наконец, по предложению Оуроборос они наполнили ванну рисовой кашей и жасминовым чаем, и Йинг-лонг, очень довольный, ел из такой кормушки. Также, похоже, ему нравился попкорн из микроволновки. (Мерлин считал, что звук лопающихся зерен напоминал дракону китайские хлопушки.) Пока что Йинг-лонг спал, переваривая завтрак, но попкорн уже закончился, и осталось совсем мало риса и чая. Ванну опоясывал ободок из застывшей каши, и, как мрачно заметил Мерлин, его можно удалить лишь отбойным молотком.

Обессиленный от духоты и жары и устав ломать голову, волшебники уныло молчали. Вдруг послышался громкий всхлип — это

Оуроборос шумно втянула через соломинку остаток чая со льдом.

— Полагаю, что я нашла решение, — сказала змейка. — Мерлин, у вас есть одежда, похожая на китайскую?

Мерлин немного подумал.

— Японская, но если немного переделать, то сойдет за китайскую, — сказал он. — Прошлой осенью я играл главную роль в «Микадо». Мой костюм был великолепен. Если я смогу найти его, то перешить будет нетрудно. И нам всегда может помочь парочка волшебных заклинаний.

— Оуроборос, что ты задумала? — осторожно спросил Гидеон.

— Слушай, — сказала мудрая старая змея, — я расскажу тебе.

Микко и Теодора в купальных костюмах сидели на заднем дворе, предусмотрительно поставив шезлонги под разбрызгиватель, и ели фруктовый лед. Девочка читала потрепанную книжку «Шпионка Харриет», закрывая ее от воды пластиковой папкой, которую Микко использовала на кухне для защиты своих кулинарных книг.

Когда Додо прикончила свою порцию, няня полезла в маленькую сумку-холодиль-

ник, прислоненную к креслу, и подала ей следующую.

— Этот малиновый — последний, — сказала она. — Есть еще один ананасовый, а остальные — кокосовые.

Теодора наморщила нос. *Кокосовые.*

— Микко!

— М-м-м?

— Мы можем сегодня спать здесь?

— Ну, скорее всего, сыграем в «Пинг-понг при лунном свете» перед сном.

Энди Оглторп придумал эту игру, когда учился в аспирантуре, и у семьи Оглторп еще сохранился стол для пинг-понга, размеченный отражающей лентой, и запас ракеток и шариков, окрашенных светящейся краской.

С тех пор как они нашли на улице карту с виверной, впервые все было почти нормально. Ужасный комок в груди, который появлялся, когда они с Микко ссорились, почти совсем исчез. Помогла жара, дав им общего врага. Додо откусила большой кусок малинового льда и подумала, что хорошо, когда Микко рядом. Это сглаживало потерю на все каникулы Мило и Вэлери. Она даже едва ли не смирилась с тем, что отец оставил ее, как будто ей все еще де-

сять лет или даже меньше, а сам поехал в джунгли делать важные открытия.

И надо же было, чтобы именно в этот момент в ее памяти ожил образ мамы, смеющейся и бегающей за ней по двору с поливальным шлангом в такой же жаркий августовский день. Теодора так заерзала в шезлонге, что Микко спустила на нос темные очки, чтобы лучше ее видеть.

— Что с тобой?

— Ничего. Это просто пчела.

Девочка напонила себе: как бы ни было хорошо с Микко, так, как с мамой, никогда уже не будет.

Во время жары нянин кот обычно искал спасения в подвале или валялся на прохладном кафельном полу ванной. Но сегодня Фрэнки с несчастным видом съежился на краешке кровати своей хозяйки. Он не мог выйти из-за карты, которая лежала на комод. Утром Микко забрала ее с кухонного стола, чтобы она не потерялась, и оставила в спальне, а Фрэнки не осмелился пройти мимо карты, хотя она и встала между ним и всем, что ему дорого: едой, водой, коробкой, в которой он любил лежать, и Микко.

Время от времени легкий ветерок из окна поднимал краешек карты, и кот выгибал спину и шипел. Он был старым и, как Микко мягко выражалась, «не очень умным». Но, подобно большинству животных, чувствовал, когда сталкивался с чем-то потусторонним. Карта с виверной ему не нравилась, ну ни капельки. Она была древняя и сильная, и от нее исходил отчетливый запах магии. Фрэнки распластался на покрывале и жалобно завыл.

Представляясь мистером Лэмбтоном и мисс Уорм, Кобольд и Фебрис посещали букинистов по списку в алфавитном порядке. Они побывали у Эбенизера Абернати, книгопродавца-антиквара; Космо Константинополуса, «Книги и рукописи»; Мортимера Фезерстоуна, «Прекрасные и редкие книги», — и все безрезультатно.

Направляясь в следующий книжный магазин, они вынуждены были зайти в аптеку в начале Чарльз-стрит, чтобы купить мозольные пластыри для Фебрис.

— Не все женщины носят эти мерзкие туфли, — сердито сказала Фебрис, когда они шли вдоль полок со средствами по уходу за ногами. — Некоторые предпочитают кроссовки «Биркенстокс» и «Найкс».

Фебрис видела их рекламу по широко-экранному телевизору в пентхаусе.

— Твои ноги раздвоены, — сказал Кобольд. — Они будут болеть, какую бы обувь ты ни надела.

— Я так не считаю. Я думаю, что... Кррэкс! Кррэкс!

Фебрис зажала рот рукой. Аптечный работник в голубом фартуке, наклеивающий ценники на флакончики с аэрозолем для ног спортсменов, обернулся и вытаращил глаза. Кобольд подхватил демона под руку и быстро повел к кассе.

Женщина за аппаратом подозрительно уставилась на Фебрис поверх очков в форме полумесяца:

— Что с вами? Мэм, вы хорошо себя чувствуете?

Фебрис нехотя разжала губы и тут же закашлялась, пытаясь скрыть рвущееся изнутри лягушачье кваканье.

— Бедняжка! У вас ужасный кашель. — Кассирша взяла с витрины таблетки от кашля и положила их в пластиковый пакет вместе с пластырем. — Примите это дома.

— Спасибо, — сухо сказал Кобольд, беря пакет.

Теперь Фебрис так громко рыгала и шипела, что другие покупатели в ужасе отшатывались от них. Она задыхалась, шумно втягивала воздух, глаза чуть не вылезали из орбит, и наконец выплюнула на движущуюся ленту у кассы что-то маленькое зеленое и круглое.

— У-у-у! — Покупатели, стоящие в очереди, дружно отпрянули.

Шарик открыл глаза и начал вытягивать ноги.

— Квак! — сказал он.

— Это же лягушка! — воскликнул кто-то.

— Квак, — сказала лягушка, скакнув к витрине с бальзамом для губ.

— Надо же, как смешно, — сказал человек, стоящий позади них.

Вдруг кассирша ткнула пальцем в Кобольда:

— Я вас знаю! Вы тот фокусник, который выступал в «Эмерсон Мажестик». — Она повернулась к Фебрис. — А вы, должно быть, та самая девушка, которую он распиливает на три части.

Кобольд отвесил глубокий театральный поклон:

— Вы можете оставить лягушку как сувенир.

На улице колдун обернулся к своему демону:

— Не произноси при мне слов «я думаю».

Фебрис потеряла горло и кивнула. Но даже зеленые контактные линзы не смогли скрыть появившийся в ее глазах зловещий блеск.

Вчерашний кутеж Уикки на кондитерской фабрике растянул ее и без того эластичный желудок. Теперь же мороженое, которым она объелась, придало ей такой вид, как будто она проглотила большой мяч. От смеси шоколада и кофейных зерен ее переполняла бурлящая энергия, требующая немедленного выхода в озорстве, но огромный живот делал драконицу слишком неповоротливой, и она решила лететь обратно в башню.

Уикка вернулась в свое гнездо, потеряв несколько чешуек, когда протискивалась в окно. Она тщетно пыталась устроить свое внезапно округлившееся тело поверх яйца. Это было все равно что класть дыню на виноградную лозу. В конце концов ей пришлось свернуться вокруг яйца, расправив над ним одно крыло для защиты.

Только драконицу задремала, как ее разбудил слабый звук. Он был едва слышен, но сомневаться не приходилось: это звук

крошечного клювика виверны, стучащего по яичной скорлупе. Ее детеныш готов взглянуть на мир.

Когда клювик появился и расширил отверстие, Уикка мягко сняла кусочки скорлупы, а в остальном предоставила отпрыску выбирать самостоятельно, подбадривая его успокаивающим мурлыканьем в ответ на жалобное «роу-роу». Наконец детеныш вылез, мокрый и слепой, с прижатыми к спине крылышками. Голова казалась слишком большой по сравнению с тельцем, чтобы держать ее прямо. Большие глаза пока закрыты, а на прозрачных веках виднелась паутинка крохотных розовых кровеносных сосудов. В самом деле, это было очень незрелое существо, такое только мать и может любить. И Уикка его полюбила, сразу же и горячо, всем своим существом.

Она удалила остатки скорлупы из гнезда, а затем как следует вылизала своего малыша, от кончика еще мягкого клювика (он затвердеет примерно через неделю) до короткого заостренного хвостика. Она притянула его к себе, так что он тесно прижался к ее животу. Детеныш наконец нашел один из сосков и схватил его, вцепившись в мать маленькими острыми коготками. Созданию

с клювом трудно сосать, это удастся только утконосам да небольшим драконам.

И таким образом Уикка, сама того не подозревая, познакомила своего дракончика с божественным вкусом «Шоколадного пристрастия тукана», впитавшегося в ее молоко.

Глава 12 КОЗЫРЬ ВОЛШЕБНИКА

ине-белые полосатые тенты стояли вдоль берега реки Чарльз, в их тени торговцы продавали китайские закуски и сувениры. В одном киоске детям разрисовывали лица, чтобы они походили на Царя Обезьян и других персонажей пекинской оперы. Рядом, на временной сце-

не, студенты местной школы боевых искусств показывали приемы борьбы кун-фу. Люди смотрели, или прогуливались, или уминали жареных цыплят на бамбуковых вертелах. Однако больше всего народа толпилось вдоль реки, сражаясь за место на берегу или пешеходном мостике, чтобы с комфортом наблюдать старт Бостонских гонок лодок-драконов.

Дюжина блестящих, ярко раскрашенных лодок из тикового дерева с позолоченными носами, вырезанными в форме дракона, пришвартовались у кембриджского лодочного дома, ожидая начало гонок. Экипаж обычной лодки состоит из восьми человек и рулевого, который руководит гребцами и держит курс. Лодки-драконы имеют экипаж из восемнадцати человек: восьми пар гребцов, посаженных друг за другом, рулевого и барабанщика на корме, отбивающего ритм. С берега можно разглядеть разноцветные футболки команд, представляющих местные колледжи, компании, занимающиеся высокими технологиями, и бостонские радиостанции. Прибыли экипажи даже из Сингапура и Австралии. Некоторые гребцы по-дружески подшучивали друг над другом.

Лодка, позже всех подавшая заявку на гонку, держалась у берега, недалеко от старто-

вой линии, рискованно низко погрузившись в воду. Она казалась очень старой, и член гарвардской команды 1936 года, капитаном которой был Айен Мерлин О'Ши, смог бы узнать в ней лодку с парными веслами, выигравшую регату того года. Похоже, что экипаж этой «старушки» состоял из двух членов: полного пожилого мужчины в просторном красно-золотом одеянии и в шапке, отдаленно напоминающей головной убор мандарина, и более стройного молодого человека в черной университетской мантии, украшенной по кайме изображениями золотого дракона. То, что казалось грудой старых консервных банок под зеленым брезентом, иногда издавало странные пыхтящие звуки. Время от времени мужчины озабоченно склонялись над этой кучей и яростно шикали на нее.

— Мы привлекаем внимание, Мерлин, — сказал Гидеон, так как экипаж лодки колледжа Смита вытягивал шеи, чтобы лучше их разглядеть.

Мерлин старался поплотнее закрыть Йинг-лонга брезентом.

— Боюсь, что мы немного бросаемся в глаза. Но держу пари, что экипажи настоящих лодок, пока мы им не мешаем, считают, будто нас наняли на потеху детям.

Трубач вскинул странную длинную трубу, просигналил старт, и гонки начались: гребцы яростно работали веслами, подчиняясь ритму барабана; зрители склонились над перилами мостов, неистово подбадривая свои команды и изо всех сил дуя в небольшие рожки. Блестящие лодки с гордыми драконами на носу легко и быстро скользили по воде.

Лодка Мерлина и Гидеона медленно двинулась следом. Едва она скрылась под первым же мостом, раздался громкий всплеск. Когда лодка вновь появилась за мостом, стало заметно, что она уже менее погружена в воду, а члены ее экипажа насквозь промокли.

Гидеон посмотрел в воду за кормой.

— Прощай, Йинг-лонг. Счастливого тебе пути домой.

— Дай бог, чтобы это действительно было прощанием. Будем надеяться, что он найдет дорогу в море, а не попадет в аквапарк Новой Англии. Или, что еще хуже, не вернется к нашим дверям в поисках каши и попкорна.

Магазин Гайлза и Мойры Хэтч, книготорговцев, находился в итальянском квартале бостонского Норт-Энда на третьем, последнем этаже бывшей обувной фабрики. Микко и Теодора прошли мимо большого продукто-

вого магазина на углу, вдохнув на минуту пряный чесночный запах колбасы и аромат оливок, миновали кафе «Пизанская башня» с пластиковыми вафельными рожками в витрине, в котором сидели опрятно одетые старики и читали итальянские газеты.

Чтобы попасть на третий этаж здания, им пришлось подняться на старинном лифте. Его двери с маленькими окошечками были обиты красновато-коричневой кожей, а ржавый циферблат с дрожащей стрелкой отмечал этажи, которые они проезжали.

Весь третий этаж принадлежал супругам Хэтч. Они попытались украсить коридор с помощью потертых, но все еще красивых старых ковров и тенелюбивых комнатных растений, не возражавших против недостатка света. Стрелка указывала путь.

Теодора ожидала, что увидит стариков: женщину с седым пучком на затылке и очками на цепочке и мужчину в вязаном жакете с кожаными заплатками на локтях, смолящего трубку. Но совершенно неожиданно они оказались гораздо моложе, чем она представляла, может быть, чуть старше папы (конечно, они все же старые, но не дряхлые). Гайлз Хэтч был в рубашке-поло, шортах и рваных теннисных туфлях, заляпан-

ных масляной краской, из которых торчал один палец. Мойра — крашеная серебристая блондинка с очень короткой, почти ежиком, стрижкой — выглядела очень элегантно в струящемся брючном костюме из полупрозрачного шелка цвета красного перца и крупных африканских бусах.

Они приветствовали Микко поцелуями и возгласами восторга, и вскоре все сидели в удивительно удобных креслах и пили чай со льдом. А Мойра и Микко обменивались новостями о людях, которых они обе знали, когда работали на аукционе. Наконец Мойра искоса взглянула на мужа и рассмеялась.

— Ну ладно, — сказала она. — Лучше уж достань эту таинственную карту, а то бедный Гайлз лопнет от любопытства.

Они подошли к простому деревянному рабочему столу, Микко открыла сумочку и вынула маленький плотный конверт, в котором между слоями картона и тонкой бумаги лежала карта. Микко передала ее Гайлзу. Он положил карту на стол и поставил маленькие стеклянные гирьки на ее уголки, чтобы она не скользила. Затем он установил в нужное положение увеличительное стекло.

Низко склонившись, Гайлз несколько минут рассматривал карту, тихо бормоча:

— Угу, угу, хорошо.

Он выпрямился.

— Мойра, посмотри и скажи, что ты думаешь.

Она посмотрела на карту сквозь линзу.

— Микко, ты сказала, что очистила ее?

— Да, только оказала первую помощь, сняла с нее грязь. Если не была уверена, что грязь, — оставляла все как есть.

Мойра одобрительно кивнула.

— Ты очень правильно сделала. Думаю, что поврежденные места, вероятно, просто стерлись от времени, а не оттого, что ты случайно удалила лишнее.

Она сняла гирьки и осторожно перевернула карту, чтобы рассмотреть ее обратную сторону. Потом положила ее лицевой стороной вверх и снова поставила гирьки.

— Ну, то, что ты принесла, поправь меня, Гайлз, если я ошибаюсь, — это карта таро тринадцатого века в итальянском стиле. Я говорю «в стиле», поскольку кое-что заставляет меня думать, что художник работал за пределами Италии и, возможно, даже континента.

Гайлз утвердительно кивнул.

— Да. Учился в Италии, но работал, я полагаю, при дворе какого-то благородного покровителя на Британских островах.

Теодора взволнованно смотрела на карту, поражаясь, как же они могут так уверенно об этом говорить.

— Но самое удивительное то, — продолжала Мойра, — что это чрезвычайно ранняя эпоха для карты таро. Большинство знаменитых колод, принадлежавших итальянской знати, относятся к середине пятнадцатого века. Есть очень ранние карты таро из Германии тысяча триста двадцатых годов. Но я бы датировала эту колоду даже раньше, примерно тысяча двести шестидесятым годом, плюс-минус тридцать лет.

Мойра улыбнулась девочке.

— Это делает карту совершенно уникальной. Было бы еще лучше, если бы нашлись доказательства ее происхождения или имела бы остальная часть колоды, но все же она особенная.

— Действительно особенная, — сказал уверенный мужской голос.

Они так и подскочили. Никто не заметил, как вошла эта пара. Незнакомцы ухитрились близко подойти к столу без всякого шума. Мужчина выглядел молодо, но угрюмое выражение лица, как будто вечно нахмуренного, делало его старше. Он был в темно-сером костюме, а в руке держал трость с набалдаш-

ником из большого куска полированного кварца в форме хрустального шара. На его спутнице прекрасно сидел модный костюм из мягкого серого шелка, но что-то в ее внешности, может быть необыкновенно холодная зелень ее глаз, просто вызывало мурашки. Когда она им улыбнулась, оказалось, что у нее мелкие, ровные, гладкие зубы, как у куклы. Их вид заставил Теодору содрогнуться.

Микко спокойно взяла карту таро и положила ее в сумочку, а сумочку сунула под мышку.

— Да, — сказала она сдержанно. — настолько особенная, что мы собираемся отнести ее прямо к экспертам по средневековому искусству в Музей изящных искусств.

Мужчина прищурился, затем достал из внутреннего кармана тонкую серебряную визитницу, вытащил из нее белую карточку и протянул Гайлзу, тот взглянул на нее и передал Мойре, а та — Микко. Теодора заглянула через плечо Микко и прочла: «КОНРАД ЛЭМБТОН».

Больше ничего: ни адреса компании, ни номера телефона, ни факса или электронного адреса. Только «КОНРАД ЛЭМБТОН», напечатанное рельефным черным шрифтом на тяжелой карточке из слоновой кости.

— Позвольте представить мою компаньонку, мисс Уорм, — сказал мистер Лэмбтон.

Мисс Уорм вдруг сделала несколько неуверенных, неуклюжих шагов в их сторону, как будто ее толкнули, но быстро восстановила равновесие и снова улыбнулась мрачной, заученной улыбкой.

Мойра сложила руки на груди и склонила голову набок.

— Чем вы занимаетесь, мистер Лэмбтон? Не думаю, что видела вас в кругу торговцев редкими книгами.

— Нет? — Он провел пальцем, обтянутым перчаткой, по корешкам книг в кожаных переплетах на ближайшей полке. — Неудивительно. Я частный коллекционер, живу за границей.

— А что именно вы собираете? — спросил Гайлз.

— Средневековые рукописи. Особенно связанные с оккультизмом. Я очень увлечен коллекционированием карт таро, таких, как этот замечательный экземпляр в сумочке мисс Колодни.

Микко и глазом не моргнула.

— Интересно, откуда вы знаете мою фамилию? — сказала она. — Не помню, чтобы я представлялась.

Мистер Лэмбтон лишь загадочно улыбнулся:

— Сколько бы музей ни предложил вам за карту, я дам вдвое больше.

Микко и Мойра остались невозмутимы, а Гайлз беззвучно открыл и закрыл рот, бросив на жену отчаянный взгляд. Она его проигнорировала.

— Как же мы можем связаться с вами, если на вашей карточке нет ничего, кроме имени? — спросила Микко.

Она все еще держала сумочку железной хваткой бывшего пассажира метро. Теодора заметила, как мистер Лэмбтон смотрел на вышитую сумочку на металлической цепочке в стиле пятидесятих годов двадцатого века — жадно, но в то же время боязливо. Это показалось ей странным.

— О, не беспокойтесь, я найду вас, — ответил он. — Пойдемте, мисс Уорм. Мы прощаемся. Мистер и миссис Хэтч. Мисс Колодни. Мисс Оглторп. Приятно было познакомиться.

Он низко поклонился, широко взмахнув тростью, после чего они с мисс Уорм повернулись и ушли.

Мойра Хэтч перевела дух и села. Гайлз Хэтч сел рядом с ней и застонал:

— Ну почему это самые богатые покупатели всегда и самые нечестные?

— Вы думаете, он нечестен? — спросила Микко.

Ее друзья энергично кивнули.

— Это чушь, будто он частный коллекционер, живущий за границей, — сказал Гайлз. — Я знаю, что большинство подобных типов, — члены правления японских корпораций или эксцентричные голландские миллионеры в кроссовках. А наш посетитель выглядит как жулик, притворяющийся коллекционером. Перчатки. Трость. Ради бога!

Мойра задумчиво покачала головой:

— И все же...

Микко взглянула на нее:

— Что «все же»?

— То, что он лжет, в этом нет и тени сомнения. Как же иначе можно выяснить наши имена, если не вести какую-то хитрую игру? Я спорю на что угодно, он знает что-то об этой карте. Я видела, как он смотрел на нее, прежде чем ты убрала ее. Жадно. Хищно.

Теодора, до сих пор молчавшая, вдруг заговорила:

— Похоже, что он боялся прикоснуться к ней.

Все трое взрослых обернулись и посмотрели на нее. Затем Микко схватила сумочку и открыла ее. Карта с виверной и чертенком выскользнула на стол. Предвечерний свет из окон упал на нее, и краски засияли.

— Я просто хотела убедиться, что она все еще там, а не превратилась в волшебную пыль, — смущенно произнесла Микко.

Мойра снова завернула карту, на этот раз в мягкую бумагу, не содержащую кислоты, и положила ее между кусками особого картона, который архивисты используют для реставрации книг. Когда карта вернулась в сумку, Гайлз заявил, что как раз пора пойти пообедать в ресторанчик «У старины Анджело» за углом.

— А потом в кино? — спросила Теодора с надеждой.

— В кинотеатр с кондиционером, — подчеркнула Мойра.

Глава 13 ГАДАНИЕ

ванной комнате пентхауса Фебрис с наслаждением опустила ноги в воду. Ванна из розового мрамора была размером с маленький плавательный бассейн. Три ступени вели к верхнему краю ванны, в воду тоже спускались по ступенькам. Нагретая вода лилась из позо-

лоченных кранов в виде дельфинов, расположенных по краю. Вода бурлила и пенилась вокруг больных, натертых ног демона. Она вздохнула с облегчением.

Раздался звонок в дверь, и Кобольд пошел открывать. Рассыльный в коричневой униформе передал ему электронный регистрационный журнал. Волшебник взял подсоединенный к прибору специальный стержень для письма и написал: «*Конрад Лэмбтон*», вернул это устройство, получил маленький пакет и закрыл дверь.

Кобольд принес посылку в столовую и поставил ее на обеденный стол из стекла и хромированного металла.

— Раскройся! — скомандовал он, и пакет сразу же послушался: клейкая лента отстала, бумага развернулась, и показался слой мягкого оберточного материала.

— До конца, — раздраженно добавил Кобольд.

Обертка упала, и под ней обнаружилась книга. Когда-то у нее был красный кожаный переплет, украшенный лунным камнем, светящимся, как глаза животных. Этот же экземпляр состоял из потрепанных остатков по крайней мере трех книг, которым сильно досталось от времени. Уцелевшие

страницы, умело реставрированные, переплели в гладкую зеленую ткань.

Кобольд взял книгу и открыл на первой странице:

**«Книга Молодого Волшебника,
или
Секреты Тульгуи Мастеров
Волшебных Искусств»**

Конечно, эти слова были написаны от руки черными готическими буквами, поскольку в 900 году еще не изобрели печатный станок.

В пакете оказалась и записка от Прунеллы Снайпс, занимавшейся книготорговлей:

«Уважаемый мистер Лэмбтон!

Мой друг и коллега, мистер Эбенизер Абернати, сообщил мне, что Вы хотите приобрести такую книгу. А я как раз закончила реставрацию этого сильно поврежденного экземпляра. Обратите внимание на его недостатки. Если состояние книги для Вас приемлемо, то ответьте, пожалуйста, по адресу, указанному выше. Оплата наличными в течение тридцати дней.

*Искренне Ваша,
П. Снайпс».*

Кобольд положил рукопись и записку на стол. С помощью запретных заклинаний из книги он мог бы вызвать тень виверны, чтобы захватить «друга» Гидеона и окончательно сокрушить его. Но вчера он видел карту виверны, принадлежащую молодой женщине и девочке. Эта карта может усилить его способности, что сделает месть сводному брату более полной.

Однако власть карты такова, что ею нельзя завладеть силой или с помощью заклятий. Ее должны отдать ему добровольно. Вероятность этого представить себе трудно, если только не...

Если не...

Фебрис не обращала внимания на зов хозяина, позволяя своим ногам с двумя длинными пальцами еще немного понежиться. И вдруг вода перестала течь из золотых кранов. С недовольным стоном Фебрис вылезла из ванны. Если Кобольд сильно разозлится, то может вместо воды пустить что-нибудь неприятное вроде вонючей серой слизи или кипящей грязи с запахом тухлых яиц.

Она появилась в дверях гостиной:

— Что прикажете, хозяин?

— Для тебя есть задание, но сначала ты должна принять новую форму.

Фебрис с отвращением зашипела. За исключением неудобств, причиняемых женскими туфлями, нынешняя внешность нравилась ей больше, чем любая другая, которую она когда-либо принимала. И уж конечно больше, чем ее истинное обличье. Но она обязана слушаться Кобольда.

Колдун поднял телефонную трубку и набрал номер.

— Объединенная почтовая система? Я бы хотел, чтобы из моей квартиры забрали тюк.

На другом конце провода ему что-то ответили, Кобольд улыбнулся и бросил собой взгляд на демона:

— Да, он уже готов к отправке.

В квартире Мерлина все стало по-прежнему. Аппарат для привлечения убрали, а тяжелая работа и немного магии уничтожили практически все следы пребывания Йинг-лонга. Гидеон с помощью простенького заклинания оживил несколько мочалок из металлической стружки, и они шустро принялись отдраивать след от трапез китайского гостя — ободок из засохшей каши на ванне. Приятно было слышать, как эти маленькие помощницы бодро соскребают грязь. Уже очень давно он не использо-

вал чародейские силы, а чудеса техники, которые встречались на каждом шагу, создавали у него ощущение, что его собственные магические способности невелики.

Он очень скучал по утренним занятиям с Уиккой. Обычно он выводил ее, едва займется заря, когда луг еще окутан туманной дымкой. Гидеон брал с собой мешочек с мелкими чарами и подбрасывал их высоко в воздух, чтобы виверна их находила и приносила обратно. Это шло на пользу и волшебнику, и его питомице: Уикка хоть на час отвлекалась от озорства, а он — от мыслей о Гвинлин.

Он оставил мочалки самостоятельно продолжать работу и пошел в гостиную.

— Оуроборос!

Змейка подняла головы со спинки дивана, на котором она дремала.

— Шш-ш-што?

— Ты можешь воспользоваться своей памятью будущего и сказать, отложила ли Уикка яйцо?

Оуроборос на минуту закрыла глаза и снова их открыла.

— Прости, Гидеон. Не могу.

Хотя мудрая змея отлично помнила прошлое и будущее, ее память иногда каприз-

ничала в отношении событий ближайшего будущего и недавнего прошлого. Дела даже многовековой давности в обе стороны она помнила гораздо лучше.

— Я надеялся, что здесь ты сможешь видеть немного яснее.

Гидеон сосчитал в уме дни и ночи. Сейчас шел уже пятый день, как он потерял виверну. Несомненно, она снесла яйцо, как только нашла подходящее место для гнезда. Благодаря летней жаре и быстрому развитию детеныша, он, вероятно, уже вылупился. Так что теперь волшебнику надо разыскать уже двух виверн, прежде чем это сделает Кобольд.

Он достал свой мешок из шкафа и вынул из него завернутую в бархат колоду карт с виверной. Но, едва он начал раскладывать карты в форме буквы «Т» на кофейном столике, его рука замерла. Дрожащими пальцами он быстро перебрал колоду, а потом еще раз, не веря своим глазам.

Карта таланта виверны пропала. Гидеон, хрипло вскрикнув, упал на подушки дивана. Услышав это, Мерлин выбежал из спальни:

— Господи! Гидеон, что случилось?

Лицо молодого волшебника посерело, а во рту так пересохло от страха, что ему при-

шлось облизнуть губы прежде, чем он смог заговорить, да и то только обрывками фраз.

— Карта... Пропала карта из моей колоды. Самая сильная. Козырь... козырь виверны...

Мерлин опустил на диван рядом с ним:

— Какой ужас!

Оба волшебника знали, что Кобольд с помощью козыря мог навсегда поймать Гидеона в сеть самых болезненных воспоминаний — ужасную нескончаемую душевную пытку, по сравнению с которой даже смерть стала бы благословением.

Гидеон сжал кулаки:

— Я точно знаю, когда это произошло! Когда я попал из коридора времени в ночной клуб...

— Ночной клуб, — поправил Мерлин.

— Да, клуб. Мне пришлось отобрать содержимое моих карманов у вора. Колода оказалась неплотно завернута. Уверен, что карта выпала именно тогда. — Гидеон вскочил с дивана. — Мы должны найти ее!

— Боюсь, что это почти невозможно. По улицам Кембриджа раз в неделю ходят большие и шумные желтые машины и собирают весь мусор. Если ваша карта не попала на свалку, ее, вероятно, давным-давно смыло через водосток в городскую канализа-

цию. — Мерлин призадумался, а затем продолжил размышлять вслух: — Конечно, мы могли бы воспользоваться вашей колодой, чтобы задать вопрос, но поскольку она неполная, это не сработает. И мою колоду нельзя использовать. Она на временной выставке в итальянском музее. В любом случае я не силен в картах.

Гидеон удрученно молчал, а Мерлин встал, подошел к шкафу и начал рыться на верхней полке.

— «Риск». «Монополия». «Ключ»... Ага, нашел!

Из-под груды настольных игр Мерлин извлек плоскую резную коробку, из которой достал и развернул доску для предсказания судьбы, только она, несомненно, была не из магазина игрушек. Вместо бумажных картинок, наклеенных на картон, она была украшена редкими сортами древесины и таинственно поблескивающими зеркальцами, жемчугом и рубинами.

Профессор освободил место на кофейном столике и поставил гадальную доску и инкрустированную дощечку треугольной формы на маленьких колесиках.

— Конечно, доски массового производства дешевы и не из розового дерева и слоно-

вой кости. Но это традиционный набор из Индии, сделанный в Пондишерри примерно в тысяча девятьсот двадцатом году. Он принадлежал сыну магараджи, с которым я работал в химической лаборатории, когда учился в Гарварде. Я получил его в подарок за небольшую помощь в учебе. Если не знаешь, как правильно задать вопрос оракулу, то это не более чем настольная игра, но в руках профессионала очень полезная вещь.

Он объяснил Гидеону, что надо осторожно положить кончики пальцев на одну сторону дощечки, а сам сделал то же с другой стороны. Мерлин произнес несколько быстрых фраз на волшебном английском, просто чтобы «настроить доску», потом откашлялся и сказал:

— О, Великий Оракул, открой нам имя человека, который сейчас обладает потерянным козырем виверны твоего верного слуги Гидеона.

Треугольная дощечка начала легко двигаться под их пальцами, скользнула от центра доски вправо и остановилась у буквы Т. Затем она снова стала крутиться, поколебавшись между Д и Ё, остановилась на Е.

Так и продолжалось, буква за буквой. После первых пяти букв пальцы у них на-

чали затекать. Наконец дощечка остановилась.

Мерлин пошевелил онемевшими пальцами.

— Кажется, на сегодня это все. Мне показалось, что получилось *Теодора Оглторп*. У вас то же самое?

Гидеон кивнул, но он все еще пристально смотрел на инкрустированную доску с «ДА» и «НЕТ», выложенными драгоценными камнями.

— А может ли оракул сказать нам, где Уикка?

Мерлин резко выпрямился, как будто его обидело это предположение.

— Неужели вы думаете, что я заставил бы вас ждать целых пять дней и заниматься привораживанием, если бы он мог это сделать? Увы, его силы не распространяются на магических созданий, особенно если они не хотят, чтобы их нашли, как виверна с детенышем. Боюсь, Уикка маскируется слишком хорошо. Но не расстраивайтесь так, мой друг. Вполне вероятно, что мы найдем адрес мисс Оглторп в кембриджской телефонной книге.

У Теодоры действительно был козырь виверны. И не копия, а оригинал, который

Мойра Хэтч тщательно завернула в мягкую оберточную бумагу и поместила между кусками специального картона.

Раз в неделю Микко звонила в Нью-Йорк своей лучшей подруге, и можно было не сомневаться, что она не выйдет из комнаты в течение часа. Едва Додо услышала, что Микко сняла трубку и стала набирать номер, как пробралась туда, где на спинке стула висела сумка няни, и вытащила карту.

Когда они возвращались из кино, Микко объяснила своей воспитаннице, что та сама должна решить, что делать с картой, зная теперь ее ценность. Не будучи опекуном девочки, она не собиралась навязывать ей решение. Если Теодора самостоятельно придет к выводу, что карту надо отдать в музей, то утром они позвонят туда и доставят ее к хорошему хранителю. А пока она по-лежит в сумке Микко.

Развернув карту, Додо сказала себе, что только посмотрит на нее, лишь подержит минутку и положит назад. Но когда она взяла ее в руки, ей показалось, что картинка ожила — таков был эффект от угольной черноты, сияющего алого и роскошного фиолетового цветов. Она почувствовала, будто от пальцев вверх по руке побежало элект-

рическое покалывание и достигло мозга. Далекий шум транспорта на улице доходил до нее приглушенным и искаженным, словно она была под водой. Размышляя об этом позже, Теодора чувствовала, что не собиралась делать то, что за этим последовало. Когда она что-то совершала, каким бы детским и глупым оно ни было, это казалось совершенно естественным и вовсе не глупым. Похоже, карта сама подсказывала, что делать.

Когда Мерлин задал вопрос оракулу, Теодора держала козырь виверны в руках. Она не понимала, зачем ей понадобилось брать его, но никак не могла выкинуть из головы выражение лица мистера Лэмбтона, когда он взглянул на карту так, будто это нечто среднее между выигрышным лотерейным билетом стоимостью тридцать миллионов долларов и радиоактивной бомбой.

Додо достала колоду «Виверны и волшебники» и положила на кровати в ряд семь карт масти виверны: красную, зеленую, фиолетовую, черную, белую, серебряную и золотую. Под каждой она поместила соответствующие карты силы, слабости и волшебной палочки, копия магической карты обозначала силу черной виверны.

Девочка решила, что без ритуала не обойтись. Никаких благовоний в доме не было, поэтому она взяла пепельницу в виде головы истукана с острова Пасхи, которую кто-то в шутку подарил ее отцу, и принесла с кухни сухие листья розмарина и спички. Она накинула на лампу у кровати прозрачный фиолетовый шарф, и по стенам забегали аметистовые тени. Кассета со звуками флейты и небольшого водопада, которую папа слушал, когда хотел бросить курить, подошла как нельзя лучше.

Наконец, Теодора надела жилет с вышитыми шелком драконами, присланный из Китая тетей Джейн, мешковатые черные шаровары и турецкие тапочки, подаренные бабушкой. Чтобы придать законченность наряду, она порылась в шкатулке с украшениями и, не обратив внимания на подвеску в виде совы, взяла мамину старую брошь, изображающую абстрактный завиток, напоминавший свернувшегося дракона. Додо никогда не носила ее, потому что брошь выглядела слишком глупо, но для тайной церемонии это было как раз то, что надо.

Теодора положила большую горсть розмарина в голову истукана и чиркнула спичкой. Сладкий дым с запахом сосны на-

чал клубиться из глаз статуэтки, что делало ее похожей на привидение. Додо, слегка покашливая, поставила пепельницу на комод.

Глядя на карточный расклад, она взяла козырь виверны, принадлежащий Гидеону, и подняла его высоко над головой.

— Пришли мне виверну, — сказала Теодора, удивляясь, как уверенно звучит ее голос. Какая-то часть ее сознания не могла поверить, что она делает такое, но сейчас это не имело никакого значения. — Пришли мне виверну, — снова сказала она.

Ее голос был чистым и твердым, как будто Додо вызывала мифические создания каждый день. Она спокойно подумала, что ей не нужна большая виверна. Она должна быть достаточно маленькой, чтобы спрятать ее от Микко. Неожиданно Теодора громко заговорила на незнакомом языке.

Испугавшись, она взглянула на старинную карту. От нее исходил бледный свет и сквозь пальцы шел вверх, как будто она держала пригоршню светлячков. Девочка позволила словам литься свободно. В школе она изучала только испанский и никоим образом не догадывалась, что говорит на особом диалекте средневековой латыни.

Затем слова иссякли, свет от карты померк, и Теодора почувствовала покалывание в пальцах, по мере того как магия их покидала.

Она вдруг закашлялась и оглянулась вокруг. Комната была подернута дымкой, она сожгла слишком много розмарина. Обнаружив, что все еще держит карту, она положила ее на пустое место в раскладе на кровати и коснулась маминой брошки, чувствуя, что должна что-то сказать. Не «аминь» или «абракадабра», а что-то другое. Но карта теперь молчала.

— Теодора Оглторп!

Додо обернулась и увидела в дверях Микко с беспроводным телефоном в руках. За все годы, что они прожили вместе, девочка еще никогда не видела ее такой сердитой.

Микко стремительно влетела в комнату, схватила пепельницу и выскочила. Послышался звук сливаемой в туалете воды.

Няня вновь появилась и сдернула с лампы шарф. На нем появился темный круг, так как жар от лампы подпалил ткань. Микко, покачив головой, села на кровать.

— Додо, это очень, очень серьезно. Мог случиться пожар. Если не от розмарина, то от шарфа — наверняка. Что мне с тобой

делать? Твой отец еще не скоро вернется, и если ты не будешь меня слушаться, придется отправить тебя к дяде Хосмеру до конца лета.

Теодора помрачнела. Дядя Хосмер и тетя Пру в действительности были ее двоюродными дедушкой и бабушкой. Им по миллиону лет, и ничего не менялось в их крошечном домике в маленьком городке примерно с 1965 года. У них никогда не было детей, поэтому хорошее времяпрепровождение, с точки зрения тети Пру, состояло в том, чтобы иногда вывозить внучатую племянницу в скучную деревню, где они жили, как в старой колониальной Америке, потом возвращаться в чистенький тихий домик в городке и, надев фартук с оборками, готовить желе из красной смородины. Так было всегда, с тех пор как Теодоре исполнилось пять лет.

Микко заметила настоящую карту таро на кровати. Она подняла ее и долго недоверчиво разглядывала. Когда няня оторвала взгляд от карты, ее глаза покраснели, а губы сжались в ниточку.

— Что касается того, что ты берешь вещи из моей сумки, то с этим придется разбираться твоему отцу.

Слезы выступили на глазах Теодоры. Она старалась придумать, что сказать, когда за скрипели ворота. Из окна спальни они увидели, что небольшой коричневый фургон стоит у обочины и шофер в коричневой униформе идет по дорожке, везя на тележке большую картонную коробку.

Микко вскочила, козырь виверны остался у нее в руке.

— Я пойду узнаю, в чем дело. Когда вернусь, чтобы все было убрано.

Она пошла открывать дверь.

Глава 14 ДЕМОНИЧЕСКАЯ МИККО

Микко вышла, а Теодора долго стояла неподвижно, как будто превратилась в камень.

И вдруг она начала лихорадочно действовать. Сняла костюм, скомкала его и засунула поглубже в шкаф. Затем смела карты в коробку из-под обуви, достала из шкафа коробку

еще большего размера и побросала в нее всю коллекцию: компьютерные игры, голографические татуировки, наклейки, торговые знаки, оловянные фигурки — все. В растущем неистовстве она сорвала с потолка над кроватью виверну из папье-маше и стала рвать ее в клочья.

Снимая со стен плакаты «Волшебники и виверны» и разрывая их на мелкие кусочки, она рыдала от злости на себя. Ну почему она такая идиотка? Микко больше никогда не будет ей верить. Теодора не удивилась бы, если бы она ушла от них, когда вернется папа. И нельзя винить ее за это.

Когда она наконец остановилась посреди комнаты, покрасневшись и тяжело дыша, в ее спальне не осталось и следа от «Волшебников и виверн». Затем Додо поправила постель и вытащила из-под кровати пластиковую корзину для белья, набитую игрушечными зверюшками. Она смахнула пыль с тряпичного дракона, у него была чешуя из блесток и красный фетровый язычок. Игрушка принадлежала ее маме и вновь заняла почетное место на подушке.

Теодору вдруг осенило, что Микко ушла уже давно. Открыв дверь спальни, она вы-

глянула в коридор. Из кухни не доносилось ни звука.

Додо пошла по коридору и остановилась, проходя мимо гостиной. Микко развалилась на диване, положив босые ноги на подлокотник. На кофейном столике стояло около дюжины бутылочек с лаком для ногтей. Ногти у нее на ногах были выкрашены во все цвета радуги: желтовато-розовый, желтовато-зеленый, бледно-желтый, фиолетово-красный, серебристый, темно-фиолетовый и темно-синий.

Да что же это происходит? Микко всегда отдыхала в своей комнате, лишь изредка присоединяясь к Оглторпам в гостиной, чтобы посмотреть кино. За четыре года, что она проработала у них, Теодора никогда, никогда не видела, чтобы няня клала ноги на подлокотники. Но еще больше поражал беспорядок: капли и брызги лака усеяли ковер и диванные подушки, а на столике растекалась темно-фиолетовая лужица.

Девочка, должно быть, шумно вздохнула, потому что Микко приподнялась на локте и обернулась, чтобы посмотреть на нее.

— Теодора, дорогая, тебе нравятся мои пальцы на ногах? Правда, хорошенькие?

Она пошевелила ими с довольным видом.

— Микко, лак повсюду! Разве не надо его убрать?

Няня посмотрела вокруг и прищурилась:

— Наверно.

Додо сложила руки на груди:

— И уже почти два часа. Когда мы будем обедать?

Теперь Микко выглядела обеспокоенной.

— Обедать? Ты имеешь в виду, что нужен обед? Да, видимо, действительно надо что-то сделать.

Она поднялась, наступив ногой в маленькую лужу серебристого лака, и пошла на кухню, оставляя отпечатки пальцев.

Теодора завинтила крышки на всех флакончиках и принялась усердно оттирать пятна салфетками. Занимаясь этим, она напряженно размышляла. Может быть, Микко так разозлилась, что временно помешалась? Или просто на нее так подействовал запах лака? Но, прежде всего, чего ради она накрасила ногти на ногах? Можно подумать, что она пьяна, но ведь в доме не было спиртного, кроме китайского шерри для выпечки и пыльной старой бутылки шотландского виски, которую мистер Оглторп держал для особого случая.

Все еще озадаченная, Теодора отправилась на кухню, чтобы выбросить салфетки. Микко стояла у стола. Держа венчик для взбивания ручкой вниз, она взбивала в миске яйца. Вместе со скорлупой. На столе ждали своей очереди пакетик с мармеладками и банка анчоусной пасты. На мгновение Микко призадумалась, а и всыпала в миску по полчашки перца горошком и шоколадной стружки.

— Не успеешь и глазом моргнуть, — сказала она Теодоре, широко улыбаясь.

Девочка испуганно отступила. Она увидела, что зубы у няни мелкие, ровные и гладкие, как у куклы.

Потом Теодора заметила Фрэнки. Кот стоял на холодильнике, выгнув спину. Его безупречно белая шерстка стояла дыбом. Глаза были размером с шарики для пинг-понга.

Додо оглянулась на Микко. Та выливали яичную жидкость на горячую сковородку. Кухню наполнил дым и отвратительный запах смеси шоколада с анчоусами. Когда Микко стала тыкать в омлет венчиком, девочка на цыпочках вышла.

Она бросилась на кровать и уставилась в потолок, где остались следы содранной крас-

ки от клейкой ленты, державшей виверну из папье-маше. Кто бы или что бы ни находилось на кухне, но это была не Микко. Ни запах лака, ни нервный срыв не могли объяснить такое странное поведение.

Дверь спальни скрипнула, и Теодора села. Оказалось, что это Фрэнки. Его шерсть немного опустилась, глаза сузились. Он подошел к кровати и тоскливо взглянул на девочку, как бы говоря: «Ну и что же мы будем делать?»

Додо наклонилась и погладила его.

— Не знаю, Фрэнки, — шепнула она ему, — но я что-нибудь придумаю.

Только Фрэнки видел, что произошло, когда фургон уехал. Микко расписалась за большую картонную коробку и показала рассыльному, куда ее поставить в коридоре. Как только девушка повернулась, чтобы закрыть входную дверь, Фебрис появилась из коробки в своем истинном обличье — холодный черный дым обвился вокруг Микко, как змея боа-констриктор, проник в нее сквозь уши и нос. Когда демон овладел телом, он стал в нем осваиваться: постукивать челюстью и разминать пальцы, как будто натягивая тесные перчатки.

Затем обнаружил свои новые ноги. У Микко были красивые ступни, и она о них заботилась, мягко соскребая огрубевшую кожу пемзой и массируя мятным кремом. Эти ноги оказались настоящими, а не грубо сделанными ленивым колдуном по сокращенной магической формуле. Больше не будет больных раздвоенных лап, засунутых в женские туфли.

— Красивые ноги! — запела она.

Приказ Кобольда предельно ясен: попасть в дом, превратиться в Мишель Колодни и завоевать доверие ребенка, чтобы получить козырь виверны. Но все это вскоре совершенно вылетело из головы его помощницы.

Два недостатка Фебрис мешали ее работе на Кобольда: слабость к красивым вещам и неспособность к долгой концентрации. Она бродила из комнаты в комнату, разглядывала фотографии Энди Оглторпа и Теодоры на камине. На одной они играли в софтбол, на другой сидели в хижине в штате Мэн, а на третьей изображали Элли и Железного Дровосека на маскараде. Фебрис заметила, что человек на фотографиях всегда улыбается. Кобольд никогда этого не делал, по крайней мере подобному.

Она открыла рот и попробовала засмеяться. Получилось вымученное, слабое «ха-ха», которое повисло в комнате, как печальный, сдувшийся воздушный шарик. Еще несколько дней назад неожиданный взрыв человеческого смеха заставил бы демона спрятаться за ближайшим углом. Она сделала еще вдох и попыталась снова. На этот раз получилось громче и лучше: «Ха-ха-ха, ха-ха-ха, ха-ха-ха».

Фебрис начала понимать, для чего нужен смех. Он абсолютно не похож на чары, но в нем есть особая сила.

В недоразвитом мозгу демона стал зарождаться план. Идея зашевелилась, как маленькая замерзшая жаба в прибрежном оттаивающем иле. Фебрис побрела в комнату Микко, а там, на туалетном столике, поблескивая в лучах света из окна, стояла дюжина крошечных бутылочек лака для ногтей всех цветов радуги.

Детеныши виверн рождаются необычно большими. Они весят почти как треть взрослого дракона и очень быстро растут. За день малыш Уикки открыл глаза, и его мягкий клюв начал твердеть. Он поднимал еще плохо державшуюся голову и хлопал крыльями, чтобы они окрепли.

Уикка тщательно вылизала своего детеныша и решила, что он готов к первому полету, хотя и в качестве пассажира. Ей надо было найти еду, но виверна-мать никогда не бросит малыша одного. Оставить на несколько часов хорошо спрятанное яйцо не так уж опасно, но крики маленькой виверны могли привлечь нежелательное внимание — животного, волшебника или демона.

Она слетела с башни. Детеныш прижался к животу матери, вцепившись в ее чешуйки длинными, хорошо развитыми когтями. При внезапном порыве ветра новорожденная виверна фыркнула от удивления, схватившись еще сильнее, и прижала мордочку к матери. Когда она поняла, что падение ей не грозит, то осмелилась посмотреть вниз, на места, над которыми они быстро пролетали. Детеныш видел корабли, возвращавшиеся к причалу Лонг-Уорф после наблюдения за китами, шумные и суетливые фруктовые и овощные ряды на рынке Хэймаркет, толпы туристов на Фэнейл-холл.

Они быстро летели из делового портового района в сторону реки. Уикка ловко использовала восходящие потоки воздуха, что-

бы пониматься все выше и выше, подальше от любопытных человеческих глаз. Она собиралась свернуть к кондитерской фабрике, когда почувствовала, как ее резко дернули за хвост.

Уикка так испугалась, что перешла в свободное падение. Перепуганный малыш закричал и крепко вцепился в мать коготками. Виверна быстро пришла в себя и, убедившись, что детеныш прочно держится, обернулась, чтобы посмотреть, что у нее на хвосте.

Это были не чары, с которыми Гидеон научил ее бороться, не чертенок или греmlin и даже не обыкновенная ворона со своими надоедливыми проказами. На привораживание это не похоже. И опять она почувствовала, как ее будто схватили за хвост.

Не нужно быть опытным хакером, чтобы нарушить работу компьютера, банка колы, пролитая на клавиатуру, сделает то же самое. Простая палка в спицах колеса перевернет даже самый дорогой горный велосипед. Так и с заклинанием Теодоры. Бессмысленных для нее слов, соединенных с дымом розмарина и вполне реальной силой козыря виверны, оказалось достаточно, чтобы создать настоящие чары. Они были

слабыми и неумелыми, не выдержали бы проверки Гильдии, но все-таки это были чары.

Уикка не могла противостоять им, так как раньше не встречала ничего подобного. Она легко справилась бы и с более сильными и искусными чарами, если бы уже знала их. Но эти сильно отличались от всех, известных ей прежде. Они напоминали какой-то новый вирус, с которым она не умела бороться. Вскоре виверна ощутила ужасную тяжесть на хвосте, она распространилась на крылья и придавила их, будто свинцом. Дракониha едва могла ими двигать.

Она быстро теряла высоту. Ей с трудом удавалось избегать столкновения с проводами, спутниковыми антеннами и трубами, а улицы Кембриджа казались опасно близкими. Надо было приземлиться, но где?

И тут она увидела внизу небольшой пруд с водяными лилиями, похожими на те, которые росли во рву у замка в ее собственном времени. Уикка решила сесть на воду. Тормозя изо всех сил, она направилась к цели. Земля быстро приближалась, дракониha почувствовала, что обезумевший от страха детеныш пытается половчее уцепиться

за ее чешуйчатый живот. И все. Прежде чем мать успела схватить его когтями, малыш исчез. И тут она упала в пруд.

Уикка не могла знать, что глубина там всего четыре фута. Она влетела в пруд, как пушечное ядро, со скоростью двадцать пять миль в час. Получившийся всплеск опустошил его, лилии и дорогие японские карпы взлетели в воздух.

Виверна сильно ударилась о бетонное дно, ощутила резкую боль и слышала неприятный треск в правой передней лапе. Но боль была ничем по сравнению со страхом за детеныша. Дракониша с трудом вылезла на берег и громко позвала. Ответный крик раздался из двора по соседству с домом Оглторпов, частично закрытого густо растущим декоративным бамбуком. От жуткого удара хозяева выбежали из дома. Женщина первой достигла места происшествия и оторопело смотрела на дюжину карпов, бьющихся на земле. Вскоре к ней присоединился мужчина в одних шортах, с кремом для бритья на лице. Они стояли и глядели на то, что осталось от их пруда с лилиями, потом стали торопливо собирать задыхающихся рыбок.

Едва они успели опустить последнего карпа в их временное пристанище, под ко-

торое приспособили бак для мусора, как женщина схватила мужа за руку и указала на соседский сарай для садовых инструментов.

— Милый! Что-то только что скрылось за углом сарая Оглторпов.

— Да это кошка. Или опять ребята бросили в пруд что-то взрывчатое. На этот раз я вызываю полицию.

Он пошел в дом. Женщина последовала за ним, оглянувшись на сарай. То, что она видела, не могло быть кошкой. У них не бывает таких длинных скользких хвостов, а у кого они есть, ей страшно было и подумать.

Уикка завернула за угол маленького сарая. Она еще раз позвала малыша, но удар при приземлении оглушил ее и лишил способности ориентироваться. Мать поворачивала и туда, и сюда, но не могла определить, откуда доносился крик детеныша. Но она услышала другой звук: внезапный щелчок и металлический стук разматывающейся цепи, а затем безумный собачий лай, становящийся все ближе и громче. Дракониha забилась подальше под сарай, свернувшись в гнезде, в котором прошлой весной обитало семейство скунсов. Она повернулась ли-

цом к врагу. Вспышка огня покажет ему, где раки зимуют!

Но когда Уикка попыталась послать предупредительное пламя в оскалившуюся морду, получилось лишь несколько жалких искр. Погружение в пруд с карпами потушило ее пламя. Собака лишь вздрогнула, и виверне пришлось вытянуть шею и сильно укусить ее за ухо, чтобы до той дошло, с кем она имеет дело. Собака убежала.

Уикка устало легла в старой норе скунсов, слабым голосом призывая своего малыша. Она сказала, что скоро придет за ним, когда силы к ней вернуться и вновь загорится ее огонь.

На этот раз ответа не было.

Теодора сидела за столом и осторожно ковыряла вилкой диковинный омлет. Микко взглянула на нее, оторвавшись от еды, и нахмурилась. Тонем, символизирующим, что ее чувства могут быть задеты, она спросила:

— В чем дело? Тебе не нравится?

На тарелке лежало что-то мягкое, желтовато-серое, липкое и влажное, испещренное горошинками перца. Это выглядело почти как когда Вэл вытошнило прямо на

поднос с завтраком Мило еще в четвертом классе.

— О нет, это пахнет замечательно, — сказала Теодора. — Просто я не слишком голодна. Я ведь очень плотно позавтракала.

Похоже, Микко успокоило это объяснение, и она опять принялась за еду. В своей прежней форме демон не нуждался в пище, но сейчас, в человеческом теле, она могла наконец наслаждаться едой и питьем, как люди. Она с жадностью набивала рот и запивала яблочным соком.

Демоны — большие сладкоежки. Додо отпила глоток из своего стакана и обнаружила, что в сок была вылита половина банки меда и много лимонной жидкости для мытья посуды. Микко—Фебрис открыла, что может сделать глоток, а потом выпустить цепочку радужных пузырей. Это настолько ее восхитило и отвлекло, что девочка смогла незаметно выйти из-за стола и направиться во двор.

С тех пор как Теодора достаточно подросла, чтобы вскарабкаться на огромный медно-красный бук во дворе, он стал тем местом, где она думала и куда шла, когда ей хотелось остаться одной. За последнее

время Додо не так часто лазила на дерево, но ее ноги помнили все удобные выступы на нем. В незаметном снаружи мшистом дупле, где ствол раздваивался, она на ощупь нашла гладкий сердцевидный камень, положенный туда три лета тому назад. Крутя его в руках, Теодора раздумывала, что же ей делать.

Если бы только отец не уехал в лаосские джунгли! Может, послать ему факс или телеграмму, но что сказать? Что Микко похитили и какое-то жуткое существо притворяется ею? О, от этого он немедленно примчится домой.

Две крупные слезинки скатились по щекам Додо и упали на камень. Она их вытерла.

Неудивительно, что за этими размышлениями девочка не заметила двоих мужчин, шедших по дорожке к ее дому.

Первый, седой, был старше, ниже ростом и слишком тепло одетым для летнего дня. Рукава его рубашки были закатаны, а на согнутой руке висел твидовый пиджак с кожаными заплатками на локтях. Второй казался моложе и выше, его манера держаться выдавала в нем иностранца, очутившегося далеко от дома.

Маленький толстячок поднял зонтик и его концом нажал на звонок. Через минуту он снова позвонил, затем наклонился и заглянул в щель для почты. Мужчины обменялись несколькими словами, а потом более высокий и молодой сделал несколько шагов вдоль дома, качая головой, прежде чем позволил своему другу взять его за руку и увести на улицу.

Глава 15 СПАСЕНИЕ

Говорю же вам, Мерлин, я чувствовал ее, прямо здесь. — Гидеон бил себя кулаком в грудь. — Уикка была очень близко, я знаю.

— Вполне может быть и так, но говорю вам, мой друг, я уловил некий запах прямо здесь, — ответил Мерлин, постукивая

себя по носу. — Несомненный запах Демона Первого Класса. Кроме того, нельзя войти в чужой двор без приглашения. Это не принято.

Идти домой было жарко, и волшебники зашли в угловой магазин купить лимонада. Они пили его, сидя на скамейке возле городской библиотеки и наблюдая за человеком, бросавшим пластиковый диск собаке. Теперь они оба молчали, мрачно размышляя о демонах, пропавшей карте и судьбе виверны Гидеона.

Молодой волшебник выпил лимонад и взглянул на друга:

— Но что же произошло с Теодорой Огльторп?

— Я об этом думал. Мне кажется, возможны четыре варианта. Первый — она в доме с демоном и не понимает опасности. Второй — ее держат в плену. Третий — она могла обнаружить опасность и сбежать. Четвертый...

— Ею самой мог овладеть демон.

— Да, это четвертый вариант.

Снова повисла тишина, еще мрачнее, чем прежде. Наконец Мерлин заговорил:

— Учетчики.

Гидеон отвлекся от наблюдения за игрой с собакой. Он думал, что такой диск был бы полезен для тренировки виверны.

— Учетчики, — повторил Мерлин. — Инспекторы газовой компании. Служащие надзора за животными, живодеры, как их называли в моем далеком детстве.

Гидеон терпеливо ждал, уже зная, что за загадочными восклицаниями Мерлина обычно следуют объяснения.

Профессор хлопнул себя по колену, пролив остаток лимонада.

— Вот оно! Дорогой Гидеон, они все — служащие, профессия которых дает им доступ к частной собственности, например во двор Теодоры Оглторп. А сейчас давайте вернемся домой, и я немного почитаю о том, как изгоняют демонов Первого, Второго и Третьего Класса.

Теодора достаточно долго оставалась на своем дереве, чтобы выплакать все слезы и ужасную, болезненную тоску по отцу, поэтому теперь она могла вернуться домой и встретиться лицом к лицу с лже-Микко. Решив, что больше нельзя откладывать, Додо начала нащупывать ногой нижнюю ветку и вдруг поняла, что все еще держит гладкий сердцевидный камень.

Она с минутку подержала его на ладони и чуть было не выкинула, но передумала.

В конце концов, уже много чего выброшено сегодня, ничего страшного, если сохранится один маленький камешек. И вообще, с ее везением отец не получит постоянную работу и они потеряют этот дом, этот двор и это дерево. Теодора потянулась к тайному дуплу, чтобы положить камень на место.

Но на сей раз на дне мшистой расщелины она нащупала что-то свернувшееся среди сухих листьев. И это что-то укусило ее.

Теодора отдернула руку, онемев от испуга. Осторожно пошевелила пальцами, но не увидела следов укуса, а только красную отметину. Она прислонилась к толстой ветви и зажмурилась. Может, это бельчонок, оставленный в гнезде, когда другие его покинули. Или птенец малиновки, не научившийся летать. Но не было ни запаха гнезда, похожего на запах давно не чищенной клетки хомяка, ни пуха, ни шерсти, зацепившихся за кору вокруг отверстия.

Отец просто убил бы ее, если бы знал, что она собирается сделать, подумала девочка, снимая кроссовку и надевая носок на руку для безопасности. Стараясь не думать об угрозе бешенства, Додо воспользовалась кроссовкой как приманкой: опу-

кала его в дупло и помахивала, чтобы привлечь внимание обитателя. Почувствовав, как что-то уцепилось и держится, она потянулась в дупло защищенной рукой и схватила существо, извивающееся на самом дне.

ОНО было слишком крупным для бельчонка, и больше двух сопротивлявшихся лап не казались птичьими. Надежно захватив упирающееся животное и вытащив его на свет, Теодора поняла, что это было.

Представьте себе создание, гладкое и мускулистое, как молодая выдра, но целиком покрытое темной, почти металлической чешуей, с клювом вместо усатой мордочки и крыльями летучего мышонка, и вы поймете, какое животное Додо держала в руках. Детеныш посмотрел на нее большими желтыми глазами и что-то произнес.

Теодора была так поражена находкой настоящего живого малыша виверны, что чуть не выронила его. Она хотела воскликнуть: «О боже!» — но получилось только слабое: «О-о-о!»

— Роа, — сказала виверна.

Девочка осторожно погладила ее по голове и под клювом (это место больше всего напоминало подбородок).

— Все хорошо, — сказала она. — Все в порядке. Теперь ты в безопасности.

Виверненок перестал вырываться и занял положение, как подсказывал ему инстинкт, наиболее надежное: распластался на груди Додо, как альпинист на скале, вцепившись острыми коготками в майку девочки.

Теодора взволнованно размышляла. Она не могла принести виверну в дом, пока там была лже-Микко. Но куда ее спрятать от соседей, бродячих собак и городских енотов? Ей надо что-то придумать до того, как стемнеет.

И надо найти, чем ее кормить. Очевидно, что она слишком мала, чтобы отнять ее от матери. Теодора понимала, что молоко виверны не продают в магазинах. В фильме «Волшебники и виверны» ученик хранителя виверны кормил детеныша смесью из кошачьего молока и меда. Однако, посмотрев на малыша, Додо решила, что сценарист это придумал. Она просто не могла вообразить, чтобы у Фрэнки появилось молоко, даже если бы он был Франсиной.

Но мысль о коте подсказала ей план. Теодора сняла с груди виверненка и осторожно вернула его в дупло.

— Побудь здесь, — сказала она ему. — Не беспокойся. Я скоро вернусь.

Она смогла незаметно пробраться в дом и тихо забрать все, что нужно, из подвала и кухни. Закончив приготовления, Додо пошла искать лже-Микко. Оказалось, что самозванка примеряла красные шелковые китайские тапочки. Туфли всевозможных фасонов, от башмаков на деревянной подошве до бальных туфель из черного атласа, валялись на полу няниной комнаты.

Теодора стояла в дверях, со школьным рюкзаком на плече и клеткой для переноски кошки в руке.

— Пока. Я ухожу.

Лже-Микко повернула голову. Выражение ее лица было одновременно и подозрительным, и раздраженным.

— Уходишь? Куда? Зачем?

Додо нахмурилась:

— Разве ты не помнишь? Мы говорили об этом утром.

Она подняла клетку:

— Я отнесу Фрэнки к ветеринару, а потом переночую у Вэл.

Так как это не вызвало никакой реакции, Теодора закатила глаза:

— Вэл. Вэлери ван дер Зик. Моя лучшая подруга, которая была здесь только вчера.

Крохотный умишко демона с трудом воспринимал новые понятия: «ветеринар», «переночевать», «лучшая подруга». Ей следовало бы спросить Кобольда, что они означают. Но она вспомнила совет хозяина: когда сомневаешься, кивай и улыбайся. Изобразив улыбку, в которой она практиковалась перед зеркалом, демон кивнула и обнажила зубы.

— Хорошо! — сказала она весело. — Хорошо!

Она все еще продолжала твердить: «Хорошо!» — а Теодора уже вышла через кухонную дверь.

Как только она очутилась на улице, то выпустила кота из клетки в подвал их дома — через окно, которое заранее открыла. Додо оставила там много воды и кошачьей еды.

— Пожалуйста, не мяукай, — умоляла она, — иначе наш враг узнает, что ты здесь. Я вернусь за тобой.

Затем девочка вытащили палку, которая поддерживала раму, и окно захлопнулось.

На этот раз, когда Теодора доставала виверну, та задрожала, но не укусила. Убе-

дившись, что детеныш хорошо держится у нее на груди, девочка слезла с дерева. Когда они благополучно спустились, Додо мягко отцепила малыша от майки и поместила его в клетку для кота, на дне которой лежало старое полотенце.

— Все будет хорошо, — сказала она через проволочную дверцу. — Я отвезу тебя туда, где ты будешь в безопасности.

Теодора прикрепила клетку к багажнику своего велосипеда. Она и не знала, что так выросла с весны. Велосипед оказался слишком маленьким для нее, длинными ногами было неудобно крутить педали.

По дороге Додо всеми силами души желала, чтобы с убежищем ничего не случилось.

Фебрис сидела на полу в комнате Микко, окруженная туфлями. Она устала примерять их, а в желудке ощущалась странная боль, которая могла быть наказанием от Кобольда. Его помощница не знала, что если съешь что-то необычное, то от этого может быть плохо. Мармеладно-анчоусный омлет и яблочный сок с моющей жидкостью, конечно же, совершенно не сочетались с новым человеческим пищеварением де-

мона. Фебрис собрала все туфли и кучей свалила их в шкаф.

Она бродила по дому, терла живот и думала, что же сказать Кобольду, если он появится и спросит, где ребенок. Хозяин послал ее искать козырь виверны. Возможно, если он найдется, колдун не будет злиться, что демон выпустила девочку из дома. А если рассердится, то может заставить ее опять принять плохо сделанную женскую форму.

Фебрис начала по всему дому искать сумку Мишель Колодни, с которой видела ее в магазине Гайлза и Мойры Хэтч. Она помнила, что сумочка была гобеленовая, на длинной медной цепочке. Наконец Фебрис заметила ее на верхней полке бельевого шкафа. Дотянувшись до сумки и ухватив пальцами цепочку, она потащила вещицу вниз.

Однако не успела она взять сумочку в руки, как выронила и сунула пальцы в рот, плача от боли. Когда демон вытащила пальцы, на них начали вздуваться пузыри. Сумка обожгла ее, хотя и не была горячей. Что-то вызвало магический ожог.

Злополучная вещь лежала на полу. Рисунок на ткани был обычный, по крайней мере на той стороне, которую было видно. На фоне листьев и цветов шла азартная

погоня охотничьих собак за кроликом. Микко—Фебрис осторожно перевернула сумку носком туфли. Увидев рисунок на другой стороне, она закричала от страха и выбежала в холл.

Микко купила эту сумку пять лет назад, путешествуя по средневековым городам Франции. Ткань была дешевой копией знаменитого гобелена, изображающего даму с единорогом, на котором пойманный волшебный зверь опустил голову на колени прекрасной девы. Добродетельные молодые женщины и единороги — это сильные чары против черной магии. Можно было еще написать большими красными буквами: «Колдуны и демоны, не приближайтесь» — более безопасного места, по крайней мере от рук демона, не было бы.

Фебрис все еще сидела, съезжившись от страха, под письменным столом мистера Оглторпа, когда двое мужчин в рыжевато-коричневых комбинезонах решительно прошли по дорожке к дому Оглторпов и направились во двор. Один из них (которому костюм был немного тесноват) нес большую сеть, а другой тащил черный пластиковый ящик, похожий на коробку для рыболовных снастей, но только большого размера.

Гидеон поставил ящик у медного бука и, сделав ладонь козырьком, стал изучать раскидистые ветви. Мерлин почтительно стоял рядом. Как и большинство современных волшебников, он не имел практического опыта обращения с вивернами и другими драконами. Ему представилась редкая возможность наблюдать мастера за работой.

Гидеон вскоре обнаружил опоры для ног, которыми пользовалась Теодора, и быстро добрался до того места, где ствол раздваивался. Виверна не выбрала бы его для откладывания яйца, только очень страшная опасность могла вынудить ее оставить своего детеныша здесь. Если она действительно это сделала. Оставшись без матери, виверенок будет искать ближайшее темное и укромное место. Малыш вполне мог забраться сюда сам.

Гидеон залез в дупло и достал большую горсть спутанного мха и веток, которую положил в сумку, прикрепленную к поясу. Затем соскользнул вниз по стволу и спрыгнул с последней ветви на землю, не пошевелив ни листка.

Он показал свою находку Мерлину. Кроме мха, имелась еще пригоршня скорлупок от желудей, сердцевидный камень и кое-

что еще, поначалу не вызвавшее интереса у профессора. Эта штучка была размером с ноготь мизинца, но шире с одного конца и гораздо толще. Сначала она показалась блестящей и черной, но Гидеон повернул ее на ладони, и под солнечными лучами она вспыхнула, как призма, фиолетовыми, серебряными и зелеными полосками.

— Чешуйка виверны! — воскликнул Мерлин. — Я и не мечтал ее увидеть. Абсолютно не поддается уничтожению, так ведь? На нее не действуют огонь, кислота, стрелы и так далее. «Шишки» из Пентагона захотели бы поработать с этим в лаборатории.

Гидеон не спросил, что такое Пентагон. Он рассматривал чешуйку.

— Это не Уиккина. Она недостаточно изношена по краю. Это чешуйка детеныша — ее детеныша. Но он не мог далеко уйти от дерева без чужой помощи.

Волшебник опустился на колени на траву рядом и открыл задвижки ящика. Внутри лежали моток волос русалки, золотая уздечка и лакомство из кошачьей мяты, а также еще несколько предметов, которые Мерлин счел необходимыми для успеха их маскарада в роли служащих надзора за животными: фонарь, небольшой справочник по

звериным следам, большая банка средства от скунсов, которое выглядело подозрительно похожим на кетчуп. Игнуса поместили в пустую бутылку из-под жидкости после бритья, на которую наклеили этикетку «Средство от летучих мышей. Особо сильное». Оуроборос свернулась рядом с лассо из волос русалки.

Гидеон вытащил маленький кусочек кожи — все, что осталось от туфли, любимой игрушки Уикки, когда та была годовалым подростком, только начинающим обучаться. Она превратила туфлю в кружева — так усердно трепала ее своим острым клювом. Чародей взял драконье лакомство и завернул его в кожу. Как послание в бутылке, это сообщит Уикке, что ее хозяин был здесь и вернется. Он оставил маленький сверток под листьями у дерева. Выпрямившись, Гидеон прижал руку к сердцу и сморщился, прислонясь к дереву в поисках опоры. Мерлин шагнул вперед и взял его под руку:

— Гидеон! В чем дело?

— Опять... Я чувствую, она близко. Но теперь гораздо слабее.

Гидеон осмотрел двор, заметил сарай для инструментов и подумал о голубятне в замке, под которой любила прятаться Уикка.

Он медленно обошел вокруг сарая и остановился у того угла, где земля была раскопана, чтобы расширить вход в логово животного.

Волшебник лег на траву и стал светить фонарем в нору. Она полого уходила вниз, затем резко поворачивала влево. Не видно было ни следов виверны, ни поблескивающих черных чешуек. Лишь сильно пахло скунсом.

Гидеон сел и передал фонарь Мерлину.

— Не могу сказать. Думаю, что она должна быть там, но, возможно, я просто хочу этого. Боюсь, что она в опасности, серьезно ранена или ее преследуют опасные чары.

Мерлин щелкнул пальцами:

— Мне следовало сообразить это раньше. Не могли бы мы послать в нору Оуроборос? Если Уикка там, змейка сообщит о ее состоянии и даже доставит ей лекарство.

Сначала это показалось решением проблемы, и Оуроборос охотно поползла в логово. Однако она быстро вернулась, чуть не лишившись целого дюйма своего хвоста при отступлении. Змейка появилась из норы немного обожженная.

Пока Мерлин пытался стереть сажу со змеи, та кисло заметила, что, по крайней

мере, они теперь знают о том, что в норе дракон, а не скусн.

Оуроборос хотела попробовать снова, но Гидеон побоялся, что на этот раз Уикка будет защищаться серьезно. Она может ранить или даже убить змейку. Чары не могли полностью защитить ее от доведенного до крайности дракона. В конце концов они решили, что лучше всего оставить Оуроборос в качестве часового. Гидеон поместил ее под перевернутым цветочным горшком прямо у входа в нору.

А виверна в это время лежала в самом конце норы под сараем, всего в нескольких ярдах от них. Боль заставила раненую драконицу уйти в себя, а сильный запах скусна помешал почувствовать хозяина и Оуроборос. Она лежала обессиленная, голодная, измученная жаждой и обезумевшая от боли, лишь изредка слабо призывая своего малыша.

Глава 18 УБЕЖИЩЕ

Всю дорогу от Оксфорд-стрит до Сакраменто зверек в кошачьей клетке жалобно стонал. Теодора очень старалась ехать аккуратно, без толчков, но слышала, как виверна цепляет коготками и толкает проволочную дверцу. Его крики становились все отчаяннее, но клет-

ка ведь привязана сзади, и девочка не могла успокоить малыша.

Красный свет на углу Массачусетс-авеню горел целую вечность. Пока Додо ждала, ей пришлось отпугнуть мужчину с маленькой дочкой, которые захотели взглянуть на «киску в клетке».

— Я бы не подходила слишком близко, — сказала Теодора, повернувшись назад и закрыв дверцу рукой, прежде чем они смогли разглядеть зверька. — У нее полосатая клещевая малярия. Это очень заразно.

Мужчина схватил девочку на руки и бросился прочь. Наконец зажегся зеленый свет, и Додо поехала дальше. Здесь дома выглядят причудливее, чем в их квартале. Некоторые имели башенки и витражи на окнах, а газоны и сады были как на фотографиях в журналах.

В этой части Кембриджа жил Мило с матерью и отчимом, который что-то делал с чужими деньгами, но мало в этом преуспел. Они жили не в одном из этих вычурных домов, а в длинном кирпичном многоэтажном доме, построенном в стиле средневекового замка. Мило шутил, что с зубцов крыши через машикули можно лить кипящее масло на торговцев, которые ходят по

домам и навязывают свои товары. Мило знал много таких слов, как машикули, немногие даже взрослые люди отваживались играть с ним в «Эрудит» больше одного раза.

Прошлой зимой, словно предчувствуя, что скоро они станут слишком взрослыми для подобных занятий, Теодора, Вэл и Мило образовали тайный клуб на чердаке здания. Возможно, этому способствовало то, что Мило обнаружил узкую лестницу, ведущую из старого угольного подвала в заброшенную кладовку под крышей, которую они использовали для своих собраний.

Их клуб отличался от обычных тем, что у него не было названия и пароля, да и других членов клуба тоже. Их заседания заключались в долгих разговорах ни о чем и обо всем и поглощении клубного угощения — медведей из жевательного мармелада.

Теодора спрятала велосипед за оградой и нашла дверь, которая вела в угольный желоб. По спине побежали мурашки, как всегда перед тем, как зажмурить глаза и соскользнуть в прохладный темный подвал. В голове у нее мелькали видения страшных черных пауков. Додо приободрила виверненка и мягко спустила кошачью клет-

ку по желобу в темноту. Услышав, как та ударилась о пол, девочка последовала за ней, сжимая в руках рюкзак.

Клетка приземлилась вверх дном. С бешено бьющимся сердцем Теодора перевернула ее и посмотрела сквозь металлическую решетку. Два больших желтых глаза, мигая, уставились на нее, и вместо «роа» послышалось шипение, очень похожее на звуки, издаваемые Фрэнки, когда Микко и Теодора несли его к ветеринару чистить зубы. Девочка облегченно вздохнула: малыш злится, значит, ему не больно.

Додо потребовалась вся ее сила, чтобы отодвинуть тяжелую клетку для угля, блокирующую дверь, которая вела на лестницу, но наконец ей это удалось. Поднявшись наверх, она поставила клетку на площадку и пошарила по пыльному выступу над дверью. Ключ оказался на месте и все еще открывал дверь. По дороге девочке пришло в голову, что дворник мог обнаружить их бывший клуб и поменять замок.

Все было так, как они оставили, от дохлых ос на подоконнике маленького восьмиугольного окошка до сломанной каменной горгульи, выглядывающей из-под верха от старой плетеной детской коляски. Табуре-

ты из ящиков все еще стояли вокруг дымохода, служившего им столом. К крышке дымохода прилипло что-то зеленое. Теодора поняла, что это бывшие медведи из жевательного мармелада, растаявшие от летнего зноя, как Бастинда от ведра воды.

Теодора поставила клетку на пол и открыла ее. Детеныш высунул кончик клюва, а затем и всю голову. Девочка тихо разговаривала с ним, зажигая свечку и распаковывая рюкзак. Достала термос, воронку, пустую пластиковую бутылку из-под воды, резиновую перчатку и несколько бутылок, взятых из их кладовой.

— Подожди, — сказала она ему. — Я собираюсь приготовить тебе что-нибудь поесть. Все будет хорошо.

Переливая через воронку молоко из термоса в бутылку, Додо подумала, что вряд ли малыш ее понимает и уж в любом случае, наверное, не верит ей. Теодора и сама отнюдь не была уверена, что все будет нормально. Когда она добавляла кукурузный сироп, ее рука немного дрожала.

Виверенок на еще неокрепших лапах подошел к Додо. Сидя по-турецки на полу, она готовила смесь, которая могла бы сойти за молоко виверны. Детеныш сел на задние

лапы и очень серьезно наблюдал за тем, что делала девочка, а потом вдруг стал старательно чистить клювом свою чешую.

В пентхаусе, выходящем окнами в городской сад, Кобольд только что пообедал: супом из омара, филе миньоном и желе из клубники. Все это он с помощью чародейства увел из-под носа удивленного шеф-повара ресторана «Времена года», расположенного по соседству. Это было совсем не похоже на ту еду, которой с ним расплачивались бедные дворяне, нанимавшие его. Они угощали сильно подпорченным мясом вепря, которое никакие специи и колдовство не могли улучшить, и вином, разбавленным водой.

Если бы Кобольд доставил своему хозяину Гидеона либо доказательство его смерти, то мог бы потребовать награду. Он с удовольствием размышлял о многом, начиная с испорченного мяса вепря. Ему уже никогда не придется его есть, так как он больше не будет простым наемным колдуном.

Внезапно непрошенная мысль вторглась в его мечты. Чародей представил, как хозяин говорит холодно, с металлом в голосе:

— Так он не доставлен и не уничтожен? Как ты можешь это объяснить?

Кобольд торопливо отбросил неприятную мысль и допил вино, вытер губы тонкой льняной салфеткой и потянулся за пультом управления.

Вообще-то он находил, что телевизор с плоским экраном гораздо удобнее хрустального шара. Потребовалось совсем немного усилий и небольшая модернизация обычных заклинаний, чтобы экран стал работать как кристалл, и теперь Кобольд мог с его помощью узнать, каковы успехи демона в поисках козыря виверны. Нажимая на кнопки пульта, колдун осматривал комнату за комнатой в доме Оглторпов, словно переключал каналы. Ребенка нигде не было. И далеко не сразу Кобольд заметил ноги Фебрис, торчащие из-под письменного стола.

На мгновение монитор компьютера на столе Энди Оглторпа загудел, когда колдун попытался включить его. Заклинание, которое он использовал, умел применять любой волшебник. Правильно произнесенное, оно позволяло перенести свой образ на любую поверхность, обычно стоячую воду или зеркало. Но как Кобольд ни старался, экран оставался темным. Наконец он выругался и воспользовался другим заклинани-

ем, чтобы превратить компьютерную мышь в настоящую, привязанную к компьютеру за длинный хвост. Ее нос дергался от раздражения, и, когда она заговорила, голос Кобольда зазвучал из нее негодующим писком:

— Фебрис!

Она выползла из-под стола и встала на ноги, ожидая увидеть хозяина в комнате, но обнаружила только мышь, злобно уставившуюся на нее глазами Кобольда.

— Я нашла козырь виверны, хозяин, — сказала она, ломая руки. — Но он обжег мне пальцы, когда я пыталась взять его.

— Это потому, что девочка должна отдать его тебе сама по своей воле, как я объяснял тебе. Где ребенок?

— Она пошла к лучшему ветеринару, провести дом в его ночи, — запинаясь, пробормотал демон. — Я хотела сказать, к лучшей ночи провести ветеринара в доме...

— Хватит! — злобно пропищал Кобольд. — Оставайся там, на случай если ребенок вернется. Я разберусь с тобой позднее, когда у меня будет время подумать, какую *форму* примет твое наказание.

С этими словами глаза мыши закрылись и исчезли, хотя прошла еще целая минута,

прежде чем хвост превратился обратно в провод.

Фебрис не понравилось, как он сказал слово «форма». Однажды, когда она вызвала недовольство хозяина, он заколдовал ее в испачканный сажей котелок, в котором аптекарь варил глазную мазь. Даже когда ей позволили снова принять человеческий вид, прошло несколько недель, пока она смогла оттереть сажу с шеи и избавиться от отвратительного вкуса мази во рту.

Оуроборос весь день прождала под цветочным горшком. В основном она дремала, а когда просыпалась, то, чтобы убить время, вспоминала семейное древо английских королей и королев одной головой и решала квадратные уравнения другой. Такая умственная гимнастика сохраняла ее память гибкой.

Когда тени стали длиннее, змея высунула головы из-под горшка, пробуя воздух на вкус двумя раздвоенными языками. Запахи были сложные — прежде всего скунса, конечно, а под ним, как слои луковицы, другие, более слабые: брикетов древесного угля и газа для зажигалок, кондиционера для белья из прачечной, находящейся в подва-

ле соседнего дома, лосьона для загара, которым пользовался подросток через четыре дома. А подо всем этим различался еще один аромат, и змейка не могла сразу его определить. Она высунула языки еще раз.

Теперь в ее головах быстро сменилась череда образов: воины майя в ярких головных уборах из перьев, пьющие из золотых чаш перед битвой; французская графиня в высоком белом парике и широченных юбках, которой африканский раб приносит серебряный сосуд на подносе; открытие большой кондитерской фабрики в Херши, Пенсильвания.

— Шоколад. Конечно, — сказала Оуроборос. — И это его запах идет из норы. Ну, если Уикке понравилась пища богов, то ее не выманишь оттуда и вяленой крольчатиной.

Змейка покачала головами.

Внезапно Оуроборос почувствовала легкую вибрацию, идущую из норы скунса. Она выскользнула из своего укрытия и добралась по лазу до того места, откуда могла заглянуть в главное помещение.

Уикка лежала на куче листьев и явно была в плохом состоянии. Ее глаза наполовину закрылись, а клюв открылся. В его уголках виднелись хлопья пены. Она по-

смотрела на змею, но в ее остекленевших глазах не отразились ни узнавание, ни тревога. Одна из ее лап неестественно изогнулась.

Оуроборос тихо выползла. У входа в нору она встретила настоящего владельца жилья. Он мирно спал, когда виверна проникла в его дом, и хозяину не понравилось, что его разбудили посреди «ночи» и заставили перейти в другую спальню до захода солнца и начала его «ночного дня». Но теперь он решительно встал перед двухголовой змеей.

— Нет, нет, нет, — сказала Оуроборос, когда скунс повернулся и собрался брызнуть. — Это не поможет. Если ты хочешь, чтобы дракониха ушла из твоего логова, послушай меня. Ты, конечно же, знаешь, где я могу достать шоколад.

Скунс подавил зевок. Его не интересовал шоколад, если можно было получить куриные косточки и дынные корки. Но ему очень хотелось избавиться от непрошеного гостя. Если надо помочь двухголовой змее, чтобы выставить захватчицу с острым клювом, ну что ж, он поможет.

Теодора взяла рецепт питания виверны из телевизионной передачи о женщине, ко-

торая помогала выкармливать осиротевших животных в зоопарке. Она не могла вспомнить точный состав, но знала, что кроме молока он содержал много жира и сахара, поэтому смешала равные части молока, кукурузного сиропа и лучшего оливкового масла Микко (вряд ли лже-Микко его хватится). Додо проколола дырочку в пальце от резиновой перчатки и надела его на горлышко бутылки вместо соски. Ее очень обрадовало, что малыш с жадностью припал к бутылке и стал сосать.

Потом он остановился и срыгнул все на девочку.

Она попробовала снова, сначала добавила меньше масла и больше сиропа, потом наоборот. Но каждый раз детеныш срыгивал еду. Наконец он отвернулся и вовсе отказался брать соску в клюв.

Теодоре стало жарко, она устала и вся была покрыта тем, что выплюнул виверне-нок, а пахло оно гораздо хуже, чем то, что она смешивала. От расстройства она заплакала, но старалась не поддаваться панике. Что было бы, если бы детеныш остался там, где она его нашла? Может быть, его мать вернулась бы за ним в конце концов? Что если она не сможет заставить его что-ни-

будь съесть? Сколько времени он может голодать?

В сотый раз за день Додо пожалела, что отец на другом конце света, в джунглях Лавоса. Уж он-то знал бы, что делать. Теодора задумалась. Кому можно довериться? Не Джине из «Рассказов путешественника», не Гайлзу и Мойре и даже не учительнице биологии миссис Лохавани (хотя она очень классная, если подумать). Каждый посоветовал бы отнести виверну в зоопарк, а что-то подсказывало ей не делать этого.

Наконец девочка вспомнила об идеально подходящем человеке. Она положила детеныша в кошачью клетку и оставила его одного, заперев дверь комнаты на ключ. В запачканной одежде Теодора поехала в ближайшую прачечную с платным телефоном (отец упрямо настаивал, что одиннадцатилетнему ребенку ни к чему сотовый телефон). Она получила номер телефона в справочном бюро, а потом аппарат проглотил ее деньги. Лихорадочно порывшись в карманах джинсов, девочка нашла мелочь на еще один звонок.

«Скорее, скорее... О, пожалуйста, пожалуйста, будьте дома... Пожалуйста», — молила она про себя.

— Алло.

Додо испытала такое облегчение, что чуть не выронила трубку.

— Доктор Нага?

Неожиданно она почувствовала, что с трудом может говорить из-за комка в горле и голос дрожит.

— Это я, Теодора. Теодора Оглторп.

— Боже мой! Что случилось?

— О, доктор Нага! Вы можете сейчас же приехать?

Фебрис сидела под письменным столом Энди Оглторпа, глубоко задумавшись, насколько это возможно для не очень-то умного демона.

Кобольд наверняка придет с минуты на минуту, и наказание не заставит долго себя ждать. Демону нравилась ее новая форма, особенно красивые ноги с изящными пятками и пальцами, которыми можно по-настоящему шевелить. Она не собирается отказываться от этого без борьбы. Но как перехитрить хозяина, ведь он так силен, жесток и умен.

На углу письменного стола стоял блестящий черный прибор, который время от времени оживал, говоря разными голосами

и мигая зеленым глазом. Сейчас он громко зазвонил, и на третьем звонке раздался девичий голос, пройдя через десятки крошечных дырочек в верхней части устройства.

— Здравствуйте! Это дом семьи Оглторп. Если вы хотите оставить сообщение для Энди, нажмите единицу. Если это сообщение для меня, Теодоры, нажмите двойку. А если сообщение для Микко или Фрэнки, нажмите тройку. Сейчас будет гудок!

Теперь через дырочки полился далекий мужской голос.

— Теодора, ты слушаешь? Это я, папа. Послушай, я пару раз пытался дозвониться. Надеюсь, ты не сидишь все время в Интернете, в одном из твоих драконьих чатов. В любом случае скажи Микко, я звоню из...

Сильный треск заглушил конец фразы, а когда он стих, голос звучал тихо и искаженно.

— ...еду, — сказал он.

Голос замолчал, а зеленый глаз стал настойчиво мигать. Фебрис не нравился этот мигающий глаз, и она уже знала, что, нажимая одну из кнопок на поверхности прибора, можно его погасить. Но как только протянула руку, ее схватили за запястье.

Фебрис вскрикнула и отскочила. Это был Кобольд. Она съежилась и заслонила лицо

свободной рукой, но никакие чары не ужалили ее. Колдун заинтересовался автоответчиком. Он взял с собой белый пульт управления из пентхауса. Однако, когда Кобольд направил его на аппарат и нажал большую зеленую кнопку, ничего не случилось. Очевидно, пульт не действовал на этот прибор. Колдун рассмотрел слова на кнопках устройства.

— Удалить... повторить... прекратить... перейти... прослушать, — прочитал он медленно.

Нажав на «прослушать», он услышал сообщение Энди Оглторпа. Потребовалось лишь простое заклинание, которое обычно использовалось для подслушивания сквозь толстые стены замка, чтобы разобрать то, что заглушили помехи.

— В любом случае скажи Микко, я звоню из аэропорта, — ясно сказал голос. — Как только поймаю такси, приеду.

Кобольд нервно кусал костяшки пальцев на левой руке. Возможно, аэропорт для воздушных кораблей — это то же, что морской порт для судов. Он видел один такой над головой. Но что такое такси и как его ловят, было загадкой. (Он приехал на лимузине с шофером из гаража отеля.) Однако послед-

нее слово «приеду» могло означать только одно.

Кобольд нажал на другие кнопки и прослушал сообщения, которые Фебрис не стерла. Голоса, молодые и старые, мужские и женские, пробивались сквозь дырочки прибора оборванными фразами: «Я ехала в магазин и застряла в пробке... Я вернусь через несколько минут... по-видимому, был очень взволнован этим... крайний срок — до середины семестра... Да? Кто это?.. Подождите, пожалуйста».

Колдун начал понимать, как это можно сделать. Он глянул на Фебрис, все еще сжавшуюся от страха.

— Перестань ежиться и слушай.

Глава 17

УХОД ЗА ДЕТЕНЫШАМИ ВИВЕРН И ИХ КОРМАНИЕ

ромкое бульканье и вздох сообщили о кипении уже третьего кофейника. Мерлин протянулся, встал со стула, взял две пустые кружки и понес их на кухню.

Два кресла были придвинуты к письменному столу профессора. Тяжелый дубовый стол завален книгами. На нем ле-

жали не только ПВСЧ-4, но и ПВСЧ-2 и -3, а также множество изданий с такими названиями, как «Справочник по демонам Нового Света» и «Тринадцать легких способов изгнания демонов». Среди них имелась даже старая книга, озаглавленная «Изгнанные демоны. Современный взгляд», в твердом переплете со штампом «СПИСАНО», Публичной библиотеки Салема, купленная Мерлином в 1972 году. Судя по иллюстрациям, изгонять демонов следует в костюме, представляющем собой нечто среднее между одеждой пчеловода и скафандром первых космонавтов, и с помощью металлодетектора, приспособленного для сбора следов слюны демонов. (У демонов в их истинном облики все время течет слюна.)

Мерлин поставил кружки и вернулся к внимательному чтению книги «Демоны как орудие в чужих руках». На другом конце стола Гидеон закрыл книгу и уставился в пространство.

— Мерлин.

— М-м?

— Тот оракул... Вы сказали, что его нельзя использовать, чтобы найти виверну, особенно ту, которая не хочет, чтобы ее нашли.

— Угу.

— Но всегда ли это так? Не может ли он сказать нам, где найти виверну, которая слишком мала, чтобы знать такие хитрости? Если он не способен привести нас к Уикке, может быть, скажет нам, где ее детеныш?

Мерлин оторвался от книги. Глаза молодого волшебника ярко блестели.

— Возможно, — сказал он задумчиво. — Возможно. Мы занимаемся уже несколько часов. Полагаю, не помешает сделать перерыв.

Они положили доску на кофейный столик, и на этот раз Гидеон сам обратился к оракулу:

— О Великий Оракул, скажи нам, где найти детеныша виверны по имени Уикка, принадлежащей твоему верному слуге Гидеону.

Треугольная дощечка начала двигаться под их пальцами. Она подкатилась к номеру восемь и остановилась.

Волшебники подождали несколько минут, но треугольник больше не двигался.

— Спросите снова, — посоветовал Мерлин. — Немного иначе и с капелькой лести.

— Нет, теперь вы, — ответил Гидеон. — Он отвечал вам раньше.

Они установили дощечку на середине доски. Профессор откашлялся и сказал:

— О Могущественный Оракул, Величайший из всех Оракулов, мы молим тебя сказать нам, где находится детеныш виверны по имени Уикка, принадлежащей твоему самому верному и преданному слуге Гидеону.

Теперь треугольник постоял около цифры восемь, а потом показал ряд букв.

— О — Й — Э — Т — А, — сказал Мерлин. — Да что же это значит?

— Подождите, он еще двигается.

Наконец дощечка остановилась.

— Ж, — прочитал Мерлин. — Получается, восьмой этаж. Но где, вот в чем вопрос. Это не наш дом. Здесь только семь этажей.

— А может, есть скрытая комната? — спросил Гидеон.

В королевском замке, где он жил, было полно тайных комнат и фальшивых стен.

Мерлин резко выпрямился и щелкнул пальцами.

— Не скрытая, мой друг, но почти наверняка забытая. Два года тому назад всех жителей нашего дома обязали внести деньги на уничтожение семейства маленьких коричневых летучих мышей, живших в заброшенной кладовке под карнизом крыши. Ес-

ли они могли туда проникнуть, то и виверна, конечно, тоже.

Доктор Нага приехала на очень старой маленькой зеленой машине. Теодора ждала ее возле прачечной. Из большой сумки на заднем сиденье женщина достала чистую майку и мокрую мочалку в полиэтиленовом мешочке и протянула их Додо, чтобы та немного отчистила одежду. А еще она привезла термос с чаем, в который были добавлены молоко и сладкие индийские специи. После нескольких глотков девочка почувствовала себя гораздо лучше и взволнованно поведала всю историю.

Доктор Нага, не прерывая, слушала рассказ Теодоры о том, как нашла карта виверны, о книжном магазине Гайлза и Мойры, о встрече с мистером Лэмбтоном и мисс Уорм, споре с Микко, превращении няни в странную личность, о том, как девочка обнаружила детеныша виверны, и обо всем остальном. Когда Додо закончила, художница спросила только:

- И ты оставила малыша в той комнате?
- Да.
- Отведи меня к нему.

Когда они добрались, негде было припарковать машину, и им пришлось пятна-

дцать минут кружить вокруг дома, а доктор Нага качала головой:

— Моя карма относительно парковки, должно быть, в плохом состоянии. Как это утомительно! А-а! Вот наконец нашлось место.

Голубая «вольво» как раз отъезжала, и индианка поставила маленькую зеленую машину на освободившееся место.

Выйдя из машины, Теодора впервые заметила, что доктор Нага была не в сари, а в более практичной одежде: темной майке и джинсах. Возле угольного желоба она достала мощный фонарь. Удивление Додо, наверно, отразилось на ее лице, потому что доктор Нага взглянула на нее и засмеялась:

— Я подумала, что лучше приехать готовой ко всему. Когда я училась в колледже в Кентукки много лет тому назад, мы занимались спелеологией.

— Что такое спелеология?

— Исследование пещер. Мой молодой человек очень увлекался этим, а так как я была маленькой, мне удавалось пролезать сквозь такие узкие места, где другие застряли бы. Я привыкла одеваться так, чтобы лазить по узким темным местам,

и всегда носить с собой хороший фонарь. С тех пор это часто оказывалось полезным.

К счастью, никто не поставил угольную клеть опять перед лестницей. Они беспрепятственно поднялись. Однако, когда Теодора искала ключ над дверью, он оказался не там, где она его оставила. От внезапного ужаса в животе неприятно защекотало. Она с трудом попала ключом в замочную скважину. Наконец дверь открылась, и она закричала в отчаянии от увиденного.

За то время, которое понадобилось, чтобы доктор Нага доехала из Салема, забрала Додо из прачечной, выслушала ее историю и нашла место для парковки, кто-то их опередил. Пустая кошачья клетка с широко открытой дверцей стояла на полу, а сама виверна исчезла.

На всякий случай они обыскали комнату. Доктор Нага нашла записку. Она лежала под рюкзаком. На сложенной листке бумаги было написано: «Мисс Оглторп».

— Лучше прочитай, — сказала доктор Нага, передавая ее.

В ней было лишь несколько строчек, написанных уверенным, четким почерком:

«Уважаемая мисс Оглторн!

Мы можем только предположить, что это вы принесли виверну сюда, в более безопасное место. Примите нашу вечную благодарность за это. Однако жизненно важно и для малыша, и для нас воссоединить его с матерью без промедления. Не бойтесь, он в хороших руках.

*Ваши верные слуги,
Айен Мерлин О'Ши,
доктор истории, почетный профессор,
Гарвардский университет,
Гидеон,
Королевский Волшебник при дворе
Его Величества Эдварда Рыжего».*

Сначала Теодора стояла онемев, держа в руках записку и ожидая, что она исчезнет как дым или превратится в лягушку и выпрыгнет у нее из рук. Волшебники — не какие-то жалкие, притворяющиеся понарошку хранители виверн из Кружка, а настоящие. И прямо здесь, в Кембридже. Она почувствовала, как мурашки побежали у нее по спине. Как будто написала письмо королеве Елизавете I на уроке истории и получила от нее ответ с местным почтовым штемпелем.

Вскоре то, что было написано, действительно исчезло, и Теодора со стоном опу-

тилась на пол. Теперь, когда виверна пропала, девочка поняла, что не так уж важно прийти в «Рассказы путешественника» с виверной на поводке и показать участникам Клуба хранителей виверн, что шутки с ней плохи. На самом деле ей хотелось показать ее отцу. Она надеялась, что они вместе смогут описать виверну и опубликовать эту работу в научном журнале и что их фотографии украсят обложку журнала «Нэшонал джиографик». После этого старине Силверферну придется сделать ее отца профессором, может быть, даже заведующим кафедрой. Тогда им не нужно будет переезжать в другой город за сотни миль отсюда и разлучаться с Мило, Вэл и Микко.

Додо взглянула на доктора Нага:

— Я знаю, что это должно казаться безумием, но она действительно была здесь. Однако вы не обязаны мне верить.

Доктор Нага улыбнулась:

— Теодора, дорогая! Конечно, я тебе верю. Даже если бы я сомневалась, это убедило бы меня.

Она протянула руку, и девочка увидела у нее на ладони что-то вроде большой блески, мерцающей фиолетово-черным цветом.

— Это было в старой детской коляске, — сказала художница и опустила чешуйку виверны ей на руку.

Теодора держала ее, боясь даже дышать, как будто она могла исчезнуть от легкого дуновения. Время словно остановилось, пока предвечерний свет из окна переливался на поверхности чешуйки маленькой радугой. Казалось, что прошла вечность, а в действительности около десяти секунд, когда Теодора глубоко вздохнула. Затем осторожно положила чешуйку в кошелек, в отделение для мелочи.

— Ну, вставай, — сказала доктор Нага, поднимая Додо на ноги. — Давай пойдем и посмотрим, что случилось с Микко.

Мерлин и Гидеон рассматривали детеныша у себя на кухне. На кухонном столе расстелили толстое полотенце, а на него положили виверну, беспокойную и раздражительную. Она шипела и огрызалась на волшебников, когда они подходили слишком близко.

Гидеон не обращал внимания на укусы, его слишком поглощал осмотр маленькой виверны. Он держал ее крыло и растягивал его во всю длину, рискуя получить еще один

болезненный щипок острого клюва, чтобы посмотреть, остался ли еще у детеныша яичный зуб.

— Девочка, — сказал он, — и вылупилась не больше двух дней тому назад. Нам придется сделать драконье молоко.

— Во времена моей молодости, — сказал Мерлин, — драконьим молоком называлось средство от похмелья. В колледже мы любили коктейль из холодного говяжьего бульона, сырого яйца и нескольких столовых ложек хорошего ржаного виски. Полагаю, вряд ли это подлинный рецепт. Боюсь, настоящий в Гильдии не сохранился.

Гидеон улыбнулся:

— Драконье молоко, которое я знаю, совсем другое. Я готовил его для Уикки. Ее слишком рано взяли от матери, когда она еще не могла пить сливки. Мне потребуются медный сосуд, пинта медового напитка, кусочек янтаря и немного мускуса.

— Ну, наверно, мы можем достать что-то близкое этому, — ответил Мерлин.

Через несколько минут поисков в спальне и кладовой профессор принес бутылку пива, банку меда, янтарные запонки и флакон мускусного одеколona. Ставя одеколон, он выглядел немного смущенным.

— Подарок моей крестницы. Но в нем есть мускус и, вероятно, другие составляющие тоже имеют какую-то питательную ценность. А пиво с медом — самое подходящее, что у меня есть, для замены медового вина. Хотя я мог бы позвать знакомого специалиста по средневековью. Он раньше варил мед на празднование Иванова дня. Ужасная гадость.

— Нет времени, — сказал Гидеон, наливая пиво и мед в медную кастрюлю.

Пока смесь нагревалась, Мерлин отделил янтарь от металлических частей запонок и смолол его с помощью кухонного комбайна. Гидеон добавил в кастрюлю щепотку янтаря и несколько капель мускусного одеколона, время от времени проверяя варево мизинцем.

— Чистую льняную салфетку! — резко бросил он, как хирург, требующий скальпель.

Мерлин достал льняное посудное полотенце. Гидеон опустил один из его уголков в смесь. Крепко схватив виверну, он прижал ее к себе одной рукой, а другой открыл клюв и выжал в него несколько капель драконьего молока.

Виверна проглотила, сморщилась и срыгнула.

Гидеон пробовал снова и снова. В конце концов он весь оказался в этой смеси, а в самого детеныша попало очень мало. Волшебник отбросил полотенце и выругался крепким, длинным изощренным средневековым ругательством, от которого Мерлин покраснел.

Гидеон посмотрел на друга и печально улыбнулся:

— Простите меня. Я забылся.

— Пустяки. Вы расширили мой словарный запас, а это нелегко, уверяю вас.

Они посмотрели на виверну, свирепо прожигающую их взглядом. Ее чешуя стояла дыбом для устрашения, а клюв был раскрыт, чтобы шипеть и кусаться. Однако зверек настолько ослаб, что едва мог держать голову.

— Почему она не ест это? — спросил Мерлин.

— Потому что кто-то — Уикка, Кобольд, неизвестные нам люди — покормили ее чем-то, когда она вылупилась. И теперь она должна получить то же самое и ничего иного.

Гидеон провел рукой по волосам, взъерошив их так, что стал похож на безумного ученого.

— И если мы не узнаем, что это такое, она будет голодать, а мы ничего не сможем сделать, чтобы ей помочь.

Глава 18 ЗАПАДНЯ

Оуроборос скоро поняла, что очень трудно заставить скунса сосредоточиться на поисках шоколада. Он легко отвлекался на всякие запахи, которые змейка находила неприятными и даже отвратительными, например гниющих отбросов.

— Уф! Да что же это такое? — спросила змея.

Они находились в переулке позади ряда домов, и скунс исчез с головой в первом из шести больших зеленых мусорных баков.

— Китайская еда, наверно, — сказал скунс, его голос заглушали стенки бака. — Похоже, кисло-сладкая свинина. А вот вроде бы пицца. Уже стала зеленой по краям.

— Жаль, что спросила, — пробормотала Оуроборос, подавляя тошноту. — Ну, если шоколада тут нет, нам лучше пойти дальше.

Две предшествующие остановки около помоек мало что дали. Нашлась мятая коробка из-под хлопьев с несколькими мармеладками в шоколаде и пустой пластиковый стаканчик с каплей шоколадного пудинга, прилипшей ко дну.

— Я не сказал, что шоколада нет, — ответил скунс.

Слышались шуршание бумаги и звук рвущегося намокшего картона, пока он добирался до дна бака.

— Нашел!

Скунс вылез, сжимая в зубах бархатную коробку из-под конфет. Внутри на мягкой золотой бумаге лежало девять больших трюфелей и мятая обертка из фольги еще от трех.

— С этим баком всегда так, — объяснил скунс. — Китайская еда и пицца, потом шоколад, а затем ничего, кроме листового салата, салата, салата. Сегодня день шоколада. Завтра опять будет салат.

Оуроборос попробовала языком воздух над трюфелями.

— Это должно быть превосходно. Но мы не можем отнести всю коробку.

Однако им удалось взять с собой пять штук. Скунс запихнул по трюфелю за щеки, а третий осторожно сжал острыми зубами. Змейка спрятала по одному в каждый рот. Пробираясь по обочине дорог, проскальзывая под заборами и огибая припаркованные машины, они пошли назад, в сарай Оглторпов.

По пути к дому Теодоры доктор Нага задала множество вопросов о лже-Микко, и девочка, стараясь отвечать как можно подробнее, рассказывала об очень мелких ровных кукольных зубах, о лаке для ногтей на ковре, жидкости для мытья посуды в яблочном соке и других странных вещах.

— А теперь вот что, Додо, это очень важно, — сказала доктор Нага, поворачивая на улицу, где жили Оглторпы. — Ты боишься щекотки?

Теодора обернулась и уставилась на нее:
— Уже нет, но раньше боялась, когда была маленькой.

Она вспомнила домашний видеофильм «Щекотание Додо». Они все трое сидят на ковре в гостиной, задыхаясь от смеха, а мама смеется до слез.

Доктор Нага сняла руку с руля и быстро ткнула девочку в бок. Та громко вскрикнула и подпрыгнула на месте.

— Просто проверка. Это может оказаться полезным. Смех — сильное оружие против демонов.

Они припарковали старую машину недалеко от дома.

— Мы можем войти через заднюю дверь, так, чтобы нас не видели? — спросила доктор Нага.

— Да, — ответила Теодора, — надо только пригнуться и прокрасться под окнами гостиной.

Дверь с задней стороны дома оказалась незапертой. Додо вошла первой, потому что знала, как открыть ее без скрипа.

На кухне никого не было, но на полу возле кухонного стола стоял знакомый потерянный чемодан с наполовину содранной оранжевой наклейкой «Карантин».

Теодора радостно взвизгнула и побежала в гостиную. Энди Оглторп сидел на диване, а на кофейном столике лежала его левая нога в гипсе с надписями по-английски и по-лаосски. На диване нигде не было следов лака для ногтей, и цепочка серебряных отпечатков пальцев на ковре исчезла. Из холла доносился звук телевизора Микко. Додо бросилась в объятия отца:

— Папа! Когда ты?.. Что ты?.. Что с твоей ногой?

Мистер Оглторп растерянно улыбался:

— Можешь поверить, в первый же день в джунглях я упал в западню. Сложный перелом. Мне пришлось сразу вернуться во Вьентьян и первым же рейсом вылететь в Нью-Йорк. Я не провел в лагере и двадцати четырех часов. Я пытался дозвониться до тебя из аэропорта, но никто не отвечал.

Он посмотрел через плечо Теодоры и надолго замолк, потом улыбнулся:

— Кто это?

Доктор Нага последовала за девочкой в гостиную, но при встрече отца с дочерью держалась в стороне. Теперь она выступила вперед и протянула руку:

— Разрешите представиться, Мадхави Нага, но зовите меня, пожалуйста, Мэдди. Я старая подруга Микко.

Наступила еще одна пауза, почти неприлично долгая, пока Энди Оглторп разглядывал доктора Нага, склонив голову набок.

— Микко только что ушла, — сказал мистер Оглторп. — Она пошла в магазин, но должна вернуться через несколько минут. Вы останетесь на связи?

— Да, если не слишком буду вам мешать, — ответила доктор Нага. — Я приехала по просьбе вашей дочери, так как она очень беспокоилась из-за Микко.

— В самом деле? — Мистер Оглторп нахмурился и посмотрел на дочь. — С ней все было в порядке, когда я вернулся домой. Однако, Додо, она действительно упомянула, что вы поссорились, и все еще была очень сердита. Из-за какой-то старинной карты?

Доктор Нага начала что-то говорить, но Теодора уже бросилась в свою комнату за козырем виверны. Похоже, что няня опять стала нормальной — даже ее отец увидел бы разницу между настоящей Микко и самозванкой, — но она не могла рисковать. Ей надо показать ему карту и рассказать

все, что случилось до того, как Микко вернется из магазина. Другой возможности могло и не быть.

Додо достала карту из коробки с виверналией, стоявшей в дальнем углу шкафа, и хотела было бежать с ней к отцу, как поняла, что это копия, которую она сделала на сканере отца. Микко забрала настоящую карту, когда застала девочку за колдовством. Вероятно, она отнесла ее в свою комнату и спрятала где-то, когда пошла открывать дверь.

Конечно. Шкаф для белья. Предполагалось, что Додо не знает о тайничке на верхней полке за корзиной с рукоделием. Как только она открыла дверцу шкафа, сразу же увидела медную цепочку, свисавшую с верхней полки. Потянувшись за ней, Теодора различила приглушенный звук телевизора из комнаты Микко. Обычно няня не оставляла телевизор включенным, но было еще что-то. Девочка постояла минутку, уцепившись за цепочку, пытаясь сообразить, в чем дело.

Потом она покачала головой. Сегодня длинный, утомительный день. У нее просто спеклись мозги, как говорит Вэл. Наверно, Микко смотрела старый фильм в сво-

ей комнате, когда отец появился в дверях, и от большого удивления опять стала нормальной. Вероятно, она побежала в магазин, чтобы купить продукты для праздничного ужина.

Теодора дернула цепочку, и сумка оказалась у нее в руках. Карта виверны была внутри, снова в защитной обертке. Она принесла ее в гостиную и отдала отцу, слишком поздно заметив выражение лица доктора Нага и как она едва-едва покачала головой.

Дверь комнаты Микко открылась, и она вышла, неся на руках Фрэнки, а за ней следовал Конрад Лэмбтон. Микко посмотрела на Додо и доктора Нага и устремила взгляд с выражением едва сдерживаемого гнева на Кобольда, но ничего не сказала. Вероятно, ее саркастические замечания не понравились Кобольду, и он колдовством заставил ее молчать.

Мистер Лэмбтон подошел к дивану, протянул руку, и Энди Оглторп отдал карту.

Отец Теодоры выпустил ее из рук и сразу упал на диван. Струи холодного черного дыма вышли из его носа и рта и свились в столб посреди комнаты. Становясь все плотнее, столб зеленел и у них на глазах пре-

вратился в отвратительного демона. Он был похож на помесь орангутана и гигантской игуаны. Перед ними предстало чешуйчатое создание с выпуклыми, налитыми кровью глазами, выдающейся вперед челюстью, большим ртом с резко опущенными уголками губ и гребнем вдоль спины и хвоста, характерным для пресмыкающихся.

Путаясь, Конрад Лэмбтон трясущимися руками, в спешке снял картон и бумагу с козыря виверны.

Сначала Теодора застыла на месте, а потом закричала и бросилась к отцу. Но игуанотан, или что бы то ни было, схватил ее обеими руками и не пустил.

— Не беспокойся, Додо, — тихо сказала Микко. — Это... создание... находилось и во мне тоже. С твоим отцом все будет нормально, но он проснется с ужасной головной болью.

В этот момент мистер Оглторп пробормотал что-то, попытался поднять голову, но снова со стоном уронил ее на диван.

Конрад Лэмбтон не обращал на них внимания, уставившись на карту в своих руках.

И вдруг в усталом мозгу Теодоры все разрозненные впечатления сложились в единую и ясную картину. Из комнаты Микко

доносились не звуки старого фильма, а возгласы, пронзительные крики и идиотский смех глупого ток-шоу, которое Микко смотрела бы, только если бы ее связали и держали глаза открытыми с помощью скотча. А ее отец? Почему он сразу же не спросил, где она была и почему пришла домой так поздно и с чужим человеком. И все эти странные паузы, и то, что он сказал: «Вы останетесь на связи?» — вместо: «Вы ее подождете?», как будто повторял фразы с автоответчика.

У Теодоры похолодело в животе. Все было неправильно, но она так обрадовалась, увидев отца дома, что ничего не заметила. А теперь настоящая карта виверны оказалась в руках жуткого мистера Лэмбтона, кем бы он ни являлся на самом деле.

Додо подумала о записке, оставленной в тайной комнате. Уж если королевский чародей ходит по Кембриджу с детенышем виверны, то сколько угодно колдунов, ведьм и магов могут еще прийти за картой.

Гидеон и Мерлин все еще были в форме служащих надзора за животными, не успев сменить одежду. Они вылезли из такси перед домом Оглторпов и побежали прямо к сараю

во дворе. Детеныш лежал на руках у молодого волшебника.

Маги нашли Оуроборос у цветочного горшка. Она бдительно охраняла кучку шоколадных трюфелей, как будто это была кладка волшебных яиц, снесенных ею самой. Змейка в одно мгновение увидела, что малыш почти не дышит, и по серьезным лицам волшебников поняла, как обстояло дело.

— Это шоколад. Я как раз собиралась закатить его в нору, но...

Гидеон не стал дальше слушать. Он сел на землю, силой открыл клюв детеныша и как можно глубже запихнул в него трюфель. Виверна давилась, сопротивлялась, но проглотила.

Они затаили дыхание, ожидая, что будет. Прошла целая минута, а малыш не двигался, даже не шелохнулся. Гидеон сидел, не веря своему счастью, уставившись на слабое существо у него на коленях. Наконец он осторожно поднял виверненка, желая положить его на землю, но Мерлин шепнул:

— Подождите!

Веки зверька затрепетали и открылись, потом он широко разинул клюв и громко потребовал еще один трюфель. Напряжение Гидеона спало, его плечи обмякли от

облегчения, а Мерлин издал ликующий крик и от радости начал отплясывать тарантеллу вокруг цветочного горшка, чуть не наступив на хвост змеи.

Голодный крик детеныша стал громче.

— Только один, — сказал Гидеон, — остальные надо оставить Уикке.

— Об этом я и пытаюсь рассказать, — сказала Оуроборос. — Я поползла в нору проверить ее и дать ей трюфель. Но ее там нет.

Глава 19 ВО ВЛАСТИ КОБОЛЬДА

шла! — воскликнул Мерлин.

— Боюсь, что да, — ответила Оуроборос.

Гидеон ничего не сказал, только долго смотрел на детеныша, лежавшего у него на коленях. Затем полез в карман и достал авторучку, в которой находился Игнус. Он снял с нее колпа-

чок и наблюдал, как разумный огонь стек с кончика пера тонкой струйкой и образовал облако высотой около восьми дюймов от земли.

— Шар! — скомандовал Гидеон, и Огонь послушно образовал полую голубую сферу вроде мыльного пузыря, только размером с футбольный мяч. Серебряные электрические искры с легким потрескиванием вылетали с его поверхности.

Гидеон поднял зверька и осторожно поместил его в шар. Виверна и руки волшебника легко прошли сквозь оболочку сферы, не повредив ее. Малыш сначала немного испугался, но вскоре почувствовал себя спокойно, как будто вернулся в безопасность яйца.

Маг произнес несколько волшебных слов — защитное заклинание против зла, тщательно соединив его с заклинанием для легкости, и сфера с детенышем начала подниматься, как шар, наполненный горячим воздухом, пока не оказалась среди ветвей медного бука.

Электрический шар голубого огня все еще виднелся, и Гидеон мягко послал еще одно заклинание в ветви дерева. Игнус начал зеленеть, так что скоро стало невозможно раз-

личить его среди листьев, даже если известно, что он там, всего в нескольких ярдах над головой.

— Очень хорошо, — прошептал Мерлин. — Действительно очень хорошо. Вам придется рассказать мне, как вы изменили магическую формулу, чтобы получить такой результат. Ну а сейчас нам надо бороться с демонами.

Гидеон скривил рот в гримасе:

— Да.

Он протянул руку, и Оуроборос обвилась вокруг нее, заняв привычное положение для сражения с демонами. Волшебник постоял минутку, закрыв глаза и сжав пальцами подвеску в виде совы. Потом он глубоко вздохнул, открыл глаза и посмотрел на Мерлина:

— Я готов.

Завладев картой виверны, мистер Лэмбтон сразу же достал из портфеля старую книгу с ветхими листами в переплете из простой зеленой ткани и удалился в кабинет с ней, картой и бутылкой старого шотландского виски мистера Оглторпа.

Пленники остались сидеть на диване под печальным взглядом игуанотана. Энди Оглторп еще не пришел в себя после смены часовых поясов и вселения демона. Теодо-

ра была зажата между Микко и доктором Нага.

Демон очень заинтересовался фотографиями девочки и ее отца, стоявшими на каминной полке. Заметив маленькую фотографию в самодельной рамке, спрятанную за другими, игуанотан взял ее и стал внимательно рассматривать. Это был выцветший моментальный снимок женщины в обрезанных джинсах и майке, с волосами, убранными под бандану, стоящей на коленях у подножия утеса. Она смеялась, держа кирку в одной руке и резинового цыпленка в другой.

— Кто эта женщина? — спросил демон.

Он говорил не грубо, как ожидалось бы от такого безобразного существа, а довольно высоким хрипловатым голосом, как очаровательная актриса с сильной простудой. Додо хотелось сравнить, так ли звучал голос мисс Уорм, но не могла вспомнить, что бы та что-нибудь произнесла в магазине Гайлза и Мойры. А самозванка всегда использовала голос Микко.

— Кто эта женщина? — снова спросил демон, заставив Додо вздрогнуть от неожиданности.

Из-за комка, возникшего в горле, Теодора с трудом сказала:

— Это моя мама.

Демон, по-видимому, немного подумал, потом опять спросил:

— Где она?

— Она умерла, — тихо ответила Додо.

Микко взяла ее руки и крепко сжала.

Демон подержал хрупкую рамку, кривовато склеенную из картона и украшенную блестками, маленькими пластмассовыми динозаврами и гавайскими танцовщицами, с надписью: «МАМЕ С ЛЮБОВЬЮ ОТ ДОДО», потом осторожно поставил ее на место. Лапы пресмыкающегося были более ловкими, чем казались на вид. Игуанотан смог вернуть фотографию туда, где она стояла раньше, не уронив тех, что находились рядом.

Он посмотрел на Теодору выпуклыми красными глазами и спросил хриплым голосом:

— Почему ты не заменила ее копией?

Додо покачала головой:

— Нельзя заменить того, кого ты любишь. Даже если бы это было возможно.

Похоже, это на мгновение озадачило демона. Затем он глубоко вдохнул, а когда выдохнул, они на минуту увидели мать Теодоры. Она была такой же, как на фото. Она

выглядела как мама до болезни, до того, как родилась дочка, и даже до того, как они с папой поженились. (Мама говорила, что именно из-за того резинового цыпленка она и влюбилась в папу.)

Потом перед ними вновь появился демон.

— Ты могла бы, если бы захотела. Фебрис заняла бы ее место.

— Фебрис? — спросила доктор Нага. — Это твое имя?

Демон опустил взгляд, как будто застеснявшись. Налитые кровью глаза были окаймлены удивительно длинными ресницами.

— Фебрис, Демон Первого Класса, вызванный Кобольдом, и его слуга.

— А Кобольд — это мистер Лэмбтон, верно? — предположила Микко.

Демон кивнул, бросив беспокойный взгляд в сторону кабинета.

— И ты бы предпочла служить Теодоре и быть ее матерью, чем служанкой Кобольда? — задала очередной вопрос доктор Нага.

Но Фебрис не успела ответить, так как Кобольд появился из кабинета. Он нес старинную книгу, заложив ее пальцем, в одной руке и карту черной виверны в другой.

— Я очень плодотворно поработал в Интернете, — объявил он. — Есть веб-сайт Гиль-

дии Мастеров, где я имел честь увидеть себя в списке тех, кого разыскивают. А ссылка на сборник запрещенных заклинаний оказалась бесценной экономией времени.

Действительно, Кобольду удалось отыскать способ увеличить силу карты с помощью одного из запретных заклинаний. Теперь ему больше не нужна виверна Гидеона для того, чтобы отомстить. Он мог просто воплотить заклинание в реальную форму и послать ее на поиски сводного брата. Но сначала надо на ком-то его испытать. Его взгляд задумчиво заскользил по лицам пленников, сидящих на диване.

Расхаживая по комнате и размышляя, Кобольд оказался в опасной близости от того места, где сидела Микко, держа на коленях Фрэнки. Колдун проходил мимо старого белого кота, когда тот вдруг больно укусил его.

С громким проклятьем (от которого Теодора сгорела бы со стыда, не будь оно сказано на старинном французском) Кобольд прошипел несколько странных слов и нарисовал в воздухе знак. Фрэнки пулей выскочил из рук Микко и облетел вокруг комнаты, вращаясь и кувыркаясь, словно его подхватил торнадо. Кот внезапно оказался на потолке, где и остался накрепко прикле-

енным, как муха на липкой бумаге, тщетно пытаюсь оторваться и жалобно мяукая.

Теодора разозлилась. Прежде чем Микко смогла ее остановить, она вскочила с дивана, набросилась на мистера Лэмбтона и стала щипать и пинать его изо всех сил, извергая поток брани на современном английском. Хорошо, что отец ее не слышал. Но наконец у нее закончился запас ругательств.

— Это просто бедный старый кот, — сказала она, тяжело дыша. — Что он вам сделал?

Едва вылетели эти слова, Додо охватило странное ощущение: как будто невидимая холодная рука проникла в голову и начала рыться в ее мозгу. Воспоминания вращались, быстро сменяя друг друга: прошлые праздники, дни на пляже, вот мама учит ее кататься на двухколесном велосипеде, падение с дерева размышлений, закончившееся переломом ключицы, танец с отцом на свадьбе тети Джейн...

Потом невидимая рука нашла самое страшное воспоминание и так сильно сжала внутри, что Теодора застонала от боли.

Это была последняя минута последнего часа последнего дня. Ее мама, иссохшая, слабая и бледная, лежала на больничной кой-

ке в гостиной, а бабушка, тетя Джейн, папа и Теодора собрались вокруг.

Девочка поняла, что ее память не сможет переключиться на другое, как обычно. Она останется настроенной на это воспоминание, как приемник на волну, пока невидимая рука безжалостно сжимает ее разум.

Когда Додо уже начала впадать в панику, все резко оборвалось. Едва боль отступила, она увидела, что мистер Лэмбтон—Кобольд смотрит на нее с посеревшим лицом и капли пота выступили у него на лбу. Внедрение в ее память, должно быть, потребовало невероятных усилий.

Однако колдун лишь остановился, чтобы собраться с силами. Пытка тут же возобновилась и стала вдвое сильнее. Теперь воспоминания были не в голове, а кружили вокруг нее, как виртуальная реальность. Она все еще различала доктора Нага, Микко и отца, но их фигуры расплывались, как дешевая голограмма. Они постепенно таяли, уходили, а образы в памяти — мама, бабушка, тетя Джейн и отец — такие, как четыре года назад, — становились все более четкими и живыми.

Теодора ощутила, как слезы подступили к глазам, но заплакать почему-то не могла.

Кто-то взял ее руку и сжал, и она поняла, что это демон пришел ей на помощь.

— Прекрати, — зашипела Фебрис.

Тогда колдун прошептал что-то на непонятном языке, а демон начал задыхаться и стонать, но упрямо держал ребенка за руку. Фигуры на диване становились все призрачнее, а образы из памяти — темнее, реальнее. Теодора почувствовала, что, если люди на диване исчезнут совсем, она может и не вернуть их — или не вернуться к ним. Додо не была уверена, оставалась ли она сама реальной, все еще здесь и сейчас.

Вдруг новый голос прорезался сквозь дурман, спокойно произнося прохладные серебряные слова. Достигнув ушей девочки, они разорвали темные чары. Сцена смерти ее матери упала длинными завитками, как полоски старых обоев, сдираемых со стен. Под всем этим оказалась настоящая комната с отцом, доктором Нага и Микко на диване, теплыми и реальными.

Рядом с Теодорой стоял незнакомый человек с кудрявыми русыми волосами и добрыми серыми глазами. Она решила бы, что он моложе ее отца, может быть, ровесник его студентов последнего курса. Если бы не

глаза... В них светилась мудрость очень старого человека.

Хоть он и был в спортивной рубашке с вышитой надписью на спине «УОРСЕСТЕРСКИЕ ВОЛШЕБНИКИ», Додо сразу же поняла, что это один из тех, кто оставил записку в тайной комнате.

Все это мгновенно промелькнуло в голове. Этого времени Гидеону хватило, чтобы броситься к Кобольду и схватить карту виверны. Они вцепились в нее, каждый молча тянул ее к себе. Их руки дрожали, как будто держали оголенный электрический провод. Глядя на них, Теодора знала, что они не смогут порвать карту. Та была сильнее, чем каждый из волшебников и по отдельности, и вместе.

Глава 20 ГДЕ УИККА?

В комиксах и мультфильмах времен детства отца Теодоры волшебники носили длинные пурпурные мантии с широкими развивающимися рукавами и высокие конусообразные шляпы, украшенные звездами, а колдовать можно было лишь с помощью волшебной палочки.

Нынешние волшебники из видеоигр, фильмов и компьютерных спецэффектов совсем не столь примитивны. Эти маги сменили волшебные палочки на арсенал несущих смерть хрустальных кинжалов и извергающих пламя жезлов, способных превращать врагов в пепел и возводить замки в мгновение ока. Чародеи из «Волшебников и виверн» выглядели спортивными, одевались в облегающие костюмы, выигрышно подчеркивавшие крепкие мускулы, а их мужественные лица освещала белоснежная улыбка, свидетельствующая о достижениях стоматологии двадцать первого века (рот, полный крепких, здоровых, ровных зубов был почти так же редок в тринадцатом веке, как шкатулка мирры и мешок золота).

Но теперь, когда два настоящих живых волшебника сражались посреди ее гостиной, Додо открыла, что действительность сильно отличается от фантазии. Молчаливо сражаясь за обладание картой виверны, чародеи являли собой невероятную картину: Кобольд в дорогом костюме из итальянского шелка, Гидеон в линялых джинсах, спортивной рубашке и красных ботинках. И вооружены они не ртутными стрелами или огненными шарами сверхъестественной мол-

нии, а словами. Впоследствии Теодора так и не смогла точно вспомнить, что же говорилось в заклинаниях. Что неудивительно, так как некоторые из них произносились на волшебном языке, другие на средневековом французском диалекте, а остальные на непонятном магическом, до сих пор употребляющемся в Кантабрианских горах Испании. Таким образом, заклинания, приведенные ниже, записаны так, как девочка их слышала.

— Лимерики и молния, слесари и лемуры! — прошептал Кобольд сквозь зубы.

Он держал только половину карты верны, и это, по-видимому, на столько же уменьшало силу слов. Пол под Гидеоном разверзся, чтобы поглотить его, но он лишь провалился сквозь ковер и доски по колесу, так и не выпустив карты и увлекая за собой Кобольда.

Теодора почувствовала, что рядом кто-то стоит, обернулась и увидела полного джентльмена, похожего на профессора. Он выглядел каким-то взъерошенным в рубашке с закатанными рукавами, красных подтяжках и коричневых твидовых брюках. Незнакомец отвлекся от наблюдения за борьбой и шепнул ей на ухо:

— Мисс Оглторп? Мы знакомимся при чрезвычайных обстоятельствах. Айен Мерлин О’Ши к вашим услугам.

Теперь Гидеон отразил чары Кобольда. Выбравшись из ямы, он произнес что-то вроде:

— Караваны и карамели, тмин и карусели.

От этих слов серый шелковый костюм вдруг превратился в одеяние из сотни блестящих серых кротов с розовыми звездчатыми носами. Одежда стала очень неудобной — слишком теплой, тяжелой и извивающейся. В гостиной запахло, как в зоопарке. Но Кобольд не решился сбросить новый наряд, не зная, что стало с его шелковыми боксерскими трусами.

— Вы не можете остановить их? — тихо спросила Додо у профессора.

Мерлин покачал головой:

— К сожалению, правила Гильдии отводят мне роль секунданта на дуэли. Я должен следить, чтобы борьба проходила честно, и оказать первую помощь, если требуется.

Хватка Кобольда постепенно ослабевала, одежда из живых кротов вызывала ужасный зуд. Но ему удалось сказать еще одно заклинание:

— Левкои, ложь, лев!

Двухголовая змейка, обвившаяся вокруг руки хозяина, выросла до размеров анаконды, угрожая задушить чародея в своих кольцах. Гидеон все еще держал уголок козыря виверны одной рукой, а другую прижал к боку. Змея так сдавила его грудь, что он не мог вдохнуть достаточно воздуха для произнесения ответного заклинания. Наконец в отчаянии он выпустил карту и начертал в воздухе магический знак.

Кобольду понадобилась лишь секунда, чтобы осознать, что козырь виверны у него в руках. Он быстро забормотал запретное заклинание, но чары Гидеона сработали раньше. Слова стекали с губ колдуна густой струей меда, который образовал липкую золотистую лужу у его ног, а потом вылетели роем пчел, облепивших его лицо жужжащей маской. Они не жалили, но толстым слоем покрыли глаза, нос, рот и уши Кобольда так, что виднелась только ямочка на подбородке.

Оуроборос уменьшилась, но у Гидеона было сломано ребро, и дышал он с трудом. Это дало Кобольду время, чтобы тоже успеть начертать в воздухе знак. Маска из пчел мгновенно заморозилась и отделилась одним куском.

Теперь уже ничто не могло его остановить. Безобразные слова заклинания зарождались глубоко в груди колдуна, звучали низко и хрипло, как засорившаяся труба канализации, как будто он выплевывал что-то мерзкое.

Кобольд твердил заклинание, а посреди комнаты начало что-то проявляться. Сначала возник вращающийся туманный столб воздуха, мерцавший, как мираж на раскаленном шоссе. Затем он разлился черным, мрачным, гладким масляным пятном на темной воде. А потом превратился в молодую девушку, не старше шестнадцати лет, с растрепанными волосами, в рваном платье. Вызванная черной магией, она состояла из отражений и теней, неплотная, нереальная, но в то же время пугающе близкая. Она была очень красива, но сейчас ее бледное лицо и пристально глядящие глаза выдавали человека, безнадежно заблудившегося в лабиринте безумия.

Гидеон посмотрел на это видение и прошептал:

— Гвинлин.

Казалось, что ее вид причиняет ему боль, но все же он не мог отвести от нее глаз. Видение шагнуло к нему и протянуло ру-

ку. Каким-то образом Теодора знала, что, если двойник, или привидение, или что бы там ни было, коснется Гидеона, он тоже станет привидением. Неужели это честная борьба? Она повернулась к профессору О'Ши:

— Вы не можете помочь ему?

Мерлин уже шарил в кармане и вытащил пакет из фольги, очень похожий на серебристые пластиковые пакеты с мороженым для астронавтов. Отец Додо всегда вкладывал такое лакомство в ее рождественский подарок. Надпись на пакете предупреждала: «Спасательный пакет чар. Вскрыть только в случае необходимости. Хранить в прохладном месте». Мерлин разорвал его зубами, высыпал на ладонь что-то невидимое и набросил на Гидеона таким же движением, каким расстилают простыню на кровати. Его моментально покрыла тихо жужжащая, мерцающая сеть золотистого света, словно тысяча светлячков, пойманных в тонкую паутину.

Но Мерлин покачал головой.

— Это продержится всего несколько секунд, — сказал он, беря ее за руку. — Дорогая Теодора, одолжи мне свой разум и следуй за мной.

Почему-то она поняла, что профессор имел в виду. Зажмурившись, взяла руку Мерлина

и мысленно вступила в схватку. Слово «желание» не совсем точно выражает то, что делала Додо. Оно лишь слабо отражает то умственное усилие, болезненное растяжение ее мыслей, от которого ей казалось, что голова вот-вот расколется. Девочка не слышала голоса Мерлина, только чувствовала, как их пальцы переплелись. И к ней вдруг пришло осознание того, что не она, Додо, нашла карту виверны, а та сама нашла ее, и решение надеть мамину брошь тоже было не случайным. У Теодоры возникло ощущение, что она обладает чем-то особенным — талантом, правом от рождения, чертами характера и внешности рода Гринвудов, унаследованными от матери.

Все это девочка осознала с неожиданной ясностью, словно ветер распахнул окно в темной комнате и ее залил солнечный свет. Но не время сейчас размышлять об этом! Она не стала думать о своем новом знании, а сосредоточила силы на спасении Гидеона.

Ей казалось, что ее лишили тела и велели ходить. Додо никогда и не подозревала, что у нее есть та часть разума, которую ее попросили использовать. И опять, не слыша голоса Мерлина и не чувствуя его присутствия в своих мыслях, она внезапно поняла, как идти вперед, посылая свои силы,

объединенные с силой волшебника, против двойника Гвинлин.

Воздух вокруг них рябил и ходил волнами из-за запретного заклинания Кобольда. Теодору терзала буря страха и боли, а под ними она различала другие темные эмоции: зависть, ревность, гордость и убийственную ненависть. Ее потрясло, что они исходили не от Кобольда, а от Гидеона. Эти чувства кружили вокруг нее, и их можно было разглядеть. Додо знала также, что они исходили от Мерлина и нее самой, что двойник мог выпустить и обратить против них свои самые темные мысли.

Она понимала, что эмоции могут выйти из-под контроля и ее захлестнет темной волной, но держалась за надежную руку Мерлина и знала, что ей надо «желать» еще сильнее, из последних сил. Боль от этого стала так остра, что заставила ее пронзительно кричать. Она почувствовала, что ее отрывает от Мерлина, и знала, что, если это произойдет, зло в этой комнате победит.

Но как раз в этот момент, когда пальцы двойника Гвинлин уже готовы были сомкнуться вокруг руки Гидеона, раздался громкий звериный рык и что-то блестящее и темное стрелой пронеслось через комна-

ту и прыгнуло на привидение, вызванное Кобольдом.

Никто потом не мог понять, откуда взялась Уикка или где она пряталась в их доме. Но позднее Теодора обнаружила несколько глубоких следов виверны под окном кухни соседнего дома, а также помятую и покусанную форму для выпечки шоколадного печенья с орехами. Аромат остывающего лакомства и потребность найти детеныша оказались сильнее боли от сломанной лапы. А когда Уикка вылезла из норы, то уловила слабый, но несомненный запах двойника Гвинлин.

Виверна, отчасти восстановившая силы, лишь немного щадя поврежденную лапу, схватила привидение за костлявую руку и трепала ее с собачьим усердием, от которого дребезжали фотографии на каминной полке.

Но двойник не исчез и после такой атаки. Заклинание было слишком сильным. Призрачное лицо Гвинлин исказилось от беззвучного крика и превратилось в гримасу безудержной ярости. Внезапно она обернулась великаном со множеством страшных черных глаз, как у паука, и с разинутой пастью, еще более жуткой от отсутствия зубов.

Виверна крепко держала это существо клювом и драла его когтями. Оно снова изменилось, обернувшись плачущим младенцем с зелеными эльфийскими глазами, но Уикка все равно не выпускала его. Тогда привидение раздвоилось, потом разделилось снова и снова, пока не появилась дюжина крошечных привидений, снующих по ковру, прячущихся за диваном и под кофейным столиком.

Это оказалось ошибкой. Виверна с победными криками, громко щелкая клювом, уничтожила их одно за другим.

Затем она набросилась на Кобольда, схватив его клювом за ногу и заставив опуститься на колени. Карта виверны полетела на пол, а Мерлин проворно наклонился и поднял ее.

Пока колдун морщился и ругался от боли, Оуроборос обвинилась двумя полукольцами вокруг его запястий, не давая ему чертить в воздухе дьявольские знаки или посылать еще какие-то чары.

Остался только демон. Виверна повернулась, чтобы расправиться с игуанотаном, и он с криком отшатнулся от нее. Но Теодора быстро встала между ними, раскинув руки, чтобы защитить съездившегося от страха демона.

— Нет, — сказала она, — только не его. Он хороший.

Губы Фебрис дрожали, а длинные ресницы были мокры от слез.

— Уикка, ко мне! — приказал Гидеон.

Виверна села, раскрыв клюв и не сводя блестящих глаз с Кобольда.

Когда Гидеон подошел и надел на нее золотую уздечку, она не сопротивлялась.

Теодора совершенно забыла о взрослых на диване. Оглянувшись, она увидела, что Микко потрясенно раскрыла рот, доктор Нага смотрит с интересом, но без особого удивления, а отец проснулся и пришел в себя. Его лицо выражало смесь изумления, недоверия и волнения. Он что-то тихо шептал и быстро писал на обратной стороне конверта, выхваченного из груды почты на кофейном столике.

«Новая ветвь между примитивным архозавром и птерозавром? Но четвероногий, как келурозавр, — эти крылья созданы для махов во время полета, а не для парения. Эта клювоподобная челюсть — почти как у кератопса. Кожа не крокодилья, а покрытая чешуей — у некоторых птерозавров имеется что-то вроде меха... Мне бы хотелось получить несколько чешуек для исследова-

ния под микроскопом. — Потом он хлопнул себя по лбу. — Но это удивительное создание живое! Оно живое, живое, живое... Энди, Энди, Энди, ты полный идиот, все, что тебе надо сделать, — это взять немного крови и исследовать его ДНК!»

Мистер Оглторп отбросил ручку и закричал от радости. Он поцеловал доктора Нага, потом Микко, а затем в диком волнении стал быстро рассказывать художнице об особенностях скелета существ, которые могут летать.

Теодора видела отца таким счастливым и взволнованным только до болезни мамы. Она почувствовала волну облегчения. Это именно то, что нужно. Такое умопомрачительное открытие, несомненно, позволит ему остаться на новый срок. И им не придется переезжать и расставаться с Мило, Вэл и Микко. А потом, может быть, только может быть...

Но как раз в этот момент Додо оглянулась на волшебников и почувствовала, как у нее в животе что-то болезненно сжалось. У некоторых екает сердце, а она всегда ощущала разочарование в глубине живота.

— Он не может ее взять, да? — спросила она, подразумевая под этим, что мистеру

Оглторпу не позволят запомнить виверну, не говоря уже о том, чтобы измерить ее и осмотреть, сделать анализ ДНК и написать об этом большую статью в научном журнале.

Гидеон печально улыбнулся и покачал головой:

— Это было бы неразумно.

Мерлин сочувственно положил руку на плечо девочки.

— Давайте уберем здесь, — он кивком указал на связанного и мрачного Кобольда, — и воссоединим бедняжку Уикку с ее малышом. Потом составим план. Как вы думаете, — тут он повернулся к Микко, — не могли бы вы дать нам чего-нибудь выпить? Волшебство вызывает такую жажду.

Глава 21 ОСТРОВ ГВИНАНН

аступил уже конец августа, и в доме Оглторпов все вновь шло по-старому. Но кое-что все же изменилось. Хотя волшебники и не позволили мистеру Оглторпу запомнить виверну, вышло так, что в заброшенном орлином гнезде на башне таможни, обращенной фасадом

к Бостонской гавани, нашли фрагменты скорлупы необычного яйца.

Их прислали в лабораторию Энди Оглторпа для анализа и идентификации. Он написал научную работу о яйце и о странной чешуйке, найденной вместе с ним, и, вероятно, ее опубликуют в научном журнале.

Мистер Силверферн благосклонно отнеся к его заявлению с просьбой продлить его контракт на работу в университете, а Мадлен Силверферн даже позвала Теодору на свой день рождения. Оказалось, что она не так уж высокомерна, как можно было ожидать. Однако, когда Микко предложила пригласить ее в ответ, Додо сделала вид, будто ее тошнит, и отцу пришлось попросить ее не вести себя так за столом.

У Микко тоже не сохранилось воспоминаний о необычных событиях, случившихся летом. Хотя однажды Теодора застала ее в кладовке с банкой анчоусов в одной руке и пакетиком мармелада в другой. Она стояла с озадаченным видом, затем чихнула и продолжила проверку своей обширной коллекции специй, готовясь к вечеринке по поводу окончания лета.

Это бывало ежегодным событием до того, как умерла мать Теодоры. Когда ее папа

предложил опять провести такую вечеринку, у Додо появилась идея праздника в индонезийском стиле: с большим блюдом риса и множеством маленьких чашечек с соусами и другими подходящими к нему специями.

Мило и Вэл пришли к ним в гости. Они очень повзрослели за лето. Вэлери теперь носила бюстгальтер (и очень гордилась этим), а Мило так вырос и загорел на ранчо, что его едва можно было узнать. Теодора раз или два поймала Вэлери на том, что та пристально смотрит на их друга, и это вызвало у нее какое-то чувство. Нет, не ревность, а понимание, что в шестом классе все пойдет по-другому.

Друзья вышли с чашками жареных бананов и мороженого во двор, чтобы посмотреть на первых летучих мышей. Слышались звуки музыки, разговоры и смех взрослых, а свет падал длинными полосами на темнеющую лужайку. После вялой игры в пинг-понг они лежали на траве и разговаривали о лете.

— Ну а как ты? — спросил наконец Мило.

— Да, — сказала Вэлери, — что ты делала, когда отец уехал?

— О, видишь ли, — ответила Додо, завязывая узелок на травинке, — я проводила

время с Микко. Мы ходили в библиотеку и на пруд. Это довольно скучно.

Вэлери слегка улыбнулась. Она знала, что подруга что-то скрывает. Ей ужасно хотелось узнать, в чем дело, когда они останутся наедине.

На следующий день Теодоре исполнилось двенадцать лет. Она постаралась скрыть разочарование, когда открыла подарок от папы: девятиминутный диск с эпизодами фильма «Волшебники и виверны», не вошедшими в окончательный вариант, и компьютерная игра «Колдуньи и чародеи» — продолжение игры «Орки и предзнаменования». Несколько месяцев назад она бросилась бы к нему, визжа от радости и выражая вечную благодарность, а сейчас она выдавила искусственную улыбку и сказала спасибо, как старой тетушке, которая всегда дарит простое нижнее белье.

— Я знаю, — сказал папа, — ты выросла из всего этого, но я заказал фильм до того, как уехал в Лаос, чтобы обязательно получить его к твоему дню рождения. Но у меня есть еще кое-что, я думаю, это тебе больше понравится.

Теперь он достал из кармана что-то маленькое, синее и протянул ей.

Додо взяла, ничего не понимая.

— Это мамин паспорт, — сказала она уныло.

— Да, я хочу, чтобы он хранился у тебя до того, как ты сможешь получить собственный, — ответил отец. — В следующий раз, когда я поеду в экспедицию, ты поедешь со мной. Микко и я думаем, что ты уже готова к этому.

Теодора уронила паспорт, разрыдалась и бросилась папе на шею. Он тоже обнял ее и заплакал, и даже Микко, которая готовила на кухне, но не резала лук, пришлось вытирать глаза кухонным полотенцем.

Только позднее, глядя на фотографию матери на первой странице паспорта, девочка сообразила, что отец сказал: «Микко и я». Ей надо решиться спросить его, что он имел в виду.

На следующей неделе в гостиной доктора Нага состоялось небольшое собрание, на котором присутствовали только Гидеон, Мерлин, доктор Нага и сама виновница торжества, Теодора, сказавшая дома, что поедет к художнице на урок рисования. Мерлин торжественно вручил девочке ее собственный официальный брелок в виде совы с хрус-

тальным шаром. На нем имелся зажим, чтобы прикрепить его к рюкзаку.

— Но я же ничего не сделала, — запротестовала Додо, когда Мерлин повесил его на металлическое кольцо ее рюкзака.

Гидеон улыбнулся ей:

— Ты просто не понимаешь, что ты сделала. Ты помогла нам найти малыша, и без твоей помощи мы не смогли бы справиться с призраком.

Теодора получила также написанное красивым почерком признание доблести от имени Североамериканского Совета Гильдии Мастеров Волшебных Искусств.

— Пергаментная копия будет готова через месяц-полтора, — объяснил Мерлин. — Их немного задерживают, но не потому, что так много актов доблести ожидает одобрения, а потому, что признание на пергаменте должно быть написано кровью саламандры. Поскольку это исчезающий вид, нам приходится ждать, чтобы саламандры пожертвовали достаточно крови.

— Пожертвовали? — удивилась Теодора.

— Да. Через Пурпурный Крест.

После этого произносились речи и тосты с бокалами лимонада. Казалось несправедливым, что Микко не могла присутствовать

при этом после того, что она сделала для восстановления карты виверны. Но Додо поняла, почему Гидеон, Мерлин и доктор Нага сообща решили лишить ее и мистера Оглторпа воспоминаний о Кобольде, Фебрис и обо всем остальном. Выяснилось, что доктор Нага хоть и не являлась членом Гильдии, но состояла в гораздо более древней сестринской общине со штаб-квартирой в Бомбее и филиалами по всей Индии и Непалу.

Гидеон и Уикка собирались возвращаться через коридор времени в тринадцатый век. Однако не через тот, который проходил от дынной грядки у замка до танцзала клуба «Голгофа» на Сентрал-сквер. Поскольку коридоры, ведущие из прошлого, были ненадежны, инженерный совет Гильдии разработал проект постоянных коридоров времени, действующих с точностью лондонского метро, осуществленный в девятнадцатом веке. Хотя несколько усовершенствованных коридоров располагалось и в самом Бостоне, Гидеон и Уикка отправятся через тот, который шел из внутреннего помещения кондитерского магазина в Салеме.

Однако Вирна, как Теодора назвала дитя, не поедет с ними. Она не вернется

в прошлое, где нет шоколада. Уикка еще способна избавиться от своего пристрастия, а малышка уже никогда не сможет принимать другую пищу. Мерлин собирался отказать от своего положения в Гарварде и от квартиры. Ему надо начать новую жизнь. Он проживет полгода в ветхом замке на одном из уединенных Оркнейских островов к северу от Шотландии, где Вирна обретет возможность скрываться среди туманных руин, а полгода — на плантации какао на восточном побережье Коста-Рики. Там юная виверна легко может сойти за летучую мышь.

Когда Додо, извинившись, вышла в ванную, доктор Нага перевела взгляд с Гидеона на Мерлина и обратно.

— Вы ей скажете?

Мерлин немного подумал.

— Что она потомок волшебника? Думаю, еще нет.

Гидеон некоторое время рассматривал моментальный снимок матери Теодоры с резиновым цыпленком и наконец спросил девочку, есть ли у нее еще фотографии родственников с материнской стороны. Она принесла альбом, и среди старых снимков волшебник нашел выцветший и погну-

тый портрет молодой женщины, сходящей с парохода на острове Эллис примерно в 1900 году.

Без всякого сомнения, это была Гвинлин. Отец послал ее на далекий остров, чтобы излечить от сумасшествия, а какой остров мог быть более далеким, чем Манхэттен начала двадцатого века? Все женщины из ее рода, каждая по-своему, «замечательно умели обращаться с драконами». Это могли быть существа, отлитые в бронзе на сосудах из древнекитайских гробниц или извлеченные как «птеродактили» из известняковых каменоломен в Германии, или сказочные драконы, о которых ходят легенды в деревнях Уэльса.

— Я буду присматривать за ней, — пообещала доктор Нага. — Впереди достаточно времени, чтобы все сказать.

Вернувшись в гостиную, Теодора сделала волшебникам подарки на память. Она долго размышляла, что им купить, и основательно растратила свои сбережения. Гидео-ну она вручила серебристый жилет, легкий, теплый и непромокаемый, для утренних занятий с Уиккой, Оуроборос — забавную соломинку для питья, сделанную для двоих, Игнусу — красивую, узорчатую стеклянную

бутылку с пробкой, в которой когда-то хранилось душистое масло. А Уикке — яркий оранжевый диск для игры: хозяин будет его бросать, а она — ловить.

Гидеона это очень тронуло. Они с Мерлином собирались идти в кондитерский магазин одни, с Уиккой в большом ящике с надписью «Какао». Поэтому ему пришлось попрощаться с Додо на ступеньках дома доктора Нага.

Он очень серьезно посмотрел ей в глаза, как будто увидел в них что-то от Гвинлин, потом рассмеялся над собой и поцеловал девочку в лоб.

— Храни тебя Бог, Теодора Оглторп, — сказал он.

И пошел к машине в новом серебристом жилете, а край оранжевого диска выглядывал из его сумки. Древняя зеленая машина доктора Нага, накренившись, поехала по узкой улице, Мерлин сидел за рулем, а большой деревянный ящик надежно привязали к крыше.

Доктор Нага взглянула на часы и обняла понурившуюся девочку за плечи.

— Я обещала Микко, что ты будешь дома к четверем. Не стоит идти в студию заканчивать урок, но у нас еще осталось вре-

мя, чтобы погулять с Кипом и Руди в парке, а они побегают за теннисными мячами.

Волшебники находились во внутреннем помещении кондитерского магазина. Гидеон сидел скрестив ноги на огромном мешке жареного миндаля. Мерлин пытался сохранять достоинство, вытянувшись на огромной, литров в двести, цистерне с вишней. Они сдвинули в сторону железную крышку с волшебной надписью. Теперь вход в коридор времени мерцал посреди бетонного пола, ожидая их. Уикка дремала в ящичке из-под какао.

— Мерлин, — сказал Гидеон, — перед тем как я вернусь в свое время, мне надо кое-что сказать вам.

Мерлин заинтересовался, но не удивился.

— Я догадываюсь, что. Я тоже это чувствовал во время изыскания. Продолжайте.

— Кобольд действовал не из любви, безумия или мести. Хотя, возможно, он и считал так, и хотел, чтобы мы в это верили.

Гидеон дергал молнию своего нового серебристого жилета вверх и вниз.

— Я не могу это доказать, не понимаю, откуда я это знаю, но мог бы поклясться — это делалось по чьему-то приказанию. Что-

то другое было призом — не Уикка, не ее детеныш, не мое уничтожение. Если бы привидение схватило меня, в конце концов какая судьба ожидала бы меня? Возможно, меня использовали бы, как, по-видимому, использовали Кобольда. Но с какой целью?

Мерлин покачал головой:

— Еще больший приз.

— Но какой?

Мерлин обвел взглядом комнату, его глаза блеснули за очками.

— Подумайте об этом, мой друг. Какой приз еще больше, чем Дикая Магия? Не владение коридорами времени, просто прошлым и будущим, а воротами в никогда-небывшее. В последние двадцать лет исследователи обнаружили несколько отверстий на дне моря, через них вытекает расплавленная горная порода, как в эльфийской легенде о расплавленном золоте в центре земли. Там живут странные существа, их необычность выходит за пределы воображения. Некоторые волшебники пришли к выводу, что существуют отверстия, из которых выходит магия, и необычные вещи так и притягиваются к тем разрывам в обыкновенной реальности.

Гидеон содрогнулся.

— Вывернутая магия? — спросил он.

Это была та отвратительная магия, которую он держал в бутылке, перевязанной струнами от эльфийской арфы, в заколдованной железной шкатулке.

Мерлин кивнул и посмотрел на часы.

— Надеюсь, что я ошибаюсь. Время покажет. Кстати о времени, мой друг, вам пора отправляться в путь. Постарайтесь иногда посылать мне письмо по коридору времени. Доктор Нага будет проверять каждый четвертый вторник и сообщать мне.

Гидеон кивнул и удостоверился, что Оуроборос находится у него на руке, а Игнус во фляжке в кармане. Потом он нагнулся, чтобы выпустить Уикку из ящика. Она протестующе крикнула, открыла свои кошачьи глаза и сонно прищурилась.

— Пойдем, — прошептал он, надевая на нее уздечку, — для тебя есть блюдце сливок на другой стороне.

Он прикрепил к уздечке веревку из лунного света и крепко обернул другой ее конец вокруг пояса, заговорив узел. Затем встал и протянул руку Мерлину:

— Прощай, друг.

Мерлин ответил на рукопожатие и, подчеркивая сильный ирландский акцент, ска-

зал древнее благословение ирландских волшебников:

— Пусть луна восходит, чтобы встретить тебя, и ветер будет повиноваться тебе.

Позвав виверну, Гидеон ступил в круг, и они исчезли.

А что же стало с Кобольдом и Фебрис? Гильдия вынесла решение, что за произнесение запрещенных заклинаний и поведение, не подобающее члену братства волшебников, Кобольд должен подвергнуться Великому Понижению. Эта процедура представляла собой нечто среднее между лишением адвоката права на профессиональную деятельность и обрезанием когтей у кота. Это оставило ему лишь очень слабые способности, но все же их вполне хватало на то, чтобы вносить сумятицу во властные структуры в Вашингтоне или в магазинах на Уолл-стрит. Поэтому Кобольд, теперь зовущийся Конни Лэмб, был сослан в Голливуд работать вместе с другими волшебниками над спецэффектами. Если вы будете просматривать титры следующего фильма «Волшебники и виверны», то сможете увидеть его имя среди десятков других.

Фебрис не вернулась через коридор времени. Гидеон и Мерлин не смогли испол-

нить ее самое заветное желание — стать настоящей женщиной. Однако теперь она обладала слишком большим сердцем, чтобы найти работу в качестве Демона Первого Класса. Немного поразмыслив, волшебники привели ее в городской сад и под покровом темноты придали ей новый облик. С тех пор всякий раз, когда Теодора приходила в сад, она обязательно подзывала одного особого лебедя — обычно он с довольным видом шлепал перепончатыми лапами на мелководье — и кормила его мармеладом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. КРОЛИЧЬЯ НОРА, ВЕДУЩАЯ СКВОЗЬ ВРЕМЯ	5
Глава 2. ТЕОДОРА, ИЗВЕСТНАЯ КАК ДОДО	18
Глава 3. ВОЛШЕБНИК С ХАРВАРД-СКВЕР	33
Глава 4. ПОЛЬЗА ВИВЕРН	46
Глава 5. ЗАБЫТОЕ ИСКУССТВО ПРИВОРАЖИВАНИЯ	62
Глава 6. ОТЛИЧНЫЙ ЗАМЕНИТЕЛЬ ГЛАЗА ТРИТОНА	78
Глава 7. НЕВЕЗУЧЕСТЬ	92
Глава 8. НЕУДАЧНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ	102
Глава 9. ДРАКОН В ВАННЕ	112
Глава 10. ДРУГОЙ СПОСОБ ВЫЗВАТЬ ВИВЕРНУ	126
Глава 11. ОКО ВИВЕ	143
Глава 12. КОЗЫРЬ ВОЛШЕБНИКА	155
Глава 13. ГАДАНИЕ	168
Глава 14. ДЕМОНИЧЕСКАЯ МИККО	186
Глава 15. СПАСЕНИЕ	203
Глава 16. УБЕЖИЩЕ	220
Глава 17. УХОД ЗА ДЕТЕНЬШАМИ ВИВЕРН И ИХ КОРМЛЕНИЕ	237
Глава 18. ЗАПАДНЯ	250
Глава 19. ВО ВЛАСТИ КОБОЛЬДА	262
Глава 20. ГДЕ УИККА?	273
Глава 21. ОСТРОВ ГВИНЛИН	288

Литературно-художественное издание

Серия «The Best. Children»

Для среднего школьного возраста

ЭНН ДОУНЕР
МАГИЯ В СКОРЛУПЕ

Ответственный редактор Ольга Миклухо-Маклай

Редактор Виктория Чиркова

Художественный редактор Олег Рябов

Технический редактор Татьяна Тихомирова

Корректоры Наталья Мельникова, Анна Быстрова

Верстка Александра Савастени

Директор издательства Максим Крютченко

Подписано в печать 19.03.2007.

Формат издания 60×90 ¹/₁₆. Печать офсетная. Гарнитура «Петербург».

Тираж 7 000 экз. Усл. печ. л. 19. Изд. № 2084. Заказ № 0704220.

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.02.953.Д.005253.06.06 от 20.06.2006 г.

Издательство «Азбука-классика»

196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ЭНН
ДОУНЕР

МАТИЯ В СКОРУПЕ

